

№ 2, ДЕКАБРЬ 2020

Литературно-художественный и общественно-публицистический журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Краснодарское региональное отделение
Союза писателей России

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350000, Краснодар, ул. Коммунаров, 58

Рукописи принимаются в электронном
виде (направлять на адрес:
snmakarova@mail.ru)

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.
Материалы публикуются в авторской
редакции.
За достоверность информации
ответственность несут авторы.
Их мнение может не совпадать
с точкой зрения редакции

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Николай Иванов (Москва)
Геннадий Иванов (Москва)
Сергей Шаргунов (Москва)
Василий Дворцов (Москва)
Юрий Азаров (Москва)
Александр Сегень (Москва)
Вадим Терёхин (Калуга)
Елена Пиетиляйнен (Петрозаводск)
Владимир Гаврилович (Гомель)
Валентин Папко (Краснодар)
Людмила Бирюк (Краснодар)
Вячеслав Динека (Краснодар)
Николай Ивеншев (Краснодар)
Любовь Мирошникова (Краснодар)
Татьяна Немчинова (Краснодар)
Владимир Нестеренко (Краснодар)
Нина Стрижова (Краснодар)
Наталья Широбокова (Краснодар)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

С.Н. Макарова-Гриценко

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР

(компьютерная вёрстка):

В.В. Романов

ТЕХНИЧЕСКИЙ ДИРЕКТОР:

Н.Ф. Скударнов

© Краснодарское региональное отделение
Союза писателей России, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Хроника

Международная литературная премия имени Кирилла Туровского

Открытие памятной доски Крониду Обойщикову

Нам есть кем гордиться

Всероссийский литературный фестиваль-конкурс "Поэзия русского слова"

Краевой юношеской библиотеке им. И.Ф. Вараввы 40 лет

Новые книги

К 75-летию Великой Победы

Иван Варавва

Поле боя

(К 95-летию со дня рождения)

Кронид Обойщиков

К северу, к северу, к северу...

(К 100-летию со дня рождения)

Юрий Васин

И снова о потерях вермахта: пересчитываем Гальдера

Владимир Архитов

Далёкое-близкое

Имена и даты

Людмила Бирюк

Друзья мои, "испанцы"

Владимир Юдин

"Гой, ты, Русь моя родная..."

Поэзия

Ольга Сафронова

Об осени и о любви

Алексей Смоленцев

Однажды... в Краснодаре

Олег Селедцов

Прощание с Летом

Поэтическая аллея

3 *Людмила Мурашова* 56

Бауыржан Манасов 56

Лора Важинская 57

4 *Анна Жаворонкова* 58

Галина Уфимцева 58

5 *Николай Ксендз* 59

6 ***Проза***

Вячеслав Динека 61

Так Гриць и помер...

Владимир Кирпильцов 64

Куда ушли меоты

9 *Николай Ивениев* 73

Командирский завод

11 *Владимир Романов* 80

Дела литературные

16 *Геннадий Пошагаев* 86

Любимый муж

Елена Нимчук 91

20 **Старики**

Людмила Чекменёва 93

Три яблочка

28 ***Литература и общество***

Светлана Макарова-Гриценко 96

Про детское чтение в цифровом мире

38 *Сергей Лёвшин* 104

Лайкобесие

41 ***Семейное чтение***

Сергей Тимшин 108

Зарисовки в разнолетье

45 *Виктория Хвалова* 115

Сюрприз

49 *Элина Савченко* 118

Веточка мимозы

53 *Людмила Шарова* 122

Самый счастливый день

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРЕМИЯ ИМЕНИ КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО Краснодарская писательская организация удостоена высокой награды

Многолетние творческие связи Краснодарского регионального отделения Союза писателей России и Гомельского областного отделения Союза писателей Беларуси получили достойное продолжение. На международный фестиваль "Славянские литературные дожинки – 2020", который уже 15 лет проходит в Гомеле, гости из Краснодара приехали не с пустыми руками. К 15-летию юбилею областной писательской организации, которая учредила знаменитые "Дожинки", приурочен целевой номер краевой литературной газеты "Кубанский писатель", пред-

ставивший творчество гомельских поэтов и прозаиков. Благодарственное письмо министра культуры Краснодарского края Виктории Лапиной адресовано председателю ГО СПБ Владимиру Гавриловичу.

В 2014 году в Гомеле был подписан договор о сотрудничестве между белорусскими и кубанскими литераторами. За это время прошли многочисленные встречи и презентации, появились переводы стихов, публикации в журналах и альманахах, вышли четыре поэтических сборника на русском и белорусском языках, представляющие творчество литераторов братских народов.

На торжественном собрании, посвящённом 15-летию Гомельской писательской организации, состоялось вручение премии им. Кирилла Туровского. Кубанская писательская организация удостоена этого высокого признания! Председатель ГО СПБ Владимир Гаврилович вручил диплом и серебряную медаль Международной премии им. Кирилла Туровского руководителю Краснодарской писательской организации Светлане Макаровой-Гриценко, которая также была отмечена Архиерейской грамотой Архиепископа Гомельского и Жлобинского Стефания за значительный вклад в популяризацию православной и художественной литературы.

Краснодарская делегация приняла также участие в фестивале славянской литературы, искусства и народных традиций в Житковичском районе Белорусской республики. Литераторы выступили в школах и городских Домах культуры, а также на празднике День города в Гомеле.

Прошедшее лето также отмечено наградами. На международном фестивале молодых поэтов и переводчиков "Берега дружбы" медалью Международного Союза писателей и мастеров искусств (Украина) "За служение русскому слову" награждены председатель КРО СПР С.Н. Макарова-Гриценко и член правления организации В.А. Динька, нагрудными знаками "Почётный наставник творческой молодёжи" отмечены руководитель краевого отделения Совета молодых литераторов при КРО СПР Эллина Савченко и Ольга Звягина – заместитель руководителя литературного объединения "Поиск" (г. Новокубанск).

СОБИНФО

ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНОЙ ДОСКИ КРОНИДУ ОБОЙЩИКОВУ

В Краснодаре на доме по улице Фестивальной, 40, в котором долгое время проживал легендарный поэт и журналист Кронид Обойщиков, открыта мемориальная доска!

В памятном мероприятии приняли участие представители Администрации Краснодара, депутаты, писатели, родные и близкие Кронида Александровича.

С приветственным словом к присутствующим обратился А.Ю. Смертин, заместитель главы города:

– Открытие памятной доски Крониду Александровичу Обойщикову – это, действительно, знаменательное событие для Краснодара. Неслучайно оно проходит в год 75-летия Великой Победы.

Кронид Александрович принадлежал к тому поколению, которое прошло все ужасы войны, но не ожесточилось сердцем, умело ценить и любить жизнь во всех её проявлениях. У него, без преувеличения, был безграничный талант. Я уверен, что этот адрес по праву станет одним из самых значимых на литературной карте нашего города, – сказал Антон Смертин.

В мероприятии приняли участие директор департамента по связям с общественностью и взаимодействию с правоохранительными органами Георгий Пронькин, заместитель председателя городской Думы Краснодара Татьяна Гелуненко, глава Западного внутригородского округа Дмитрий Водолацкий, дочь поэта, старший научный сотрудник отдела "Литературный музей Кубани" Галина Постарнак, внук писателя, руководитель общественной организации "Суворовское движение" Константин Кудинов, председатель Краснодарского регионального отделения Союза писателей России Светлана Макарова-Гриценко, член Союзов писателей и журналистов России Татьяна Немчинова.

Выступавшие не могли скрыть волнения, звучали стихи и воспоминания о писателе, чьи произведения являются достоянием не только кубанцев, но и всей России. Кронид Александрович Обойщиков – Почётный гражданин Краснодара и Герой Труда Кубани, заслуженный работник культуры России и заслуженный деятель искусств Кубани, Народный поэт Адыгеи. Автор двадцати пяти поэтических сборников, либретто двух оперетт и текстов двухсот песен.

Родился он 10 апреля 1920 года в станице Тацинской Ростовской области. В 1940 году окончил Краснодарское военное авиационное училище и в звании младшего лейтенанта прибыл для прохождения дальнейшей службы в 211-й ближнебомбардировочный авиаполк Одесского военного округа. С первых дней Великой Отечественной войны в качестве штурмана самолёта СУ-2 участвовал в боевых действиях на Юго-Западном фронте. Более 30 боевых вылетов совершил в дни обороны Киева. Охранял северные конвои союзников. Награждён за боевые заслуги двумя орденами Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды и семнадцатью медалями. В частях ВВС и ПВО служил до 1960 года на Балтийском, Северном и Тихоокеанском флотах. Накануне своего 90-летия в марте 2010 года был приглашён в Англию на историческую встречу с участниками северных морских конвоев.

В юбилейный год 75-летия Победы ему исполнилось 100 лет со дня рождения. В честь легендарного земляка в Краснодаре названа улица. Его имя в присвоено библиотеке и двум школам, казачьим классам.

– Он был весёлый человек. И на этой фотографии, которая переведена на плиту, он тоже улыбается. Это внук, Константин, мой сын, фотографировал папу в нашем районе – на улице имени Тургенева, рядом с храмом и его любимыми самолётами, – рассказала дочь поэта Галина Постарнак.

Стихи знаменитого прадеда прочёл пятилетний правнук Кронид Кудинов.

"Имя твоё в небесах пронесу! – написал когда-то, обращаясь к любимому городу Краснодару, поэт К.А. Обойщиков. Его имя навечно – в памяти горожан, в сердцах земляков-кубанцев.

НАМ ЕСТЬ КЕМ ГОРДИТЬСЯ

22 сентября 2020 года состоялось важное событие не только для станицы Плоской и Новопокровского района, где оно проходило, но и для всей Кубани – открыта мемориальная доска известному советскому писателю, истинному патриоту России Ивану Афанасьевичу Зубенко. Именно 22 сентября ему исполнилось бы 83 года. Но его нет с нами уже 20 лет. Все эти годы краеведы, члены районного общества историков-архивистов публиковали статьи в газетах, очерки в книгах, проводили беседы о его жизни и творчестве, пытались добиться увековечивания памяти замечательного писателя, но все их усилия упирались в бюрократические проволочки. И вот, наконец, открыта первая на Кубани мемориальная доска человеку, который много сделал для просвещения её народа, для развития литературного творчества в Краснодарском крае. Это стало возможным благодаря активному содействию Краснодарского регионального отделения Союза писателей России во главе с председателем Светланой Николаевной Макаровой-Гриценко и главы администрации муниципального образования Новопокровский район Александра Викторовича Свитенко.

В станице Плоской Иван Афанасьевич родился и провел юные годы. Здесь под воздействием матери, бабушки, дедушки, местных учителей он научился ценить и понимать окружающих его людей, которые потом стали прообразами героев многих произведений. Здесь он познал жизнь земляков во всех её проявлениях, и в нём пробудилась жажда литературного творчества. Под впечатлением от увиденного и услышанного в станице, он написал много ярких произведений, в которых чувствуется дыхание родных мест, в которых проявилась его житейская мудрость, природная культура, глубокое понимание психологии сельского труженика – самой надёжной опоры родного Отечества.

Благодаря глубокому знанию образа жизни своих земляков и литературному таланту, писателю удалось реалистично отразить в своих художественных произведениях историю кубанского села 50...60-х годов прошлого века.

В каждом из его произведений проявляется обострённое чувство справедливости, сочувствия к людям, желание писателя оградить их от бед и страданий.

Его литературное творчество высоко ценили в Советском Союзе. Книги писателя издавались огромными тиражами. Их читали даже в самых отдалённых уголках страны. Его рассказы были популярны в Новопокровском районе. Они публиковались в районной газете "Ленинец", по ним проводились дискуссии. Иван Афанасьевич часто встречался с хлеборобами, животноводами, интеллигенцией района. Знакомил своих земляков с новыми произведениями, обсуждал с ними жизнь в стране и за рубежом. Добрые отношения писатель поддерживал с редакцией районной газеты, с редактором газеты "Советская Кубань" Дементием Яковлевичем Красюком. О таких встречах сохранились самые тёплые воспоминания у многих друживших с ним людей.

Став известным писателем, И.А. Зубенко постоянно бывал в Плоской, где проходили его творческие встречи с земляками. Он любил свою станицу, скучал по ней. И когда приезжал сюда, останавливался в своей маленькой хатёнке, которую он с болью описал в новелле "Посвящение матери". Встречался с земляками, подолгу беседовал с ними. Бродил вдоль речки, по Полтавскому мосту. Вновь и вновь черпал он здесь исходный материал для своего творчества. Выходили новые рассказы и повести, наполненные правдой и жизненной силой.

Именно поэтому и сегодня они по-прежнему востребованы читателями. Привлекает современных читателей живая, не прикрытая надуманными красотами жизнь, яркие образы, нравственная позиция автора, зовущая к свету и добру. Гуманные идеи писателя находят по-прежнему отклик в сердцах людей.

Иван Бойко, краевед, член Международного Союза писателей и мастеров искусств

"ПОЭЗИЯ РУССКОГО СЛОВА"

Со 2 по 4 октября в Анапе прошёл Всероссийский литературный фестиваль-конкурс.

Учредителями уникального литературного проекта являются Краснодарское отделение Союза писателей России и администрация города-курорта Анапа. В 2020 году Анапа встретила пятый, юбилейный фестиваль "Поэзия русского слова", собирающий множество участников со всех уголков России, ближнего и дальнего зарубежья.

В финал юбилейного фестиваля-конкурса вышли 68 литераторов, приславших свои произведения в конкурсные номинации "Проза", "Поэзия", "Литературный перевод" и "Литература для детей". Каждая из номинаций традиционно разделялась на категории: "Мастер", "Открытие с 35 лет", "Надежда до 35 лет".

Ограничительные меры, введённые на территории России в связи с угрозой распространения коронавирусной инфекции, не позволили участникам "Поэзии русского слова" встретиться на солнечных анапских берегах, поэтому все мероприятия фестиваля-конкурса в нынешнем году проводились в онлайн-формате. Жюри, состоящее из высокопрофессиональных литераторов, крупных литературных деятелей России, также работало дистанционно. В нынешнем году произведения конкурсантов оценивали:

- поэт, прозаик, публицист, Президент фестиваля, заместитель председателя правления Союза писателей России – генеральный директор Союза писателей России Василий Дворцов;
- поэт, прозаик, публицист, член Союза писателей России, руководитель Краснодарской краевой писательской организации Светлана Макарова;
- поэт, член Союза писателей России, член правления Краснодарского краевого отделения Союза писателей России Вячеслав Динека;
- народный поэт Якутии, заслуженный работник культуры Республика Саха (Якутия) и РФ, член Союза писателей Якутии и РФ, председатель правления Союза писателей Якутии и РФ, секретарь Союза писателей России Наталья Харлампьева;
- поэт, заслуженный деятель искусств Кубани, секретарь, член правления Союза писателей России Николай Зиновьев;
- прозаик, поэт, публицист, член Союза писателей России, заслуженный работник культуры Кубани Николай Ивеншев;
- поэт, прозаик, член Союза писателей России, Союза журналистов России, Международного союза писателей и мастеров искусств Сергей Лёвин.

В дни проведения мероприятия на сайте и на страничках Центра культуры "Родина" в социальных сетях, а также в официальной группе фестиваля на Facebook гости литературного праздника могли побывать на торжественной церемонии его открытия, услышать напутственные слова членов жюри, познакомиться с участниками фестиваля-конкурса и присланными ими конкурсными произведениями и, конечно, узнать имена победителей.

Ими стали прозаики Платон Гарин (Краснодар), Анна Харланова (Липецк), Григорий Шокин (Мурманск), Ксюния Вежбицкая, (Реутов), Любовь Ишунькина (Анапа) и Анна Завадская (Сатки).

В номинации "Поэзия" лучшими названы Ирина Григоренко из Липецка, Марина Овчинникова (Сатки), Мария Казаковцева из Анапы, Галина Слайковская из Геленджика и Хананина Ирина из кубанской станицы Староминская.

Москвичка Лидия Щербаква и анапчанки Наталья Шарапова, Любовь Ишунькина и Татьяна Буденкова, Валерий Крутицкий из Геленджика и Ольга Никифорова из посёлка Межевой (Челябинская область) стали лауреатами в номинации "Литература для детей".

Дипломы лауреатов в номинации "Литературный перевод" получили анапчанка Татьяна Ефимова, Светлана Пригоцкая из Вятки и Оксана Сошникова из Можги вместе с мурманчанином Григорием Шокиным.

Несомненно, что именно пятилетняя история проведения столь значимого мероприятия в городе-курорте, а также многолетняя работа литературных объединений "Парус" и "Авангард", защитивших и подтверждающих звание "Народный коллектив", позволили Анапе получить высокое признание. **Союз писателей России присвоил городу-курорту Анапа почётное звание "Литературный город России"**. Этот новый статус присваивается городам и населённым пунктам, уделяющим значительное внимание сохранению литературного наследия и пропаганде художественного слова.

КРАСНОДАРСКОЙ КРАЕВОЙ ЮНОШЕСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ ИМЕНИ И.Ф. ВАРАВВЫ – 40 ЛЕТ

Библиотеки, как и люди, имеют свою биографию и свою судьбу. Прошло сорок лет с тех пор, как на Кубани открылась специализированная библиотека для юношества и молодёжи. Сейчас вся краевая сеть структурных подразделений в составе централизованных библиотечных систем насчитывает 105 юношеских/молодёжных библиотек, отделов, кафедр. Ежегодно на Кубани проводится более 30 000 культурно-просветительских мероприятий для молодёжи, работают более 300 клубов различной тематической направленности, в том числе 5 из них – в самой краевой юношеской.

В 90-е библиотека первой на юге России стала внедрять в практику своей работы автоматизацию всех процессов, компьютерные технологии, подключение к глобальной сети Интернет. Был создан первый сайт, открыт первый компьютерный читальный зал. К началу нового тысячелетия появилась возможность осуществлять непрерывное профессиональное образование специалистов, работающих с юношеством на краевом, региональном, а затем и на международном уровнях: проводить международную конференцию "Через библиотеки – к будущему". Сборник, издаваемый по итогам этого ежегодного форума (а состоялся он уже 19 раз), востребован во всех регионах России и за её пределами.

С 2008 года краевая юношеская библиотека носит имя выдающегося поэта, фольклориста, переводчика Ивана Вараввы. Популяризация наследия поэта-фронтовика – одно из ярких направлений деятельности библиотеки. Вараввинские чтения, Дни кубанского кобзаря, литературные конкурсы, посвященные его творчеству, – этими и другими мероприятиями богато насыщена жизнь библиотеки. Ежегодно в данных проектах принимают участие молодые читатели и библиотекари из всех муниципальных образований края. В нынешний год 95-летнего юбилея поэта уже подводит свои итоги открытый фестиваль "Хранители литературной славы казака и поэта Ивана Вараввы".

Жизнь современной юношеской библиотеки невозможна, да и, наверное, была бы неинтересной без внедрения креативных идей и дальнейшей реализации разнообразных проектов, мероприятий краевого, регионального, всероссийского уровней. Так, за разработку и успешную семилетнюю реализацию краевого культурно-информационного марафона "Читать о спорте книги надо, мы ждём тебя, Олимпиада!" коллектив библиотеки в 2015 году стал лауреатом премии администрации Краснодарского края. В 2018 году Всекубанский духовно-просветительский лекторий "Из книг звонили колокола" одержал победу в международном грантовом конкурсе "Православная инициатива". Благодаря этому молодые читатели Кубани получили возможность встретиться с писателями-лауреатами Патриаршей литературной премии Владиславом Бахревским, Василием Дворцовым, Дмитрием Володихиным, Борисом Тарасовым, Константином Ковалёвым-Случевским, Александром Громовым.

В копилке масштабных проектов – создание "живой книги" Виктора Лихоносова "Наш маленький Париж": читает молодёжь Кубани". В нём приняли участие полторы тысячи молодых читателей со всего края. Текст романа был прочитан, записан на видео, а ролики Чтения размещены в сети Интернет на YouTube. "Живая книга", занимающая по продолжительности времени чтения около 40 часов, явилась своего рода подарком известному российскому писателю Лихоносову в год его 80-летнего юбилея.

С 2018 года совместно с компанией "Ростелеком" реализуется интеллектуальный онлайн-проект "IQ выше среднего". Он включает в себя цикл научно-популярных лекций с участием известных учёных и деятелей культуры. Молодёжь из разных уголков Кубани, Адыгеи, Астрахани, Волгограда и Нальчика получила возможность пополнить свои познания об окружающем их мире.

В 2007 году началась реализация долгосрочного и поистине уникального библиотечного проекта – Диалога национальных литератур. Виртуально в нём приняли участие библиотеки и писатели всех 13 республик, краев и областей тогдашнего Южного федерального округа. Проект Диалога был удо-

стоен гранта Президента Российской Федерации, благодаря чему в 2009 году в Краснодар съехались писатели и поэты из этих субъектов, чтобы уже "вживую" встретиться со своими читателями. Реализация этого проекта продолжается до сих пор, но теперь уже в новом современном формате и с другим названием. Евразийский библиотечный Интернет-форум ежегодно меняет тему, но не меняет прописку и объединяет в самых разных номинациях творческую и читающую молодежь не только из Краснодарского края и других регионов России, но и Казахстана, Беларуси, Абхазии, Армении. Тема 2020 года "Код Победы – единство" проходит под знаком 75-летнего юбилея Великой Победы наших народов над фашизмом.

Году памяти и славы посвящен новый проект библиотеки – сайт "Обретшие бессмертие". Он представляет собой фотогалерею 16 писателей и поэтов-фронтовиков разных национальностей, Героев Советского Союза. Среди них три наших земляка, которые проживали или воевали на Кубани. Это поэт и журналист Хусейн Андрухаев, первым среди писателей получивший звание Героя Советского Союза; детский писатель Борис Тихомолов; писатель и фронтовой корреспондент Сергей Борзенко, воевавший на Малой земле. Страница любого автора включает в себя подборку фотографий, информационный контент и блок книг, кликнув мышкой обложки которых можно познакомиться с опубликованными в них текстами.

Следуя требованиям времени в активе библиотеки появляются новые проекты. Один из них – Интеллектуальный кибертурнир. Соревнования молодежи проходят в форме виртуального квеста, викторин и литературных заданий на электронных площадках сети Интернет. Ежегодно в турнирах принимают участие более 40 команд из 44 муниципальных образований края. В 2019 году интеллектуальный кибертурнир стал победителем в номинации "Проект, находящийся в стадии реализации" на

Всероссийском конкурсе стартап-проектов "Библиотека будущего" в городе Вологде.

Практически со дня своего основания библиотека нацелена на приоритетное обслуживание молодых читателей-инвалидов, в том числе на дому. Для них ежегодно проводится большое количество мероприятий, функционирует клуб "Подсолнух". Работа по организации добровольческого движения "Книга – моему сверстнику-инвалиду" на конкурсе инновационных проектов "Свершения и мечты молодых библиотекарей России-2009" в номинации

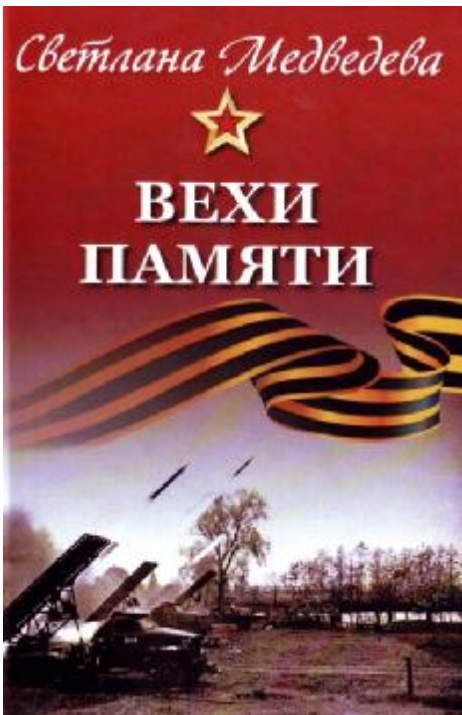
"Свершения" была отмечена дипломом "За гуманистическую направленность проекта".

Ежегодно для своих читателей и молодежи библиотека проводит около тысячи массовых мероприятий и акций, в том числе в социальных сетях. Так в мае-августе нынешнего года в сети Instagram состоялись три культурно-просветительские акции, в которых приняли участие более 3,5 тысяч человек из городов и районов края. Особенно интересные и насыщенные программы готовят специалисты к таким акциям и проектам, как "Неделя книги", "Библионочь", "Ночь музеев", "Ночь искусств".

Казалось бы, за эти годы столько всего придумано и реализовано, что новых идей уже не найти. Но источник творческого вдохновения, энтузиазма и креатива в Краснодарской краевой юношеской библиотеке имени И.Ф. Вараввы по-прежнему радуется и удивляется новыми проектами своих читателей, коллег, партнеров.

Штейник Татьяна Александровна,
ведущий методист Краснодарской краевой
юношеской библиотеки им. И.Ф. Вараввы

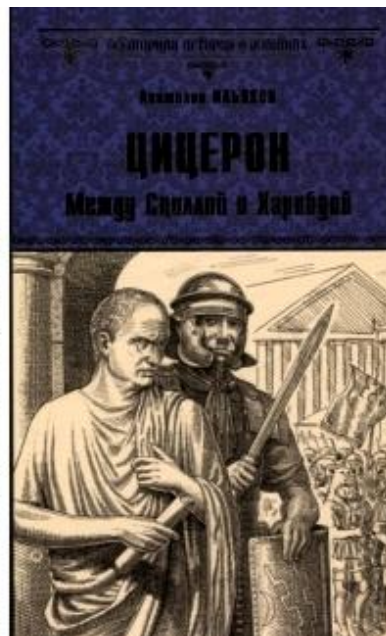
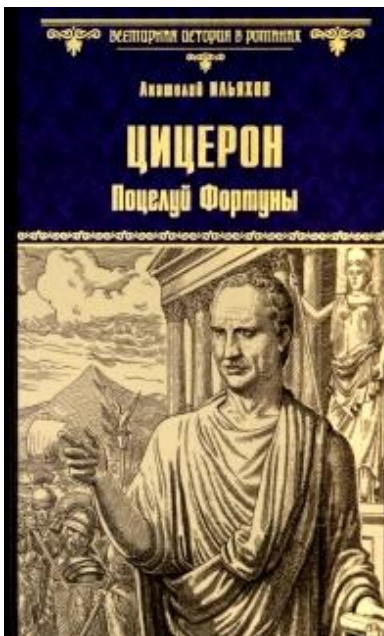
НОВЫЕ КНИГИ

Светлана Афанасьевна Медведева известна кубанским читателям, как талантливый поэт, прозаик и очеркист, автор одиннадцати книг. В новый сборник поэзии и прозы "Вехи памяти" вошли произведения, посвящённые подвигу советского народа, разгромившего фашизм в Великой Отечественной войне, а также наиболее памятным вехам в судьбе автора, неотделимым от жизни нашей Родины. Тема патриотизма – одна из важнейших в творчестве писательницы. Многочисленные конкретные даты, факты и события придают книге документальную достоверность.

Книга издана в 2020 году, в Краснодаре, в издательстве "Просвещение-Юг".

* * *

В серии "Всемирная история в романах" московским издательством "Вече" в октябре 2020 года выпущена в свет дилогия Анатолия Ильяхова, рассказывающая о судьбе одного из самых влиятельных государственных деятелей Римской республики Марка Цицерона. Ранее книга была издана в Краснодаре издательством "Рекламный дом Кубани" и удостоена литературной премии им. Анатолия Знаменского. Диплом лауреата вручён писателю в День города Краснодара.

* * *

"Сборник Татьяны Немчиновой "XXI век. Кredo писателя и гражданина" состоит из трёх доминирующих частей: первая "С веком наедине" – это научные публикации; вторая – "Писатель о писателях" – эссе о собратях литераторах и рецензии-отклики на новые книги; третья – "Осмысление" – историко-культурологические статьи. Объединяют все три части такие вечные и высокие понятия, как Любовь, Память, Совесть, Отчий дом, Народ, Родина, Россия, а также то, что именно это и является самым важным и для героев Татьяны Павловны, и для неё самой".

Владимир Тулупов,
 профессор, доктор филологических наук, член Союза
 писателей России,
 член Союза журналистов России, президент Академии
 наук
 региональной печати России

Книга вышла в Краснодаре в издательстве ООО "Просвещение-Юг" и адресована работникам образования, аспирантам, а также руководителям и лидерам молодёжных патриотических движений России. Содержит обширные фотоматериалы и хроники.

* * *

Новый роман Владимира Серебрякова "За гранью известного" автор посвятил всем, кто причастен к обеспечению безопасности страны, всем живым и погибшим, "всем, чья нелёгкая служба проходит под грифом "совершенно секретно" – сотрудникам Федеральной Службы Безопасности, Службы Внешней Разведки, Федеральной Службы Охраны, Главного Разведывательного Управления и нашим славным пограничникам". Герои книги служат в упомянутых подразделениях, служат России. Книга вышла в Майкопе весной 2020 года.

ИВАН ВАРАВВА (1925 – 2005)

К 95-летию со дня рождения

Иван Фёдорович Варавва – советский поэт, прозаик, журналист. Родился в 1925 году в семье кубанских казаков. Ушёл на фронт добровольцем в 1942 году в возрасте 17 лет. Прошёл с боями до Берлина. Награждён тремя боевыми орденами и медалями. После войны окончил Московский Литературный институт им. Максима Горького. Первый поэтический сборник "Ветер с Кубани" вышел в свет в 1954 году в Москве.

И. Варавва – Герой труда Кубани, Народный поэт Адыгеи, лауреат литературных премий. Иван Фёдорович – Почётный гражданин города Краснодара, Почётный Академик Кубанской Академии культуры и искусства, Почётный Атаман Пашковского куреня. Член Союза писателей СССР с 1954 года.

ПОЛЕ БОЯ

* * *

Не плюй, чудак, в колодец –
пригодится!..
Хоть дома у тебя водопровод.
Однажды в жизни
может так случиться:
вода по трубам
в хату не пойдёт.
И будешь ты тогда искать колонку
и вспоминать
колодца мшистый сруб,
чтобы умыть чумазого ребенка
и чай согреть,
сварить обычный суп.
Чело твоё захмарится кручиной,
и выдохнешь соседу ты:
– Беда!..
Не плюй, чудак, в колодец
без причины.
Священна в нём хрустальная вода.

* * *

Выйду в степь, на поля плодородные,
поднимусь на высокий курган.
Ты цветы, моя милая Родина,
колыхая хлебов океан.

Где шумели мечи харалужные,
где земля засевалась свинцом –
наливаются зёрна жемчужные
и пестреют луга чабрецом.

От Кубани к раздольям Дуная,
через Днепр, через Волгу и Дон
ходит полем пурга урожайная,
бьёт колосьев раскованный звон.

Снеговые вершины нагорные
отмечают туманный мираж, –
степь до края наполнена зёрнами,
как набитый лежит патронташ.

Выйду в степь. За степными прокосами
чья-то песня плывет в тишине.
Огневые литыми колосьями
пробуждается радость во мне.

* * *

Сентябринки, мама, сентябрины,
сентябринки, мама,
во дворе
зацвели сегодня у Галины
в месяце осеннем, сентябре.
Цвет их перевозданно
синий-синий,
и над ними неба белизна.

На полях осенний
 белый иней,
 а в душе надежда и весна.
 Пусть они цветут, не увядая,
 синева их эта хороша
 оттого, что Галя молодая
 и, как май, поет её душа.
 В тишине кубанские равнины,
 и сентябрь
 дождями сентябрит.
 Сентябринки, мама,
 сентябрины –
 сад осенний тихо говорит.

* * *

Мне не жалко в даль седую
 улетевших голубей,
 мне не жалко поцелуев
 пересмешницы моей.
 Белых рук её горячих,
 затуманенных очей.
 Жаль на счастье, на удачу
 вместе сгубленных ночей.
 Жаль рассветов и закатов,
 неразбуженных дубрав
 и с тобою не примятых
 молодых зеленых трав.
 Жалко зорьку по озёрам,
 на извилистом пути
 тех дорожек, по которым
 мне к тебе уж не дойти.
 Не добраться, даже птицей
 до тебя не долететь.
 Будет спелая пшеница
 полю раннему звенеть:
 всё, что в памяти осталось, –
 не волнуй,
 не вороши,
 если счастье затерялось
 в глубине её души.

* * *

Будто в ряд мудрецы-исполины
 у морских разгулявшихся волн,
 встали горы на миг

и застыли,
 подпирая друг друга плечом.

Меховые папахи угрюмо
 нахлобучив до самых бровей,
 величавую думают
 думу
 о дорогах больших кораблей.

О сердцах человеческих смелых,
 чьи пока им не ясны черты,
 что, как горы,
 вздымают пределы
 голубой ветровой высоты.

О рожденье бурливого моря,
 о началах народов и стран
 думу думают
 гордые горы...
 По плечам их сползает туман.

* * *

Уже пурга слепит мне очи,
 метели зимние метут,
 а возле моря, в тёплом Сочи
 ещё магнолии цветут.
 Вечнозелёные самшиты,
 и дуб, и бук, и красный тис –
 росой свежее омыты,
 к морскому берегу сошлись.
 В горах Кавказа солнце греет
 вершин слепящие снега,
 и холодком прозрачным веет
 на субальпийские луга.
 Приветом юга осветлённый,
 здесь вечен купол голубой,
 и вечен мир вечнозелёный,
 и моря утренний прибой.
 Но я не вечен...
 Вслед за летом
 Люблю, когда морозов ждут.
 Когда во всех концах планеты
 метелей веники метут.

Поле боя

Стихла степь, по заозерью
 догорел закат.
 Над солдатскою постелью
 свис багряный плат.
 Плачет филин в перелеске,
 между двух дорог,
 знамя доблести гвардейской
 тронул ветерок.

Стихла степь, за поворотом
 танками пыля.
 Пахнет порохом и потом
 горькая земля.
 В штыковом и рукопашном
 бились до зари,
 полотняные рубашки
 вымокли в крови.

Тускло звездочки мерцают
в жжёной лебеде,
птицы-коршуны узнают
о людской беде.
Край родной, родное поле
парни сберегли,
на пшеничном на раздолье
грудью полегли.
Не воротятся в деревню
пахари с войны,
побратались со степью
мужества сыны.

* * *

Как пойду я долом,
 нивой запашною:
может, где-то встречусь
 со своей роднёю.
Там моя сестрица
 в поле жито жала.
Говорю ей: здравствуй –
 она промолчала.
Золотое жито
 жала и вязала,
за слезами в поле
 брата не узнала.
– На чужой работе
 я не разгибаюсь,
а приду до хаты –
 с деточками маюсь.
...Нечего сварить,
 нечем посолить.
Плачут малолетки –
 нечем накормить!

* * *

На окраине села –
с головою белой
сына мать с войны ждала
и окаменела.
Прилетал в село степной
сизокрылый сокол.
Бились клёны головой
о гранит высокий.
Ковыля катились ниц
от тоски матроса.
Тихо с каменных ресниц
покатились слёзы.
И из памятных глубин
вздых раздался мамин.
Прикоснулся к камню сын –
ожил серый камень.
На окраине села –
с головою белой
сына мать с войны ждала
и окаменела.

* * *

Шинель моя суконная,
подруженька законная,
со склада батальонного
попала к старшине.

Подогнана, примерена,
со всех сторон проверена.
Могу сказать уверенно:
пришлась как раз по мне!

Бывалою, суровою,
горжусь тобой, обновою,
в любой момент готовою
к походам и боям.

Шинелька знаменитая,
осколками пробитая,
красиво, ладно сшитая
гвардейская моя.

Когда идём на тактику,
на стрельбище, на практику –
Военных дел грамматика
бойца вперёд влечёт.

Шинель моя пехотная,
гвардейская, походная,
Ложится скаткой плотною
На левое плечо.

Шинель моя отличная,
добротная, обычная,
носил тебя, привычную,
я в битвах под огнём.

Люблю тебя, достойную.
В минуту беспокойную
ты вновь послужишь воину,
подтянута ремнём.

Вековая Кубань

Мать Кубань...
Древних былей ветрило,
ширь и даль – черноморская степь.
Ты ковыльскую вечность хранила,
поднимала на пажитях хлеб.

И в годину военной тревоги,
в лихолетье терновых невзгод
оседлала коней быстроногих,
казаков снаряжала в поход!

Били шведа и Наполеона,
сколько хватит отваги и сил,
поднимая России знамена,
брали приступом Карс, Измаил.

В незабытые дымные даты
растоптали фашистскую хмарь –
за станичные белые хаты,
гордый славою град Краснодар

Автограф на рейхстаге

Город выл, колыхался
от шквального вихря и гула, –
за его злодеяния вот и расплата пришла!
Глухо сыпались стены домов, этажи оседали,
и железные крыши срывались, летя в небеса.

Вдоль прострелянных улиц,
как свечи горели деревья,
в городское метро устремилась рекою вода.
Бомбовые налёты вздымали военную выюгу
и ракеты, и танки глушили становье врага!

А на озере Лебедь в саду, на окраине града,
загихает берлинского штурма большая страда.
Очумелые женщины,
в омут швырнув своих киндер,
собираются сами разделаться с жизнью своей.

Среди рыб перевёрнутых,
тины озёрной и грязи
их за космы таскали
Дикун и ефрейтор Цветков.
Поблизу старшина Мусиенко
сидел на лафете орудья,
ясенёвую трубку свою
старина преспокойно курил.

И когда обалделые фрау
из смертного вышли экстаза –
с криком раненых птиц
заслоняли руками детей,
целовали солдат, подаривших
им небо и солнце... –
старшина отвернулся и под ноги
плюнул презренно.

У него в Таганроге отца расстреляли фашисты
и сестру, изнасиловав,
в рабство угнали из дома.
Над Берлином затмение чёрного дыма и гари
на помятый рейхстаг,
на озёрную рябь оседает.

Выпил пива баварского
власть старшина Мусиенко,
на позорной стене
исторический вывел автограф:
"Нет лучшего блага, чем капут рейхстага!.."

* * *

Отзовитесь, друзья!
Белозубые крепкие хлопцы,
побратимы мои, ветераны родимой земли.
Сколько сбито подков,
каблучков у заветных колодцев,
сколько раз у дощатых оград панычи отцвели.

Отзовитесь, друзья!
Ваши девушки стали седыми,
ваши мамы состарились,
выплакав с горя глаза.
И другими руками,
делами других молодыми
засеваются нивы, вздымаются строек леса.

Мчит планета-земля
бороздою извечной орбиты, –
что несёт, голубая,
повитая в розовый дым?
На дорогах войны греет солнце
курганы и плиты...
Павшим – память о них, а живое – живым.

Гроза

Над полем чёрным, воронёным
горит последняя звезда,
а по лугам, холмам зелёным
кого-то кличут поезда.

И мне под яблоней не спится.
С чего бы? Сам я не пойму.
Согнув крыло, ночная птица
с разлёту падает во тьму.

В кустах колючей ежевики
запнулась рыжая лиса.
Всё тише, глуше над Сосыкой
дышащей степи голоса.

И тьма косматою тигрицей
сдавила плечи... Духота –
плывёт, повиснув над станицей,
на рельсы, крыши, провода.

Но вот по шляху заклубилась,
размылась туча по полям.
За крышу фермы зацепилась
и раскололась пополам.

И над рекою сабли молний
пошли сшибаться вкривь и вкось,
и купол треском был наполнен,
и небо брагой пролилось.

И гром басит, всё тише, глуше
в левадах падая, в садах.
И солнце ключья тучки сушит
в высоковольтных проводах.

* * *

Молодою, вишневою зорькой
чуть затеплится в окнах рассвет,
разбуди меня, кровь моя горькая,
мальчуганом пятнадцати лет.

* * *

Над тихую Эльбой
пожар догорал,
над тихую Эльбой
казак умирал.
Парнишка бедовый,
казах молодой –
в густую пшеницу
упал головой...
Он глазом окинул
простор ветровой,
и стала та Эльба
кубанской Лабой.

Юный лес

Всё по-старому,
всё здесь, как прежде.
Как и многие годы назад...
Сосны клейкие в сизой одежде
над согретым обрывом висят.
И, как прежде,
как в давности было,
по заветной тропинке спешу.
Пью деревьев дремотную силу
и тобою живу и дышу.

Кубань

Люблю тебя, мой солнечный простор,
моё неповторимое сказанье:
размашистые станы синих гор,
седая даль желтеющей Кубани.
Под камышовой крышей вырос я,
собрал пути ушедших поколений.
И нет мне в жизни этой забытья
от дум твоих, от песен и волнений.

* * *

Всё, чем жив, что ведаю и знаю,
что добыл в походе и в бою,
моему отеческому краю
в доброе наследство отдаю.
Отдаю весну родной станицы,
с грозовой верностью сердец,
зрелый колос радужной пшеницы
и цветок казачий воронец.

Край родной!.. Сады твои и нивы,
цепи гор, седая даль морей...
был бы ты, а мы-то будем живы
щедростью и радостью твоей.
Чем богат, что ведаю и знаю.
Что добыл в походе и в бою –
дорогому солнечному краю
в вечное наследство отдаю.

* * *

Выйду в степь, на поля плодородные,
поднимусь на высокий курган.
Ты цветы, моя милая Родина,
колыхая хлебов океан.

* * *

Раскинет объятия поле,
и я его билью дышу.
По воле иль трудной неволе
к нему, как на крыльях спешу.
Средь буйства зелёного шума
и жёлтой хлебов густоты
посею сыновние думы,
свои затеряю следы.

Жаворонок

Над морем вызревшей пшеницы,
над духотою полевой
застыла солнечная птица,
умывшись неба синевой.
В большом зените распахнула
посеребрённых два крыла.
И песня хлебного июля
по косовице поплыла.

КРОНИД ОБОЙЩИКОВ (1920 – 2011)

К 100-летию со дня рождения

Кронид Александрович Обойщиков родился 10 апреля 1920 года в станице Тацинской Ростовской области. Школьные годы его прошли на Кубани. Окончил Краснодарское военное авиационное училище. Военный летчик, участник Великой Отечественной войны. Награждён боевыми орденами и медалями.

Автор многих поэтических книг, один из авторов, инициатор и составитель трёхтомника о кубанцах, героях Великой Отечественной войны. Герой труда Кубани, Почётный гражданин города Краснодара, заслуженный работник культуры России, лауреат многих литературных премий. Член Союза писателей СССР – России с 1968 года.

К СЕВЕРУ, К СЕВЕРУ, К СЕВЕРУ...**Потомства будущего ради**

По институтским коридорам
ходить с зачёткой не пришлось.
В гуденье авиамогоров
ложились в стих любовь и злость.

Спешил к Твардовскому, к Светлову,
но прерывало мой полёт
неуправляемое слово
как сбитый в штопор самолёт.

И весь талант, что был нам даден,
мы отдавали в дни войны
потомства будущего ради
и ради собственной страны.

Не то обидно, что на пули
шли без раздумья в трудный час,
а то, что дети отвернулись,
и в сторону ушли от нас...

Их жить, как мы, уж не научим,
но те, кто торгом заняты,
не смогут долларом вонючим
закрыть нам песенные рты.

2000

Как по минному полю

Ночь в огнях проскакала,
свет пробился в окне,
что за участь такая –
вековать на войне?
Я пишу о ней даром,
понимаю – старо.

Но бежит санитаром
вслед за ротой перо.
С неутешною болью
сквозь чужую беду,
как по минному полю,
всё иду я, иду.
Не забыть, не укрыться.
Но сподручнее мне
всё, что ныне творится,
проверять по войне.

Я пишу для наследья
по причине простой:
может, писарь последний
я из армии той.

2000

* * *

По длинной улице села
мужчины на войну шагали.
Дорога пыльная вела
в чужие грозовые дали.
А слева. Справа от солдат
печально выбелены хатки.
И у плетней

в слезах стоят
уже не жёны,
а солдатки.

Взяла всех пахарей война,
а в поле греча расцветала,
бойцы шли тихо и устало,
и улица была длинна
и долго их не отпускала.

Смертница

О, женщина, могла бы в чреве ты
нести дитя – создание аллаха.
Но ты несёшь
могилы и кресты
на поясе проклятия и страха.

Прекрасны твои чёрные глаза
и гибок стан.
Но дни твои сгорели
и как петля, затянута коса
на тонкой шее вспугнутой газели.

Остановись! Душой ты чище тех,
кто обманул тебя приходом рая.
Остановись! Сними с себя свой грех,
красивая и молодая.

Ты для любви и счастья рождена
в родном краю божественно прекрасном.
Ты убивать невинных не должна,
о том Коран глаголет ежечасно.

Сама хозяйка ты в своей судьбе.
Прислушайся, как тихо, но упрямо
твой не зачатый сын кричит тебе:
я жить хочу! Ты не шахидка, мама!

04.08.2010

* * *

Мы когда-то уйдём за ограду
и оставим, как радость и боль,
небу – звёзды и яблоки – саду,
знамя – Родине, детям – любовь.

Пламя душ – остывающим домнам,
полю – колос, морям – корабли,
наши слёзы и горести – вдовам,
а возьмём лишь два метра земли.

Лишь два метра. Но будем мы рады
что богаты, как были всегда.
Это ж рядом – всего за оградой –
звёзды, яблоки и города.

05.04.2009

* * *

Не ходить мне на свиданья –
глаз померкла синева.
Для любовного признанья
растерял я все слова.

Постаревший, некрасивый,
никому уже не мил,
но тебе, моя Россия,
я словечко сохранил.

То словечко, как колечко,
я на память подарю.
На прощанье перед свечкой
душу настезь отворю.

И в последний миг бессилья
то словечко прошепчу...
Но пока с тобой, Россия,
расставаться не хочу.

30.10.2009

* * *

Уже не с юношеской прытью,
но с той же жаждою страстей
нам новых хочется открытий
и сумасшедших скоростей.

И в жизни поздний час вечерний,
когда заказаны гробы,
мы вверх взлетаем на качелях
своей изменчивой судьбы.

И мне, как странникам немногим,
кому давно указан путь,
на неизвестные дороги
смертельно хочется шагнуть.

Пусть я старик, но я ведь русский,
у нас особые сердца –
и петь, и пить, и перегрузки
тянуть тройные до конца.

А уж потом в согласье с роком
лететь в просторы тишины,
где наши предки и пророки
на праздник встретиться должны.

Присяга

Я Родине однажды присягнул –
себя к ней словом честным пристегнул.
Она сияла – я светился с ней,
она страдала – я страдал больней.
Но вдруг сошла с дороги колея,
осталась где-то Родина моя.
Простите люди, мил мне новый путь,
но не могу я на него шагнуть,
лишь потому, что никогда не лгал
той Родине, которой присягал.

Хата

*Ничего не знаю –
моя хата с краю
Поговорка*

В той станице хата с краю.
речка рядышком бежит.
Десять соток за сараем –
можно старость пережить.

Что ещё мне надо лучше?
Воздух, сад – дыши в раю.
Да вот с детства не приучен
быть у жизни на краю.

03.04.2009

* * *

Отмирает ткань сердечная –
то инсульт, а то инфаркт,
потому что беды вечные
ходят рядом – это факт.

Мы эпохой той воспитаны,
где был славен всякий труд,
где стыдились мы быть сытыми,
если где-то люди мрут.

Мы в таком котле замешаны,
в нас такой пылал огонь,
что и местные, и внешние
обжигались – только тронь!

Говорят, что мы ленивые,
что плохой у нас солдат.
Это критики сопливые
говорят кому-то в лад.

Словно осы виснут тучами.
Пусть ответят нам тогда,
кто засеял нивы тучные,
кто нам строит города?

Кормят мир смешными сказками,
мол, российский люд зачах.
А пришла Победа майская
не на наших ли плечах?

Мы святые, мы и грешные,
по кусочкам, до конца.
Дарим Родине то нежные,
то калёные, железные
комсомольские сердца.

29.04.2010

Под капельницей

По капелькам учёные врачи
в меня вливают силу и отвагу.
Волшебную целительную влагу
пьёт сердце – и восторженно стучит.

И хочется в грядущие морозы
опять любить и людям доверять.
И эти капли, чистые, как слезы,
в своём пути зазря не растерять.

01.09.2009

* * *

О, эта старость, горький час сознанья,
что все прошло, как талая вода –
и дружеских веселий череда,
и трепетное с женщиной свиданье.
Но что за диво? Страстные желанья
ещё живут в полночной тишине,
надежды и безумные страданья
рождая одновременно во мне.

Что это? Или дьявола насмешка
над чувством одиночества в ночи,
или небес печальная поддержка,
уже заметно гаснущей свечи?
Вокруг все снова буйно расцветает –
трава и лес, увядшие вчера.
Не мне ль дана короткая пора
тебя, любовь увидеть, молодая?

Нет, ты ушла, и не найти следа
прекрасных ног, твою несущих свежесть,
и для меня пропала навсегда
случайно мне подаренная нежность.

Живи, мой друг, и радуйся всему –
и пенью птиц, и в тёмном небе грому.
И красоту свою носи тому
счастливому избраннику другому.

23. 07.2010

Зерно

Как мать ребёнка в колыбель кладёт,
так в почву я зерно бросаю нежно,
и вновь живу заботой и надеждой
пока оно невидимо растёт.
Я знаю, что зерно, как и дитя,
недолго усидит в своей темнице
и будет в грудь земную
биться, биться
и капельки прозрачного дождя,
как молоко искать, чтобы напиться
и в этом светлом мире утвердиться.
Хочу душой и разумом понять,
какая сила плод оберегает,
преодолеть преграды помогает,
умеет над землёй его поднять.
И будет звонкий колос до поры
под ветрами залётными качаться.
И как своё свершившееся счастье,
я глажу его рыжие вихры.

Воспоминание о любви

Красавиц пылких

кто же не любил!

Я тоже преклонялся к их коленям.
Но имена любимых позабыл,
и в памяти лишь трепетные тени.
Богини в своей жертвенной красе,
они дарили радости и боли.
Имён не помню.

были они все

и Верой. И Надеждой. И Любовью.

* * *

От них в душе и радостно и больно.
От женских чар зависима судьба.
Они возвысят нас своей любовью
и тут же вниз низвергнут, как раба.

Но вновь идя на горькое свиданье,
И чувствуя волнение в крови,
готовы мы
сто раз познать страданье,
чтоб только раз
воскреснуть для любви.

Птицелов

*Трудно дело птицелова
Э. Багрицкий*

Брожу ль в зелёном шуме лета,
снегами ль белыми пылю –
я в эту книгу, словно в клетку
созданья певчие ловлю.

Здесь, будто жёрдочки, страницы,
здесь буквы-зёрнышки лежат.
Мои стихи живут, как птицы:
откроешь клеть – не удержать!

Но я нисколько не пугаюсь,
пусть над землёй легко парят.
Они хотя не попугаи,
но по-людскому говорят.

Их все поймут, и не обидят,
не потревожат их жильё.
Но где-то злой охотник выйдет
и вскинет громкое ружье.

И станет больно птицелову.
Но с клеткой маленькой в руках
опять пойдёт,
и будет снова
ловить весёлых певчих птах.

1967

Годы

С чем может время сравниться,
с птицей, что с рощей прощается?
Нет, наши годы не птицы –
годы не возвращаются.
К югу пути не проторены,
курсы их издавна сверены.
Годы летят в одну сторону –
к северу, к северу, к северу.

1969

ЮРИЙ ВАСИН

Краснодар

Васин Юрий Геннадьевич – поэт, автор-исполнитель, родился в г. Горьком. С 1984 года публикуется в периодической печати. В 1994 году окончил отделение театральной режиссуры Краснодарской Государственной Академии Культуры.

Принимал участие в боевых действиях в Чеченской Республике. Награждён медалью Министерства обороны России "За укрепление боевого содружества".

Член Союза писателей России с 2003 года.

И СНОВА О ПОТЕРЯХ ВЕРМАХТА: ПЕРЕЧИТЫВАЯ ГАЛЬДЕРА*

(Размышления в год 75-летия Победы в
Великой Отечественной войне)

Для большинства исследователей дневник Гальдера является отправной точкой в определении точных немецких потерь. По принципу – раз Гальдер написал, значит, так оно и есть. А что? Всё с точностью до одного человека, проценты даже какие-то высчитывает... Но эти исследователи опускают один важный момент – записи Гальдера являются "техническими" и на их основе, не принимая во внимание специфику германского учёта, трудно делать какие-то выводы относительно фактических потерь и тем более принимать эти цифры за фактические потери вермахта.

В данной статье попробуем выяснить, что же стоит за цифрами и процентами начальника ОКХ. И начнём с первых дней войны.

В дневнике уже с 24 июня встречаются фразы: *"отражая сильные контратаки противника..."*, *"упорство отдельных русских соединений в бою..."*, *"на этом участке фронта русские также сражаются упорно и ожесточённо..."*, *"что русские не думают об отступлении, а, напротив, бросают всё, что имеют в своём распоряжении, навстречу вклинившимся германским войскам..."*, *"имели место случаи, когда гарнизоны дотов взрывали себя вместе с дотами, не желая сдаваться в плен..."*. При этом он тогда же, 24 июня, делает вывод, что

"количество убитых и раненых остаётся в пределах допустимого". Нам остается только догадываться, какие именно потери он считает "в пределах допустимого"?

Особое внимание Гальдер уделил штурму Бреста, точнее – неоправданно высоким потерям, по его мнению, понесённым при штурме крепости 45-й пехотной дивизией. А вот что пишет в книге "Гитлер идёт на Восток" Пауль Карл Шмидт, исполнительный директор Службы новостей Третьего рейха и руководитель пресс-департамента министерства иностранных дел в 1940 – 1945 об этом штурме: "К вечеру списки убитых пополнили 21 офицер и 290 унтер-офицеров и рядовых. В числе погибших оказались и командир батальона, капитан Пракса, и капитан Краусс, командир 1-го дивизиона 99-го артиллерийского полка, вместе с их штабными офицерами. Стало ясно, что пехоте достигнуть цели на данном участке вражеской обороны не удастся..."

Здесь следует сделать ремарку: поскольку из ряда укреплений немцы были выбиты контратаками, то они вряд ли имели возможность вечером, после отхода, посчитать вплоть до одного человека точное количество убитых.

Читаем далее: "...30 июня в рапорте 45-й пехотной дивизии было записано о завершении операции и о захвате крепости. Дивизии досталось 7000 пленных, включая 100 офицеров. Потери немцев составляли 482 человека, включая 40 офицеров убитыми и около 1000 человек ранеными, многие из которых впоследствии скончались. Размеры потерь, поне-

сённых в ходе захвата крепости немцами, лучше всего видны в сравнении. Общие потери вермахта на Восточном фронте к 30 июня достигали 8 886 человек убитыми. Таким образом, на долю Брестской крепости пришлось свыше 5 процентов..."

Но встречаются упоминания ещё одного боевого донесения командира 45-й дивизии генерала **Шлипера** о занятии крепости Брест-Литовск от 8 июля 1941 года (в некоторых источниках оно датировано 7 июля). В нём говорится: "...Взято в плен: 101 командир, 7122 младших командира и бойца. Кроме того, число жертв русских огромно... [...] 3. Русские в Брест-Литовске боролись исключительно упорно и настойчиво. Они показали превосходную выучку пехоты и доказали замечательную волю к борьбе. 45-я дивизия выполнила поставленные перед нею задачи. Потери были тяжёлыми, они составили: убитыми и пропавшими без вести 32 офицера и 421 унтер-офицер и солдат, ранеными 31 офицер и 637 унтер-офицеров и солдат... Шлипер"

Ну, и какому же рапорту прикажете верить? Во втором (более позднем) потери снижены, хотя немецкая пехота вела активные боевые действия не только в первый день штурма. И соотношение убитых и раненных у меня вызывает сильное сомнение... Намечается интересная тенденция – чем дальше по времени от боев, тем меньше потери. Не удивлюсь, если **Гитлеру** при посещении Брестской крепости, выкатив к воротам советские гаубицы, рассказывали уже историю о двух погибших поварах и одном храбром сапожнике за всю операцию, которые героически бросились на помощь своим боевым подразделениям. А ведь речь идёт об официальных потерях только 45-й дивизии без приданных подразделений, а не о всём вермахте.

С учётом того, что силами пехотных подразделений пришлось штурмовать крепостные укрепления, в которых находилось около 7 – 8 тыс. обороняющихся, потери, озвученные в этих рапортах (тем более во втором) 45-й дивизии, являются как раз "в пределах допустимого". Так что же заставило **Гальдера** уже 25 июня (а в штаб корпуса командир 45-й ПД доложил о взятии крепости ещё 24 июня) назначить проведение расследования в отношении командования австрийской дивизии на предмет чрезмерно высоких потерь? Что же там произошло экстраординарного? Ну, провозились двое суток вместо восьми часов, и что? Положили две роты. На войне это не редкость.

Следующая запись, сделанная 28 июня, только усиливает недоумение: "Генерал Бранд:

Отчёт о боях за Брест-Литовск (31-я пехотная дивизия). Действие тяжёлых метательных установок и артиллерийских систем "Карл" само по себе весьма эффективно, однако сопротивление превосходящих по численности и фанатически сражающихся войск противника было очень сильным, что вызвало большие потери в составе 31-й пехотной дивизии. Ошибок в действиях дивизий, по-видимому, не было..."

Поскольку я не считаю генералов **Гальдера** и **Бранда** полными идиотами (один инспектировал не ту дивизию, другой забыл, куда того посылал), напрашивается вывод: 31-я пехотная дивизия в Бресте так же понесла ощутимые потери... но они были списаны на "превосходящих по численности и фанатически сражающихся войск противника". А поскольку 31-я ПД наступала в "более благоприятных условиях", то вопрос о 45-й ПД отпал сам собой. И поскольку даже дивизионный рапорт от 30 июня составлялся уже после инспекции **Бранда**, то вызывает сомнение его правдивость относительно истинного положения дел с потерями в дивизии, а тем более рапорта от 7 (8) июля. Похоже, генералу **Шлиперу** популярно объяснили, как надо писать рапорта, и он "исправился".

Я предлагаю вспомнить ещё один эпизод первой недели боев. А именно бои за Рижские мосты. Ничего примечательного там с точки зрения боевых действий не проходило. Немцы периодически пытались при поддержке бронетехники захватить железнодорожный мост и плацдарм на другом берегу. Части РККА периодически их оттуда сбрасывали... В ходе этого немцами было заявлено о потере 532 человек только убитыми... Возникает резонный вопрос: а где гневный генерал **Гальдер** со своим расследованием относительно "*неоправданно высоких потерь*"? **Гальдер** почему-то только упомянул этот эпизод, и никаких оргвыводов... По всей видимости через неделю войны потери очередного батальона уже не являлись поводом "для нервов".

Далее в своем дневнике **Гальдер** делает запись: "...3 июля 1941 года. 12-й день войны. Потери: С 22.6 по 30.6 наши потери составляют в общей сложности 41087 человек = 1,64% наличного состава (при численности войск, равной 2,5 миллиона человек). Убито: 524 офицера и 8 362 унтер-офицера и рядового. Ранено: 966 офицеров и 28528 унтер-офицеров и рядовых. Потери офицерского состава по отношению к общим потерям: ранено – 3,3% (кампания на Западе – 3,1%), убито – 6,2% (кампания на Западе – 4,85%), пропало без вести – 1,5% (кампания на Западе – 2%)..."

И следующая запись порождает смутные сомнения, что Гальдер не совсем искренен: "6 июля 1941 года (воскресенье). 15-й день войны. ...Потери на 3.7: Ранено – 38809 человек (в том числе 1403 офицера); убито – 11822 человека (в том числе 724 офицера); пропало без вести – 3961 человек (в том числе 66 офицеров). Всего потеряно около 54000 человек = 2,15% от 2,5 миллиона. Примечательно весьма значительное количество больных, которое составляет почти 54000, то есть почти равно боевым потерям..."

Здесь невольно возникает вопрос: какие такие хвори навалились на доблестный вермахт летом 1941 года, а точнее уже через десять дней после начала боев? Неоднократно делались попытки объяснить, откуда же взялось такое количество больных. Предполагалось, что это "легкораненые", "очередные отпускники" и "отпускники по ранению". Попробуем в этом разобраться. Рассмотрим предложенные категории по порядку.

"Легкораненые" в основной своей массе, после помазанья зелёной в полковом лазарете (в лучшем случае), становятся в строй. Те же, кому это не помогает, переходят в категорию "раненые". Версия про "очередных отпускников" не выдерживает никакой критики: трудно представить, что при подготовке вторжения и, соответственно, приведении своих войск в состояние повышенной боевой готовности, 5 – 7% личного состава отправляется в отпуск для душевного свидания с родными и близкими. Существующая мировая практика как раз говорит об обратном: отзыв личного состава из отпусков и перевод его на казарменное положение.

Теперь "про отпуск по ранению или болезни". Здесь наоборот, десять дней – слишком малый срок, чтобы раненый или больной прошёл курс лечения и получил заслуженный отпуск, поэтому этой категории в указанном Гальдером в числе "больных" просто не могло быть! Не успели они ещё выздороветь!

И что у нас остается? Действительно больные: брюшным тифом, малярией, туберкулезом, менингитом, холерой, оспой, прочими всевозможными болячками и, конечно же, острой формой дизентерии... Хотя, насколько мне известно, СССР оружие массового поражения не применял...

Тут уместно будет привести отрывок из книги гауптмана медицинской службы профессора хирурга **Ханса Киллиана** "В тени побед": "...Невыносимый зной, ночные мучения с клопами, густые тучи навозных мух – вот чем вспоминаются дни, проведённые в Дау-

гавпилсе. Мучения для нас, адская пытка для беспомощных раненых и больных. Мухи облепляют все неприкрытые участки тела, лезут в лицо, глаза, нос, падают к нам в тарелки. Кто знает, может, перед этим они ползали по трупам или возились в грязи.

В таких условиях, какие защитные меры ни принимай, не приходится ждать ничего хорошего. Дело кончается массовой диареей, сопровождающейся лихорадкой. Затем у некоторых болезнь перерастает в хроническую, мучительную дизентерию с кровавым поносом.

Итак, уже в Даугавпилсе начинается изнурительная череда приступов кишечной колики с рвотными позывами и кровотечениями, что очень скоро приводит к истощению наших людей. Болезнь не щадит никого. Самое невыносимое и мучительное состояние для хирурга – это когда приступ начинается во время операции. Нам не остаётся ничего другого, как соорудить прямо по соседству с операционной туалет, куда можно сбежать, если внезапно подступают боли и спазмы кишечника. Каждый раз во время этих отвратительных перерывов грубо нарушаются правила асептики..."

Всё это как-то не вяжется с нашими представлениями о "безупречной немецкой педантичности во всех вопросах организации службы" и в частности, касаясь соблюдения санитарных норм в госпиталях.

Дизентерию называют "болезнью грязных рук", поэтому в голове не укладывается, что "цивилизованные немцы" буквально с первых минут боевых действий и переходом на советскую территорию (в нашем случае вполне "цивилизованную" Прибалтику) в массовом порядке начинают страдать кровавым, извините, поносом...

К сожалению, господин хирург-консультант в своих воспоминаниях не говорит о массовом притоке дизентерийных больных с передовой, описывая только поражение этим недугом персонала и вторичное поражение раненых в госпиталях. Хотя, читая его откровения относительно уровня военно-полевой медицины Германии (к примеру, об убеждённости немецких медиков, что столбняк доблестные солдаты Вермахта привезли в Россию с собой из Франции!) и, глядя на огромные цифры "больных", в разы превышающие количество "раненых", невольно возникают мысли, что кровавый дизентерийный понос и был вторым решающим фактором, помешавшим немцам победоносно закончить войну осенью 1941 года. Первым фактором, как мы знаем, был "генерал Мороз" со своей женой "Ряспютитцой": абсолютно вся техника сначала утонула

в грязи, а потом и вмерзла в оную, и когда её пытались оттуда достать добрые немецкие зольдаты, то разрывали её буквально на части.

Кстати, персонально для тех, кто любит поговорить о "гуманном" отношении Рейха к своему солдату – настоятельно рекомендую к прочтению воспоминания Ханса Киллиана "В тени побед". Там "гуманизм" сверкает всеми своими гранями! Начиная с непрофессионализма врачей, отсутствия (при том – запланированного в приказном порядке) необходимого оборудования и медикаментов, и до применения "передового" метода прижигания ран, как наиболее действенного (читай – дешёвого) метода по обеззараживанию, и запрета на использование стрептоцида...

И от недостатка в раненых, если верить гауптману Киллиану, немецкие госпитали не страдали. И с ампутированными конечностями, и с простреленными головами и лёгкими, и с раздробленными костями там было всё в порядке (в плане количества). Так почему же **Гальдер** заявляет: *"примечательно весьма значительное количество больных, которое почти равно боевым потерям"*? Неужели в определении "больные" немецкое командование вкладывало совершенно другой смысл?

Обратимся к еще одной "истине в последней инстанции" в вопросах освещения жизни и деятельности вермахта – генералу **Мюллеру-Гиллебрандту**. Может, он нам откроет глаза на "больных цвета фельдграу": "...Декадные донесения о потерях по (прим. По IVв каналу. Доклады начальников медико-санитарных служб) – это сообщения, представляемые в период между ежедневными и подробными месячными донесениями (донесения о заболевших). Последние по своему содержанию выходили за рамки сведений, сообщаемых в ежедневных донесениях, поскольку в них помимо боевых потерь содержались цифровые данные о числе больных. Если рассмотреть эти донесения за длительный период времени, то можно увидеть, что число заболевших во много раз превышало число раненых, имевшихся за тот же период".

Здесь, в отличие от Гальдера, уже *"во много раз превышает"*. Забавно, правда? Читаем далее: "...Длительность излечения больных до полного восстановления здоровья в среднем, однако, была незначительной, количество больных со смертельным исходом – весьма небольшим. Заболевания опаснейшими инфекционными болезнями с продолжительным сроком излечения могли иметь существенное значение при оценке потерь. Декадные донесения о потерях, хотя они и содержали значи-

тельно более достоверные сведения, чем ежедневные донесения, имели, однако, целый ряд пробелов".

Ответ, как говорится, исчерпывающий. Жаль только, что из него невозможно сделать какой-либо однозначный вывод о том, какие всё же категории спрятаны в определение "больные".

Следует отметить одну особенность германского учета. По словам того же Мюллера-Гиллебрандта, *"...пока солдат находился на излечении в прифронтовом госпитале, он продолжал числиться в своей прежней войсковой части и после выздоровления и соответствующего отпуска возвращался в свою часть. При перемещении в госпиталь находившийся в Германии раненый снимался с учёта в своей прежней части и учитывался в армии резерва"*.

Вот здесь и кроется ответ на вопрос о "германских хворях"! Пока солдат проходит лечение в полковом, дивизионном, корпусном, армейском лазарете – он числится в штате части и проходит по отчетам как "больной". И статус "больного" ему даётся авансом. И в этом есть железная логика. Учитывая германскую специфику постоянного закрепления военнослужащего за определенной дивизией (за очень редким исключением), это даёт возможность организационному отделу ОКХ иметь представление о количестве военнослужащих, которые после излечения, так сказать, "на местах", вернутся обратно в свои части. Соответственно, только "убитых" и "раненых" (эвакуированных в тыловые госпитали и снятых с учёта в своих частях) нужно будет компенсировать пополнением из резервной армии.

Мюллер-Гиллебрандт также утверждает, что *"иногда имелись расхождения в данных о потерях, представляемых по каналам Па и IVв. В главном командовании сухопутных сил донесения по каналу IVв представлялись начальником медико-санитарной службы, куда они поступали большей частью быстрее и часто бывали более достоверными, чем донесения о потерях, представлявшиеся по каналу Па"*.

Будет уместным сравнить эти два канала, чтобы выяснить причину "достоверности".

Войсковой служебный канал **Па** представлял собой донесения о потерях личного состава, составленные штабными адъютантами. Они включали в себя количество убитых, раненых, пропавших без вести. К исходу каждого дня или же по окончании боя данные об установленных потерях ежедневно по телефону или телеграфу передавались в вышестоя-

щий штаб. При этом дивизия представляла донесения о потерях в рамках своей штатной организации.

Следует отметить, что потери приданных дивизии частей РГК, корпусных и армейских частей усиления докладывались особым порядком. Части РГК суммировали свои потери по отдельным этапам боевых действий и передавали эти сведения в течение ночи в главное командование сухопутных сил (ОКВ). Каждые десять дней ежедневные донесения о потерях после дополнительного уточнения и проверки оформлялись в письменном виде и представлялись в форме донесения о потерях за десять дней.

Ежемесячно или же по завершении крупных боевых операций, сопряженных со значительным выходом из строя живой силы, войсковые части, начиная от отдельного батальона и выше, представляли вверх по каналу Па донесения о состоянии части, в которых содержались сведения о численности личного состава с указанием потерь, понесённых за отчетный период, и пополнения, поступившего за этот же период. Эти отчёты содержали и данные о материальной укомплектованности части. Они передавались в главное командование сухопутных сил.

Донесения о потерях по **IVв** каналу представляли собой ежедневные донесения войсковых врачей (начальников медико-санитарной службы). Потери подразделялись по категориям – убитые, раненые и пропавшие без вести. Донесения, датированные по состоянию на 18 часов, представлялись поздно вечером того же дня вышестоящим старшим медико-санитарным начальникам, через начальников медико-санитарной службы дивизии и по станциям докладывались начальнику медико-санитарной службы сухопутных сил при генерал-квартирмейстере.

Начальник медико-санитарной службы сухопутных сил сообщал сведения о потерях организационному отделу генерального штаба и в медико-санитарную инспекцию сухопутных сил, которая передавала эти сведения управлению общих дел сухопутных сил (группе по вопросам обеспечения пополнения). Начальник медико-санитарной службы армии, как правило, к исходу дня уже имел в своем распоряжении сведения о потерях, понесённых во всей полосе армии на данный день. Начальник медико-санитарной службы группы армий получал сведения о потерях от армий в течение ночи, а главное командование сухопутных сил – от групп армий рано утром или же в первой половине следующего дня.

В декадных донесениях помимо боевых потерь содержались цифровые данные о числе больных (что мы и видим в записях **Гальдера** от 3 июля). По итогам месяца составлялось уже подробное месячное донесение.

Вполне понятно, почему именно **IVв** канал являлся более точным. Поскольку, во-первых, он показывал фактическую загруженность госпиталей, чтобы принимать решения по тактическим моментам медико-санитарной службы (размещение и маневр медицинских учреждений и т. п.). Во-вторых, давал более развернутое представление о реальных потерях личного состава по убитым, раненым/больным и позволял вышестоящим штабам планировать их компенсацию.

Не могу не отметить оперативность предоставляемой информации вверх по инстанциям... А вот далее начинаются чудеса. Посему придётся внести ложку дёгтя в бочку мёда немецкой отчётности.

Что бросается в глаза? Прежде всего, учёт одних и тех же категорий по каналам Па и **IVв**, а именно – убитые, раненые, пропавшие без вести. И если с каналом Па здесь все понятно – эти донесения, начиная с рот, составляются по фактическим потерям, то есть указывается, сколько военнослужащих выбыло и по каким причинам, то с каналом **IVв** (наиболее достоверному, по мнению немецких генералов) возникает ряд вопросов. Во-первых, какое отношение армейская медицинская служба имеет к "без вести пропавшим", если, конечно, эти "без вести пропавшие" не являются персоналом этой самой службы? И, во-вторых, где данные по "умершим от ран"? Хотя именно эта категория по всем раскладам должна быть в сфере деятельности армейских медиков?

Исходя из логики общепринятой практики учёта потерь (с которой многие исследователи пытаются подойти к германским цифрам), отчёты немецких армейских медиков должны выглядеть примерно так – убито... ранено... заболело... проходят излечение в полковых – армейских лазаретах... эвакуировано в тыл и передано в резервную армию... И убитые названы "убитыми", раненые "ранеными", а заболевшие "больными", выздоравливающие – "выздоровливающими". И было бы неплохо, чтоб и умершие от ран фигурировали для полноты картины.

Если солдат принял смерть мгновенную или умер на передовой, не дождавшись первого этапа эвакуации, то он с чистой совестью пополняет категорию "убитые" и с ним всё более-менее ясно... А что происходит с тем, кто получив ранение, попадает на конвейер армей-

ских медиков? Попробуем этот путь проследить.

Первая помощь раненому оказывается на поле боя в роте санитаром. Она заключается в закрытии раны повязкой – индивидуальным пакетом, в остановке кровотечения и примитивной иммобилизации в благоприятных случаях. С поля боя раненых эвакуировали санитары и носильщики. Позади боевых позиций располагались пункты первой медицинской помощи, где раненых перевязывали и готовили к дальнейшей транспортировке. В батальоне имелся врач (Assistenz или Oberarzt) и два санитары. Батальонные медики разворачивали перевязочный пункт, расположив его в подходящем месте и используя имеющееся под рукой оснащение. На перевязочном пункте батальонный врач оказывал раненым первую врачебную помощь: перевязывал раны, накладывал шины и жгуты, вправлял переломы и вывихи, останавливал тяжёлое кровотечение, делал противостолбнячные прививки, давал обезболивающее и готовил раненых к отправке в тыл. Проводить сколько-нибудь серьёзные врачебные операции на батальонном перевязочном пункте не было возможности.

Следующий этап – полковой перевязочный пункт (лазарет). Там оказывали дальнейшую медпомощь: производили иммобилизацию всех переломов и других обширных ранений стандартными транспортными шинами, антишоковую терапию, проверку правильности наложения жгутов, исправление повязки и готовили раненых к дальнейшей транспортировке.

На уровне дивизии санитарные роты разворачивали главный перевязочный пункт (HV-Platz). На нём можно было проводить довольно серьёзные хирургические манипуляции: обработку ран в брюшную и грудную полость, в голову, отсечение конечностей, висящих на кожном лоскуте и др., а также лечить тяжелобольных. Но когда во время тяжёлых боёв на перевязочный пункт поступало слишком большое количество раненых, приходилось ограничиваться первой врачебной помощью и отправлять транспортабельных раненых далее.

В состав дивизионной медицинской службы также входил полевой моторизованный госпиталь. Он располагался в 25 – 30 км от передовой, обычно занимая больницу, школу или другое подходящее здание. Кроме того, полевой госпиталь располагал палатками, где можно было организовать операционную, палату и перевязочный пункт. В нём оказывали квалифицированную врачебную помощь тяжело раненым и тяжелобольным. Он был рассчита-

тан на 200 – 300 койко-мест. В специальном карантине находились больные особо заразными заболеваниями: тифом, дизентерией и др. Кроме того, госпиталям приходилось слишком часто менять дислокацию, поэтому часто приходилось отправлять дальше в тыл тяжёлых больных и раненых.

Далее шёл корпусной госпиталь. При нём организовывался полевой эвакуприёмник и происходила вторая сортировка раненых. После оказания необходимой помощи всех тяжелораненых отправляли на армейскую госпитальную базу – приёмо-сортировочную базу фронта (по одной на армию). Далее тяжелораненый поступал в тыловой специализированный госпиталь. То есть, основная масса раненых после оказания помощи в зависимости от сроков излечения (до 8 недель) задерживалась на уровне дивизия, армия, фронт, тем самым не попадая в категорию "раненые"...

Как видим, немцы не стали изобретать свой особый германский "велосипед". Всё у них было организовано по **Пирогову** и **Оппелю**. Аналогичная схема (с небольшими нюансами) действовала и в РККА.

Уже на первичном пункте приема раненых – Truppenverbandplatz (TVPl) на каждого раненого заполнялась бирка Begleitzettel für Verwundete. В неё вносились личные данные о раненом, данные о характере ранения, предоставленной первой медпомощи и прививках, а также выписывалось направление в соответствующий госпиталь или лазарет. Присутствие на бирке двух красных боковых полосок говорило о том, что раненый не транспортабелен, одной полоски – необходим транспорт для передвижения, отсутствие полосок – раненый может передвигаться самостоятельно без посторонней помощи.

Всех поступивших раненых условно можно поделить на три категории: "легко раненые" – это те, которые будут проходить лечение во фронтовых госпиталях включительно и продолжать числиться в составе своих подразделений, "тяжело раненые" – это те, кто подлежит эвакуации в тыловые госпитали и снятию с учёта в своих подразделениях. По прибытию в тыл, они зачисляются в состав армии резерва. И самая скорбная графа: "безнадежные раненые" – это те бедолаги, кто по медицинским показаниям не могут транспортироваться, а оказать соответствующую квалифицированную медицинскую помощь на полковом и дивизионном уровне им не представляется возможным. Они обречены.

В отчетах по каналу IVв они фигурируют как "раненые", вследствие чего формально ис-

ключаются из списков своих частей и подлежат передаче в резервную армию. Но до неё они не доберутся НИКОГДА.

Интерес в плане немецкого учёта представляет судьба раненых, умерших от ран на различных этапах эвакуации. Их смерть (смертность при некоторых ранениях достигает 70%), так же как и смерть "безнадёжных раненых" не фигурировала в отчётах о потерях, передаваемых по двум рассмотренным выше каналам. Информация о них вместе с личными знаками умерших передавалась ежемесячно частями и госпиталями в бюро учёта военных потерь и учёта военнопленных вермахта.

На основании приведённых Гальдером цифр становится понятным, что "больными" названы все раненые, продолжающие числиться за своими частями. Отсюда следует вывод, что названное на 3.07.1941 года число раненых 38809 человек – говорит не о фактически получивших ранения, а о количестве раненых подлежащих эвакуации в тыловые госпитали в Германию и снятых с учёта в своих частях. А это далеко не одно и то же...

Отсюда вывод: 54 тысячи "больных" – это, большей частью, действительные боевые потери вермахта, львиная доля которых приходится на раненных..., "замаскированных", так сказать, чтоб не нарушали весёлой картинки победоносности вермахта.

Учитывая, что по немецким данным порядка 47% раненых (т.е. примерно половина) становились в строй, пройдя лечение на дивизионном уровне, количество раненых по Гальдеру в 38809 можно смело умножить на 2 (и это без учёта раненых, проходящих лечение в корпусных – фронтовых госпиталях и числящихся за своими частями). Получится реальная картина немецкий потерь: порядка 76 – 77 тыс. человек за 10 дней ведения боевых действий.

И подтверждение этого мы найдем у самого Гальдера, который пишет, что *"процент потерь офицерского состава по отношению к общему количеству потерь выше, чем в прошлых кампаниях. В кампании против России до сих пор потери офицерского состава составляют 3,8% от общего количества раненых, 6,6% от общего количества убитых и 1,7% от общего количества пропавших без вести..."*.

Что во всех этих циферках прежде всего смущает – это существенная разница соотношений убитых и раненых офицеров (6,6% и 3,8%) в пользу убитых.

Но так же вызывает сильное сомнение и соотношение убитых офицеров к унтер-офицерам и солдатам. Если на 30.06 оно равнялось 1к 15,9, то к 3.07 стало уже 1 к 15,3. Соответственно, 200 погибших офицеров с 30.06 по 3.07 дали уже соотношение 1 к 13,8. При этом за те же дни наблюдается снижение соотношения и по раненым. На 30.06 – 29,4, на 3.07 – 26,6. Даже Гальдер в своих записях за три дня повышает процент погибших офицеров с 6,2% до 6,6%. Возможно, этот всплеск смертности и ранений среди офицеров вызван только более уточнёнными данными на 6 июля? Возможно, но почему тогда мы не наблюдаем подобного увеличения "уточнённых" потерь среди рядового и унтер-офицерского состава, который должен быть практически пропорциональным?

Рассмотрим К. St.N.131с – штат немецкой стрелковой роты (Schuetzenkompanie) № 131с от 1.2.1941 г. Для начала возьмём стрелковый взвод (Scuetzenzug), как первое подразделение, имеющее в своем составе офицера. В нём 49 человек. Из них 1 офицер, 6 унтер-офицеров и 42 солдата. Соотношение 1 к 48. В роте, соответственно, на 191 человека личного состава приходится 4 офицера. Соотношение 1 к 47.

При этом далеко не факт, что на всех должностях командиров взводов в роте находились действительно офицеры! При боевых действиях, начиная с Польши, в Вермахте практиковалось назначение на должность командира одного из взводов унтер-офицера. Вызвано это было прежде всего стремительным ростом численности Вооружённых сил. Вторая причина – понесённые потери офицерского состава на уровне взвод – рота. А в ходе войны с Советским Союзом немцы практически из-за невозможности компенсировать потери лейтенантов, закрепили за ними только 1-й взвод, остальные отдав унтерам.

Но мы будем считать, что на 22 июня 1941 года все офицерские должности в ротах (по крайней мере, в дивизиях первыми вступившими в бой) были заняты офицерами.

В пехотном полку на 75 офицеров приходится 493 унтера и 2474 рядовых. Соотношение – 1 к 39,5. В целом по дивизии, если исключить порядка 100 военных чиновников (которые проходили по гражданскому ведомству и статистику потерь вермахта не портили) соотношение составляет 1 к 31,7. Мотопехотные и танковые дивизии в это соотношение существенных изменений не внесут.

Учитывая масштаб боевых действий и количество задействованных войск можно смело утверждать, что по потерям соотношение по

убитым офицерам к рядовому составу за 10 дней боёв в целом не может быть меньше чем 1 к 30. Но никак не 1 к 15 или 1 к 13. Следовательно, на 724 офицера должно приходиться не менее 21 – 23 тыс. убитых рядовых и унтер-офицеров. То есть, потери только убитыми на 3 июля должны составлять минимум 22 – 24 тыс. человек, а не 11822 заявленных. Таким образом, и общее количество раненых должно быть не менее 70 тыс. человек (как мы уже установили ранее), при условии, что только 38809 человек было эвакуировано в тыловые госпитали.

Получается, что из 108 тыс., озвученных Гальдером, боевые потери составили 92 – 93 тыс. человек. Плюс около 4 тыс. пропавших без вести. Итого: 96 – 97 тыс. Оставшиеся 11 – 12 тыс. – действительно "больных".

Немецкий историк **Р. Оверманс** в статье "Человеческие жертвы Второй мировой войны в Германии" утверждает, что *"каналы поступления информации в вермахте не обнаруживают той степени достоверности, которую приписывают им некоторые авторы"*. И в качестве примера он сообщает, что *"одно служебное заключение отдела потерь в штабе вермахта, относящееся к 1944 году, документально подтвердило, что потери, которые были понесены в ходе польской, французской и норвежской кампаний и выявление которых не представляло никаких технических трудностей, были почти вдвое выше, чем первоначально сообщалось"*.

Мы наблюдаем подобную картину и с первых дней "русской кампании". Чётко просматривается использование понижающего коэффициента 2 в подсчёте своих потерь, притом за счёт рядового и унтер-офицерского состава.

И кажется, что уже пора хлопать в ладоши от радости от того, что мы уличили **Гальдера** во вранье, а его штаб (и вышестоящие) в подтасовках! Но, думаю, делать это рано и для этого есть весьма серьёзные основания. Поскольку, коэффициент 2 – далеко не предел в "педантичном" немецком учёте...

Было у немецкого командования ещё несколько счетоводческих приемов, позволяющих скрывать свои реальные потери от противника и от собственного народа. Но о них

мы более подробно поговорим в следующей статье.

Итак, с 22.06.41 по 3.07.41 Сухопутные силы Германии, если верить Гальдеру, недосчитались в Kampfswaerke, около 108 тыс. человек. Из них: убитыми не менее 22 тыс. и не менее 14 – 15 тыс. (по самым скромным подсчётам) умершими от ран на различных этапах эвакуации. Не менее 7 тыс. стали инвалидами и примерно столько же стало "ограниченно годными" для дальнейшей службы.

Какие же выводы можно сделать из вышеизложенного?

Во-первых, немецкое командование использовало формулу с понижающим коэффициентом 2, который применялся при подсчёте убитых унтер-офицеров и рядовых.

Во-вторых, не менее чем в 2 раза уменьшалось фактическое количество военнослужащих, получивших ранения, за счёт отнесения к категории "больные" тех, кто не эвакуировался в тыловые госпитали в Германию.

И, пожалуй, главное – декадные донесения о потерях вермахта, на которые ссылаются некоторые исследователи, уже в первые дни войны как минимум в два раза занижают немецкие боевые потери. Поэтому, на основании их делать какие-то выводы о реальных потерях и тем более сравнивать их с потерями противостоящих советских дивизий, по крайней мере, некорректно.

* Гальдер Франц – военный деятель Германии, генерал-полковник (1940), начальник Генерального штаба сухопутных войск вермахта (1938 – 1942)

Источники:

1. Ф. Гальдер, "Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск. 1939 – 1942", М., Воениздат, 1971
2. Б. Мюллер-Гиллебрандт, "Сухопутная армия Германии. 1933 – 1945", М., Воениздат, 1976
3. Х. Киллиан, "В тени побед. Немецкий хирург на Восточном фронте", <http://lib.res.ec/b/299381/read>
4. Карель Пауль, "Гитлер идёт на Восток", <http://tululu.ru/read52521/25/>
5. Ю. Веремеев, "Вермахт. Стрелковая рота с", <http://army.armor.kiev.ua/hist/rota-131c/shtml>
6. Армейская медицинская служба, <http://62.149.27/202/forum/showthread.php?t=56037>

ВЛАДИМИР АРХИПОВ

Краснодар

Архипов Владимир Афанасьевич родился в селе Мухино Зуевского района Кировской области. Выпускник Литературного института им. А.М. Горького.

В.А. Архипов – автор более 20 книг для взрослых и детей. Заслуженный работник культуры Кубани, почётный казак станицы Бесстрашной, почетный гражданин Зуевского района Кировской области. За достижения в российской словесности В.А. Архипову присвоено звание академика Петровской академии наук и искусств, члена-корреспондента Международной академии поэзии.

ДАЛЁКОЕ – БЛИЗКОЕ

(Зарубки в памяти)

*Выплывает из тумана
земляничная поляна...
Из ранних стихов*

Когда началась Великая Отечественная, мне было всего полтора годика. И вполне справедливо мне напоминают, что я принадлежу к самому удивительному роду-племени, которое сейчас называют – "Дети войны". В год 75-летия Великой Победы меня попросили написать воспоминания о детстве, о родителях, о родных местах.

Мои родители – отец Афанасий Дмитриевич и мама Ефросинья Николаевна Архиповы – одногодки – оба родились в 1908 году в деревне Коришны Зуевского района Кировской области (бывшей тогда Вятской губернии). Нетрудно подсчитать: нынче, в 2019 году, им исполнилось бы по 111 лет. Красивая дата, не правда ли? Самое время взять в руки перо и окунуться в светлые воды незабываемого, непреходящего детства...

"Счастлива будешь, Ефросинья!.."

Мама часто вспоминала, как провожала отца на фронт. Жили мы тогда в лесной деревеньке вятской глубинки. До станции Зуевка, где находился райвоенкомат, ровно тридцать километров. В те годы люди передвигались только на телегах. Так вот, на фронт папа от-

правился 30 августа 1941 года. Накануне он вернулся из Кирова, куда был командирован на строительство военного аэродрома. Дома его уже ждала повестка на фронт. Папа успел помыться в баньке. Рано утром запряг колхозную лошадку, взял гармонь и отправился на телеге в ближайшее село Мухино, а оттуда в Зуевку. Провожали его мама и старший шестилетний брат Ваня. Я, кроха, с бабушкой Аксиньей Васильевной остался дома.

– В Зуевку приехали вовремя, – рассказывала мама. – Афанасий пошёл отметить в райвоенкомат, а мы присели на скамеечку. Вернулся он с бутылочкой красного вина. Он выпил, а я отказалась. Я была как во сне, всё внутри окаменело: остаюсь с двумя маленькими детьми и третий ожидается. Сомневалась: сказать или нет о беременности? Вот уже и эшелон подали. Афанасий взял на руки сына и спросил: "Что тебе прислать с фронта, Ванюшка?" – "Пришли мне будёновку!" – попросил Ваня. Уже перед самой посадкой шепнула Афанасию, что беременна. Он вдруг повеселел, взглянул на меня и радостно сказал на прощание: "Счастлива будешь, Ефросинья!.."

До сих пор не могу понять, как мой отец, простой солдат, стрелок-лыжник Афанасий Дмитриевич Архипов, смог достать на фронте будёновку. Но он выполнил просьбу сына Ванюшки – уже первой военной осенью прислал шлем с огромной красной звездой. Мы с братом с этим подарком ни днём, ни ночью не расставались – даже спали в нём поочередно. Позднее я любил, нахлобучив будёновку, громко петь военные песни. Мама говорила: "Пой,

Вова, пой. Папа услышит и скорей вернётся с фронта..."

Военное лихолетье разлучило родителей на четыре с лишним года – до ноября 1945-го. Отец участвовал во многих фронтовых мясорубках. И всё время на передовой. Первый раз его ранило в битве под Москвой. Но особенно тяжёлым было ранение под Оршей – его буквально прошило осколками. Долго лечился в госпитале в Казани. Вынашивал мысль о встрече с мамой, часто ей писал. Даже сумел точно сообщить, когда его повезут снова на фронт через Зуевку и попросил приготовить домашнего табачку-самосаду. Но мама опоздала всего на час. Эшелон ушёл. Горестно побрела она к однодеревенцу Спиру, который жил недалеко от вокзала, возле колхозного рынка. А Спира вдруг сообщает, что отец успел заскочить к нему и разбогатеть его самосадом. Мама, конечно, отдала свой и отправилась в обратный тридцатикилометровый путь...

После выздоровления и непродолжительной учебы старшего сержанта А.Д. Архипова назначили в артиллерийский расчет гаубичного орудия, грозного, сокрушающего всё на своём пути. С гаубицей отец освобождал Варшаву, крушил берлинские стены и встретил долгожданную победу. Со своим боевым расчетом он сфотографировался на фоне побеждённого рейхстага...

С отвагой и любовью

Может ли ужиться в человеке удивительная храбрость и поражающая воображение скромность? Может! Мой отец – тому яркое подтверждение.

Летом прошлого года я побывал в Зуевском райвоенкомате на улице Южной. Очень милая девушка, сотрудница военкомата, отыскала учётную карточку отца и сняла для меня копию.

Сухие статистические данные оказались для меня волнительней любого стихотворения. Пришёл мне ответ о наградах отца и из архива Министерства обороны.

Медалей у отца было несколько, а вот орден один – Красной Звезды. Я помню, как он дорожил этой наградой. На всех праздниках он был с этим лучезарным орденом.

Приведу полностью строки из наградного документа: "Архипов Афанасий Дмитриевич (1908 г.р.) призван в ряды РККА 30 августа 1941 года Зуевским РВК Кировской области. Направлен служить стрелком-лыжником в стрелковый полк, вошедший в состав дивизий, находящихся на Калининском фронте. В составе частей Калининского фронта участвовал в

Московской оборонительной и наступательной операциях. Был ранен. Откуда отправлен в госпиталь г. Казань.

После выздоровления был переведён в сформированный 876 гаубичный артиллерийский полк (ГАП). Служил орудийным номером в расчёте гаубичной артиллерии. В апреле 1943 года 876 гаубичный полк вошёл в состав 13 армии Центрального фронта и впоследствии участвовал в боях на Курской дуге. Гаубичный полк поддерживал огнём оборону 13 армии на северном фланге Курской дуги в районе сёл Ольховатка, Гнилец, Малоархангельск. 5 июля 1943 года полк выдвинул свои орудия для стрельбы прямой наводкой и уничтожил 25 немецких танков.

В июле-августе 1944 года в составе 1-го Белорусского фронта А.Д. Архипов участвовал в операции "Багратион" по освобождению Белоруссии (освобождал г. Борисов). В дальнейшем участвовал в форсировании реки Западный Буг в ходе Люблин-Брестской операции (18 июля – 2 августа) и участвовал в освобождении Люблина (24 июля).

В 1945 году войска армии участвовали в Варшавско-Познанской (14 января – 3 февраля), Восточно-Померанской стратегической (10 февраля – 4 апреля) и Берлинской стратегической (16 апреля – 8 мая) наступательных операциях.

А.Д. Архипов был награждён орденом Красной Звезды за подвиг в боях по ликвидации плацдарма немецкой армии в районе г. Штеттин (Восточно-Померанская стратегическая наступательная операция) в апреле 1945 года. При взятии станции Клютц, под сильным обстрелом противника, тов. Архипов вынес с поля боя трёх тяжело раненых артиллеристов, сам же вернулся к орудию и продолжал вести огонь по противнику, выполняя работу трёх номеров – подносчика, установщика и заряжающего.

Огнём орудия было уничтожено три пулеметных дота противника и подбит паровоз, который противник пытался увести со станции Клютц..."

Поистине геройские дела! Я всегда знал и помнил, что мой отец отчаянный храбрец и смельчак. Я понимаю: всем храбрецам звание Героя не присвоишь – Золотых Звёзд не хватит. Вот почему отец дорожил и гордился орденом Красной Звезды. Он и в послевоенные годы в колхозе имени Дзержинского был всегда в первых рядах трудового фронта. Плотник, печник, кузнец, знаток всех сельхозмашин, даже мастер портняжного дела – он вызывал у всего населения искреннее уважение. Отец дважды был тяжело ранен. Эти раны сказались на его

здоровье – он умер в декабре 1967 года в возрасте пятидесяти девяти с половиной лет. Его фронтовая гармошка стоит на видном месте в сельском музее...

Отцу я посвятил несколько стихотворений, а одно из них – "Русский солдат" – включено в школьные хрестоматии по литературе.

А недавно я написал стихотворение "Афонин сын":

Афонин сын

Среди снегов, среди равнин
я рос и рос, Афонин сын.
Отец мой – пахарь и солдат.
Он не выпячивал наград.
Простой солдат... Он был удал!
Ему сам Жуков руку жал!
Однажды был горячий бой,
он дот взорвал, затем другой.
Чтоб немец ноги не унёс –
пустил он поезд под откос.
Потом он сам, как паровоз,
сельхозартель достойно вёз.
Отцу дивлюсь, отцом горжусь, –
каких людей рождает Русь!
Я вырос, дожил до седин,
но всё равно – Афонин сын!

Вышли мы все из народа...

Есть такая песенная строка – "Вышли мы все из народа..." Так вот, мои родители вышли из глубокого простонародья. Семьи трудолюбивые, многолюдные. Интересно, что после замужества мама не меняла фамилию: её девичья фамилия была Архипова. Впрочем, всё население вятских деревень жило с одинаковыми фамилиями: в деревне Вахруши – Вахрушевы, Ходыри – Ходырёвы, Микрюки – Микрюковы, Бердники – Бердниковы и т.д. и только в Коршунах жили одни Архиповы. Они зарегистрировали брак 14 марта 1930 года в Бармёнском сельсовете. Вскоре дед по матери Николай Николаевич Архипов посоветовал молодым отправляться на постоянное жительство в недалёкую деревню Бердники, где весной от простуды умер его душевный друг Конон Елисеевич, служивший в Мухинской церкви и бывший бездетным. Его жена Аксинья Васильевна, сестра маминой мамы, не могла управляться в одиночку с большим хозяйством. Мама вспоминала: "Отправились пешком, налегке. Сначала шли по межевице к Талице. А там и до Бердников недалеко. Было это 14 мая 1930 года..."

С той поры почти тридцать лет мои родители были связаны с этой живописной дере-

венькой – вплоть до переезда в Мухино в 1959 году.

Но вернёмся к военному лихолетью. 25 марта 1942 года родился наш третий братик. Бабушка подивилась его крупному белому тельцу, хлопнула ладошкой по одному месту и сказала: "Большой – как богатырь Александр Невский! Пусть будет Александром..." Бездетная бабушка Аксинья Васильевна была нашей няней, хранительницей и спасительницей. Благодаря ей, мы и выжили в войну. Меня она называла почему-то Кузёмой. Было ей тогда далеко за восемьдесят. Обожала нашего красивого папу, но не дождалась его прихода с фронта. Свирепым февралём 1945 года простудилась и скончалась. Когда лежала в гробу на лавке под иконой, я подходил и трогал её за нос: "Вставай, бабушка..." Потом залезал на полати и долго смотрел оттуда на неё, не понимая, что происходит. Сейчас, когда я прихожу на Мухинское кладбище, обязательно кладу на её могилку букетик полевых цветов.

Что помогло матери выстоять, выжить в военные годы? Перенести эти нечеловеческие страдания? Прежде всего – работоспособность до изнеможения. Она умела управляться с плугом, топором, косой, могла укротить самого строптивого коня. Видя её безотказность, назначали на самые тяжёлые работы. Мама никогда не теряла присутствия духа.

И лишь однажды, по её признанию, нестигаемый характер дал сбой. В марте 1942 года, через три дня после рождения Александра, председатель назначил её в извоз в далёкий Уржум получить стратегический груз со спиртового завода. Председатель так и сказал: "Если не поедешь, доведу куда следует, что ты ругаешь Сталина. Тебя посадят в тюрьму, а детей сдадут в детский дом...". Это был поклёп, шантаж. Трёхдневный малыш без материнского молока столько дней не выживет. От переживаний разум застилал туман. Мама очнулась среди ночи почему-то над открытым сундуком, где лежал молитвенник. Постепенно взяла себя в руки – сказался жизнестойкий стержень. В Уржум ехала на лошади через Богородск, ночевала в татарских деревнях. Позднее признавалась: страшновато было.

Но в Уржуме, чтобы получить этот груз, заставили её привезти тяжёлые брёвна из заснеженного леса. Вот тут-то мама и надорвалась, открылась грыжа. Вернулась через неделю еле живая. Малыша всё-таки спасла бабушка, выходила Александра, да и нас тоже. Но мама уже ничего тяжелого не могла поднимать. Знающие люди посоветовали сходить в соседнее Высоково к старцу-лекарю Дмитрию. Дважды по весне мама ходила к нему на правку. И

народный целитель помог. К лету она снова впряглась в колхозные оглобли.

Святые люди – мои родители

Меня всегда поражала одержимость, неустрашимость мамы в работе. Она успевала управиться с делами в колхозе и дома. А в домашнем хозяйстве всегда были корова, телёнок, овцы и разная мелкота. И откуда брались силы? Ночью ненадолго прикорнёт на подушке – и опять на ходу. И нам, сыновьям, с малолетства прохладиться не давала. Устанешь, присядешь на брёвнышко, на пенёк и сразу непременно услышишь: "Владимир, вперед!".

В прошлом году, разбирая бумаги, я обнаружил "Трудовую книжку колхозника", выданную мне аж в 1952 году. И было тогда Владимиру Архипову всего 12 лет! В музее с радостью приняли такой уникальный экспонат!

В молодые годы мама отличалась какой-то особенной северной красотой. Позднее непосильная изнуряющая работа и горькие думы заострили черты. Лицо стало казаться суровым. Но я-то знал: в душе у неё родник доброты и нежности. (Я и поэму о маме назвал – "Суровая нежность"). Её лицо озаряла какая-то достойная коренная красота, что сходит на лица добрых людей на закате жизни.

Мой папа Афанасий Дмитриевич был мастером на все руки. Он даже слыл лучшим портным на всю округу. Портняжному и всем другим ремёслам его научил отец, с которым он с детства в зимнее время отправлялся выполнять заказы в окрестных деревнях. Теперь-то я думаю: эх, если бы мне хоть чуточку его талантов... Учение в школе ему давалось легко, даже весело, но вот эта зимняя работа вдали от дома помешала после начальной школы учиться дальше. А вот старший брат отца Евдоким даже стал учителем (погиб в начале войны на Калининском фронте).

Если мама в детстве только рассказывала нам сказки, то отец читал вслух разные книжки. Выписывал в обязательном порядке районную газету "Заветы Ильича", областную "Кировскую правду", потом прибавилась "Пионерская правда". В нашей деревеньке отец был самым грамотным человеком с красивым "министерским" почерком. Когда, будучи пятиклассником, я начал вести дневничок и писать стихи, отец с лукавым видом сказал: "Пиши, пиши. Только учти: наша фамилия начинается с буквы "А", значит, ты всегда должен быть впереди".

Отец был спокойным, уравновешенным человеком. Никогда не повышал голоса, не слышал от него и бранных слов. Однажды я,

шестиклассник, увлечись чтением "Двух капитанов" В. Каверина, кипятил самовар, забыв в него залить воду. Самоварная труба, в конце концов, отпаялась и накренилась. В общем, главное богатство деревенской избы – самовар – вышел из строя, превратился в металлолом. С замиранием сердца я ждал прихода с работы родителей, неминуемую взбучку. Отец сразу оценил ситуацию, нашёл в себе силы рассмеяться... С красивыми, утончёнными чертами лица Афанасий Дмитриевич мало походил на местных жителей. К слову, из четырех сыновей – трое лицом удались в отца. И только я больше похож на маму.

К отцу прислушивались, шли за советом даже из окрестных деревень. Выпивал он мало, но с удовольствием поддерживал компанию на общих праздниках, пел песни и даже танцевал. Всегда и во всём у него был гвардейский порядок. В колхозе ему поручали самые ответственные работы – на жатках, лобогрейках, косилках. Отец старался не показывать, как его мучают фронтовые раны. И всё-таки он успел подержать на руках внучку, мою дочку Настеньку, порадоваться продолжению жизни.

Впервые от отца я, будучи в третьем классе, услышал фамилию Васнецовых, знаменитых братьев-художников Вятки. С этим связана очень памятная поездка с отцом на мельницу в деревню Вахруши, что рядом с селом Рябово. Дело в том, что мельником там был двоюродный брат мамы, и именно туда отец направлялся на помол, водрузив на телегу и меня. Пока мельница была загружена, он повёл меня к полуразрушенной Рябовской церкви и домику художников. Так состоялось моё первое знакомство с родными местами знаменитой семьи Васнецовых. До сих пор вижу мельничный пруд с огромными кувшинками и слышу шум падающей воды.

Однажды в 1965 году отец вернулся домой необычайно оживлённым, весёленьким. Мама насторожилась: денег у него на выпивку не имелось, с финансами в семье всегда было туго. А тут... Отец с торжествующим видом поведал о том, что на почте получил перевод – гонорар за статью в областной газете "Кировская правда". Действительно, накануне 20-летия Победы я по рассказам отца подготовил статью о его фронтовом пути от Москвы до Берлина, а мой друг, молодой писатель Борис Филёв, работающий в этой газете, её опубликовал. Отец так и сказал матери: "Получил от Вовы гонорар..."

Но самое увлекательное было в другом. Отец, никогда не отличавшийся особым пристрастием к выпивке, встретил на сельской почте двух друзей – тоже фронтовиков – ува-

жаемых всеми учителей Никифора Александровича Сунцова и Серафима Вениаминовича Вахрушева и пригласил их отметить это событие. По дороге в местную столовую они прихватили еще несколько бывших фронтовиков (их тогда в селе было немало), чтобы поднять боевые сто грамм. На вопрос матери, где остальные деньги, радостный отец показал ей только корешок почтового перевода...

Известный писатель Владимир Крупин, тоже вятский уроженец, неоднократно отмечал в земляках такую черту характера, как поразительное простодушие, доверчивость, открытость души. Мол, последний кусок хлеба отдаст, последнюю рубаху снимет, но поможет ближнему. Так-то оно так, но я тут усматриваю историческое обоснование, глубинную генетическую закономерность. Несколько столетий назад, заселяя и обживая наш суровый край, предкам приходилось сообща корчевать лес, рубить избы, распахать поля. Общинность, духовная (почти семейная) спайка помогала предкам переносить неподъемные в одиночку тяготы, выживать. И это передалось их потомкам. Моя детская память сохранила картины редких, но веселых массовых деревенских праздников. Помню и дружные помочи. Когда у соседа Егора Ивановича Бердникова сгорела изба, все однодеревенцы пришли ему на помощь и в короткий срок подняли новый дом. Вот уж воистину – если встанем всем миром...

Здесь к месту рассказать вот о чем. Тогда, при отправке на фронт при прощании на станции, перед самым отходом эшелона, отец дал маме ещё один наказ: "Будешь вывозить дрова из леса – первый воз вези Мусихиным". Мама знала, что дрова на зиму отец готовил вместе с Алёшей Мусихиным. Сам Алёша уже ушел на фронт. Заготовленные брёвна остались в лесу. Семья многодетная, хозяйка слаба здоровьем, вот отец и вспомнил о ней даже в такое прощальное мгновение...

Снится белая рубашка...

После войны победитель, старший сержант Афанасий Дмитриевич Архипов, среди других подарков привёз из Берлина парашют из белоснежного немецкого шёлка. Знал, чуял мастер, в чём больше всего нуждается колхозный народ! И собственноручно всем деревенским мужикам и детям сшил из шёлка рубахи (швейную машинку мама сохранила). Даже я, малолеток, помню, как ребятишки и мужики годами щеголяли в ослепительных рубахах...

Очень горестно, что жизнь человеческая до удивления коротка. В народе говорят: жизнь короткая – в птичий посвист. В 1958 году нача-

лось сселение так называемых неперспективных деревень. Наш колхоз "Солнце" предстояло гасить одним из первых. Показать пример оперативного переезда в село Мухино, на новое место жительства, председатель колхоза фронтовик А.Х. Кормщиков попросил другого фронтовика – А. Д. Архипова. В короткий срок мы с отцом нарубили в Обрезном лесу стройных деревьев на новую избу, вывезли их на опушку и застучали топорами, вырезая пазы и углы. Так что у нашей избушки в Мухино нынче тоже юбилей – 60 лет...

К отцу председатель относился с уважением, поручал работу, требующую упорства и смекалки. А однажды попросил организовать в селе большую посадку молодых сосенок. Я в то время был на студенческих каникулах и с удовольствием помогал отцу (сейчас при въезде в село вас встречает могучий сосновый бор с птичьими гнёздами). Председатель иногда заходил к отцу на чаёк, на огонёк. Фронтовикам было о чем поговорить. Помню, как он удивлялся количеству боевых грамот и благодарностей, вручённых отцу за ратные подвиги и подписанных лично маршалом Г.К. Жуковым. А одна грамота, выданная в Берлине в честь Победы, поражала воображение своим размером – напоминала большую картину. "И как ты поместил её в чемодан?" – изумлялся гость. А однажды, когда я учился в Москве, председатель зашёл к отцу с совершенно неожиданной просьбой – посодействовать, чтобы его сын (то есть я) написал песню о селе Мухино. Я выполнил эту просьбу, написал песню о моей любимой вятской земле.

Фронтная храбрость отца, награды никак не повлияли на его природную скромность. Он ничем не выделялся среди своих односельчан, наоборот, даже старался быть менее заметным. Бывало, председатель на общем собрании колхозников пригласит его в президиум, а он, застенчившись, махнёт рукой и останется сидеть рядом со своим простым великим народом...

Я очень опасался за здоровье родителей в самый страшный для семьи 1956 год. В начале зимы из армии инвалидом вернулся старший брат Иван. Наш девятилетний братик Виталий, наш любимец, который уже учился в третьем классе и до упоения зачитывался детскими книжками, простудился в жестокий мороз по дороге домой из школы, заболел и умер в Косинской больнице. Такие удары не под силу и железному характеру...

8 октября 1988 года у мамы Ефросиньи Николаевны отмечали 80-летие. Накануне я прилетел самолётом из Краснодара. Приехали из Свердловска её младшая сестра Мария Николаевна, племянники и племянницы. В Мухи-

но стояла солнечная золотая осень. Мама выглядела помолодевшей. Только сетовала, что не смог приехать сын Александр с семьёй из Тирасполя. Пришли поздравить и близкие маме мухинцы. Любимые учителя – фронтовик Иван Филиппович Андреев с женой Валентиной Семёновной принесли баян. В этот день были спеты самые любимые мамины песни. Она и сама много пела и, как обычно, много шутила. Мама вообще была мастерицей острой шутки и образного слова. Племянница Лина, заворожённая её простонародной речью, ходила за ней хвостиком и всё время записывала в блокнот меткие сочные выражения.

В эти дни в областной газете "Кировская правда" был опубликован большой очерк Леонида Костина "Судьба матери", в котором он рассказывал о простой русской женщине Ефросинье Николаевне Архиповой.

Наша зелёная колыбель

В свои детские деревенские годы я был довольно любознательным и мечтательным. Я мог долго и не отрываясь наблюдать за тем, как муравьи спешат по своей еле видимой тропинке, следить за крохотной птичкой, сидящей на ветке, или изумляться свечению капельки росы в лучах восходящего солнца.

В пятом классе я начал вести свой наивный дневничок, куда заносил всё то, что меня удивило в течение дня. А ещё то и дело просил родителей разъяснить значение некоторых слов. Например, почему село, куда мы ходим в школу, называется так странно – Мухино? А где тучи мух? Неужели соседняя деревня Высоково действительно самая высокая? Родители, затюканные вечной работой в колхозе, отмахивались от меня, как от назойливой мухи.

Мне нравилось село Мухино, расположенное на живописном берегу реки Косы. Однажды я, обуреваемый словесными изысканиями, начал объяснять своему сверстнику, такому же деревенскому карапузу, что Косинские луга, находящиеся сразу за селом, берут название от реки Косы. Мама Ефросинья Николаевна, услышав такое "открытие", решительно прервала мои измышления:

– Остановись, грамотей! Эти луга раньше были приписаны к деревне Косинцы, а жили в ней люди по фамилии Койсины. По деревне и название – Косинские луга. Потом деревня вошла в состав села Мухино. И твои мухи тут ни причём. Здесь когда-то торговал купец по фамилии Мухин. Село-то наше будет постарше Зуевки и даже Ленинграда...

Я слушал маму, раскрыв рот. Она так просто приоткрывала то, что, казалось бы, лежит на поверхности...

Ещё одно воспоминание. Оно связано с папой Афанасием Дмитриевичем и крепко запавшее в детскую головку. В солнечный летний день купаемся со сверстниками в омутке нашей небольшой речушки. Рядом заросшая ольховником земляная насыпь – дамба с разрушенным мостиком – только деревянные сваи, как оглобли, торчат.

Подошёл с сенокоса папа, чтобы набрать свежей родниковой водички. Мы вылезли из речки, присели рядом. И вдруг он начал рассказывать о том, что раньше здесь проходила дорога из Рябово в Мухино, путники обязательно останавливали свои тарантасы, утоляли жажду. Будущие рябовские знаменитости – братья-художники Васнецовы – часто в детские годы ездили в гости к мухинской родне и освежались в нашей речушке. Может, даже купались в этом же омутке?! Здешняя природа им нравилась. Не зря Аполлинарий Васнецов неоднократно рисовал мухинские пейзажи.

Подобное открытие не прошло для нас бесследно. Мы со сверстником-карапузом возомнили себя художниками и тоже начали рисовать...

Я хорошо помню всех своих учителей в начальной школе – Агнию Васильевну Рудину, Людмилу Вениаминовну Вахрушеву, Веру Петровну Мальцеву. Каждая из них приоткрывала мне мир знаний. Спасибо им! Но сейчас, с вершины прожитых лет, прихожу к выводу: самыми главными учителями для меня были мои родители!

Умывались вместе с солнышком

Может ли речка быть полноправным членом семьи? Может! У нас она текла возле баньки, в низине, по окраине огорода. Утром мы вместе с солнышком умывались её родниковой водой...

Наша речка-речушка – одно из самых светлых воспоминаний детства. Вода в ней была поистине живительной, кристальной, так как её истоком служил родник, расположенный всего в километре от нас, под Высоковским косогором – увалом. Её питали десятки и других родничков, бьющих в невысоких бережках, образуя таинственные омутки, в которых мы бултыхались как лягушата. Местами речушку можно было перепрыгнуть. Её русло скрывалось в густых зарослях ивняка, ольховника и осоки. Зимой она пряталась под завалами снега и лишь кое-где приглушённым журчанием напоминала о себе.

Мама называла её речкой-спасительницей. Вода в ней была такой же вкусной, как коровье молоко, но холодной до озноба, до ломоты в зубах. Летними вечерами, установив на бережке таганку с чугуном, мы варили уху или картошку. Рыбы крупной тут не было, изредка попадались налимы. А шустрые рыбки-мальки пулями пролетали между ног.

Эту родную речку-речушку я до сих пор вижу часто во сне – как моих братьев и родителей. Понимаю сейчас по-особому, как тосковал по ней отец все четыре года войны. В письмах с фронта иногда он делал приписку: "Поклонитесь нашей речке Архипке..."

Теперь-то я понимаю: души моих родителей были так же светлы, как родниковые воды речки моего детства...

Звёзды в соломе

Есть философские трактаты на тему "Наука побеждать". Но гораздо важнее и жизненно необходимей, на мой взгляд, другая тема – наука прощать, которая не афишируется и которая по плечу натурам действительно сильным и мудрым. К ним я отношу и маму Ефросинью Николаевну. Именно она заронила в мою душу на заре туманного детства первые обнадеживающие ростки жизнестойкости.

...Весной 1945 года мой папа, старший сержант Афанасий Дмитриевич Архипов, прислал из поверженной Германии небольшую посылочку. А в ней был подарок нам, трем сыновьям фронтовика – губная немецкая гармошка. И вот с этим музыкальным чудом я отправился на другой конец деревни к своему сверстнику, тоже пятилетнему сорванцу. Его отец в годы войны находился в Казани, в неведомой нам трудармии, и никаких боевых трофеев, естественно, не посылал. А мы, трое братьев-богатырей, поочередно носили будёновку и пилотку. И даже спали, не снимая их с головы.

Играть на губной гармошке пошли в низину, к кузнице, где шумело весеннее половодье. Наша речушка вышла из берегов, несла коряги и разный мусор. Остановились на старой дамбе-запруде. Мой сверстник благосклонно принял гармошку, поиграл немного и неожиданно бросил её в мутный водоворот...

Я взревел во весь голос и бросился домой, к маме. Она вытирала потоки слёз и успокаивала:

– Не реви, парень, не реви. Простим его. Вот скоро папа с фронта придёт и принесёт вам большой баян. Я напишу ему...

Папа пришёл с фронта через полгода, в ноябре 1945-го. Он привёз из Берлина не баян,

а красавец-аккордеон и патефон с пластинками. Но аккордеон пришлось скоро продать – время было голодное. Патефон служил верно и долго, а потом он стал экспонатом сельского музея.

...В первые послевоенные годы было не до праздников. Дичайшая засуха, неурожай поразили колхозные поля. Как будто природа и после войны испытывала народ на прочность. Но изредка на скромные застолья люди всё-таки собирались, старались отметить праздники. Как-то после осенних работ к нам пришли гости – родственники из деревни Коршуны. Так случилось, что нам, пострелятам, места за столом не хватило. Не знаю почему, но меня захлестнула глубокая обида, и я потихоньку ушёл в поле за деревню, забрался на вершину соломенной скирды с потаённой мыслью: пусть поищут. И... заснул.

Проснулся я от маминого плача. Была уже полночь, звёзды светили над скирдой и моей головой. Мама в поисках меня проходила лесом по краю поля. Она уже не плакала, а стонала: "Вова, Вова..." Меня словно подбросило, я мигом скатился со скирды и побежал на её голос: "Я здесь, я здесь..." Мама провела тяжёлый день на колхозной работе, хлопотала по домашнему хозяйству. А тут я пропал... Сколько времени она искала меня – не знаю, но голос сорвала. Увидев меня, она только и сказала:

– Больше так не делай... Не обижайся. На обиженных воду возят... И, обессиленная, опустилась в темноте прямо на землю.

Как я ненавидел себя за тот глупый поступок!

Искры из глаз

Написал этот заголовок, и рука с пером произвольно остановилась: может, не стоит писать об этом неприятном для меня случае? Но я же дал себе слово поведать всё как есть – без прикрас, без утайки. Значит, вперёд!

Сразу скажу: меня в детстве родители особо сильно не наказывали, не били ремнём, вицей или ещё чем-нибудь. Кроме одного раза, который я вспоминаю до сих пор. После этого происшествия в моём дневничке появилась всего одна фраза: "Искры из глаз..." Сейчас я её расшифрую.

Было начало сентября. Я начинал учёбу в шестом классе. В деревне самый разгар уборочной страды. У нас спешили убрать рожь на поле возле Обрезного леса. В начале пятидесятых годов прошлого века в колхозе ещё не было комбайнов, только стрекотали жатки-лобогрейки. Женщинам приходилось вязать

снопы и составлять из них бабки-сулоны. Я любил эти золотистые сооружения, напоминающие мне на поле праздничный деревенский хоровод с женщинами, одетыми в широкие сарафаны.

Вернувшись из школы, я по обыкновению сразу же решил идти на поле к маме. Наполнил папин фронтальной котелок водой из родника, на полянке у Большого лога набрал стаканчик душистой малины и заявился к маме с такими подарками. Она обрадовалась, похвалила и попросила помочь – готовить для снопов пояски. Я поначалу энергично брал длинные ржаные стебли, скручивал их в плотный поясок-ремешок и расстилал его рядом с будущим снопом. Но постепенно стал уставать. Наверно, давал знать неблизкий путь в школу и обратно, вдобавок стерня колола босые ноги, пот заливал глаза. И я вслух выругался. Нехорошо выругался. И в тот же момент из глаз посыпались искры, и я сунулся носом в землю. Сначала я не понял, что произошло. Но мамин голос вернул меня к реальности:

– Ну что? Получил по кумполу? Больше никогда не ругайся. А то ещё раз огрею граблями. Теперь на всю жизнь запомнишь...

Да, это был большой и болезненный урок от моей матери-труженицы. С тех пор я многое повидал на своем веку, перетерпел-перестрадал, был в безвыходных ситуациях, душа, казалось, замирала, но внутренний голос твердил: "Я слышу тебя, мама!" Больше я никогда не произносил ни одного бранного слова. А когда слышу бранные слова от других, меня словно кипятком окатывает – грех-то какой! Как же человек с таким грехом будет дальше жить и любить? И мне становится нестерпимо горько...

Шла по улице сорока...

Однажды мы с мамой приехали из села в районный городок по неотложным хозяйственным делам. А говоря точнее – "бить овечью шерсть". Мама всегда поджидала моего приезда на каникулы или в отпуск, чтобы вместе съездить в Зуевку и обработать в быткомбинате "овечью продукцию". Пообедать пошли в столовую, которая расположена недалеко от вокзала. Вот тут-то она впервые увидела девушку, одетую (вернее, раздетую) по новой, "полуобнаженной моде" – в брючках, с открытым животиком и блестящей звездочкой в пупке.

– Такую и в баню водить не надо, – неожиданно сказала мама. – Всё видно, как на картине...

Подождав, пока модница пройдет мимо, стала рассказывать о том, что раньше перед свадьбой свахи приглашали невесту в баню, чтобы разглядеть её достоинства: не корява ли, нет ли какого изъяна... Ничего подобного я раньше не слышал и даже не читал. И посему весело и благодарно улыбнулся маме. А она, ещё раз хмыкнув, сделала свой вывод: "А в штанах-то удобнее работать. Только что блестит у этой сороки на животе?.."

Несмотря на свои восемьдесят с гаком, мама удивляла проницательностью, практичностью и, я бы сказал даже, современным подходом к явлениям быстротекущей жизни. И эту новую брючную моду для женщин она оценила исходя из своего житейского опыта. В военные годы, да и позже, в наших местах зимы были не просто морозными, а по-настоящему трескучими и многоснежными. А колхоз часто посылал маму, как самую выносливую и безотказную труженицу, в недельные командировки на лесозаготовки. Там мама и воевала с деревьями с топором в руках и по пояс в снегу.

На днях посмотрел по телевидению документальный фильм "Лесоповал", посвященный узникам ГУЛАГа, видел, как узники-каторжане тоже валили заснеженные деревья. Но все работы были в стеганых штанах. А командировочным колхозницам ни стеганых, ни простых штанов не выдавали. В отличие от колхозниц, рабов ГУЛАГа даже кормили... Да и другие работы в колхозе не отличались комфортностью для женского здоровья. Представьте годы труда в навозе на фермах и в силосных ямах! Для меня просто загадка, как мама смогла до конца жизни остаться добросердечной, смиренной, на удивление жизнерадостной и даже с ровным незлобивым юмором...

Вспомнил и её шутливое изречение, которое мама выдала после той встречи с "обнаженной в брюках": "О мужиках говорят – бегают за каждой юбкой. А теперь как? Бегают за каждой штаниной?.."

Добрый взгляд

В нашем селе один молодой человек женился на женщине, имеющей репутацию легкомысленной, легкодоступной. Рассказывала мама об этом с нескрываемым осуждением и наставляла меня: "Не бери девушку из браку..."

Тогда по телевизору ещё не показывали Ксюшу Собчак и пресловутый "Дом" со стадным совокуплением. Интересно, из кого сегодня современному молодому человеку выбирать жену, если пошёл сплошной "брак"...

А ещё мама часто повторяла: "Не мотайся по свету. На одном месте и камешек обраста-

ет..." Но как последуешь её совету, если журналистские дороги уводили меня то в Казахстан, то на Дальний Восток, то в Якутию...

Особенно часто мама повторяла для сыновей слова, ставшие для нас незыблемыми, крылатыми: "Ты приезжаешь в отпуск не отдыхать, а работать!" И даже сейчас, после ухода мамы, я порой вздрагиваю, когда чувствую, что ничего существенного за день не сделано. Святая обязанность сыновей – заготовка сена для коровы и овец, рубка дров на зиму. Хорошо помню, как радовалась мама, когда нам выделили участок для сенокоса на лугах за Борком, за Коршуновским мостом. Она вся светилась, как будто заново родилась. Мама вместе со взрослыми сыновьями взялась за литовку и косила до тех пор, пока вся трава на 40 сотках не легла в валки...

Самый мастеровитый из нас – младший брат Александр – часто приезжал в гости с семьёй из Тирасполя. Мама всегда хвалила его умелые руки. Вот и сын его, Вячеслав, любивший бабушку и деревенский труд стал превосходным мастером в своём телеоператорском деле (работает в Останкино на Первом канале). Нет, не зря пишут: гены сказываются, гены... Но всё-таки самым большим мастером на все руки был папа Афанасий Дмитриевич...

Часто вспоминаю, как мама учила доить корову мою маленькую дочку Настеньку, приехавшую к бабушке в гости из города. Я даже сделал на память фотографию об этой прелюбопытной процедуре. Дочка выросла, окончила факультет журналистики Ленинградского университета. Слава Богу, вроде трудолюбивая. Скоро моей внучке Вареньке стукнет десять лет. Кто её будет учить доить корову? Коровы Зорьки больше нет, нет и бабушки Ефросиньи Николаевны...

Мама была глубоко убеждена, что человек должен жить в непрестанном труде: "Устанешь, запнёшься, упадёшь – тогда и отдыхай". Сама она согласилась идти на колхозную пенсию только в 70 лет. А по домашнему хозяйству крутилась до последнего. В больницах не лежала. Увидев по телевизору толпы отдыхающих на морском берегу, спросила меня вполне серьезно: "А чем они болеют?" Сама в краткосрочном колхозном отпуске была лишь однажды – ездила в Свердловск на похороны своего отца, нашего дедушки Николая Николаевича. Он называл маму "великой труженицей" и дал наказ не хоронить его до приезда дочери Ефросиньи...

Всех старушек мама ласково называла "молодушками". Однажды пришли с ней в сельский магазин. Увидев маму, старушки, к моему немалому удивлению, расступились,

предлагая ей сделать покупку без очереди: "Проходи, Николаевна, ведь у тебя гости приехали". Мама озорно блеснула глазами и сказала:

– Спасибо, молодухи. Я уж вместе с вами постою.

Заметив в очереди одну из пожилых колхозниц, обратилась к ней:

– Здравствуй, Микитьевна! Слышала, что ты болеешь. Не залеживайся, Микитьевна, не залеживайся...

Песня не умирает

Мама любила слушать песни в исполнении великой народной певицы Людмилы Зыкиной. Я и сам любил её завораживающий голос! Особенно она обожала песню в её исполнении "Оренбургский пуховый платок". Когда я маме рассказал, что слова этой песни написал мой преподаватель из Литературного института поэт Виктор Фёдорович Боков, она не поверила. Она думала, что слова песни народные.

Когда отмечали 85-летие Ефросиньи Николаевны, моя добрая знакомая из Зуевки, корреспондент Любовь Ивановна Пасынкова прочитала по районному радио мою поэму, посвященную маме, а потом прозвучали сразу две её любимые песни про рябинушку и "Оренбургский пуховый платок"... Мама и сама хорошо пела, как и её родители, братья и сёстры.

Мама боготворила своих родителей. Её отец Николай Николаевич в родных Коршунах считался самым работающим и башковитым. В начале 30-х годов прошлого века его раскулаченная семья была вынуждена уехать на Урал. Лишь старший сын Дмитрий каким-то чудом прорвался в Москву, где окончил знаменитый авиационный институт, стал учёным. Из всей большой семьи осталась "сторожить родную Вятку" лишь моя мама Ефросинья в возрасте 22-х лет.

Вятский человек необычайно талантлив. Мой хороший товарищ, мудрый писатель Владимир Крупин утверждает: если изъять из Москвы талантливых вятских, то столица опустеет. Писатель из вятского роду-племени знает, что говорит. А вятские уроженцы о своих способностях порой и не подозревают.

Мне довелось общаться с родителями Владимира Крупина – Николаем Яковлевичем и Варварой Фёдоровной. Однажды я даже ночевал под их гостеприимным кровом. У них, как и у всех вятских, своя особенность – простота в обращении, природное благородство и какое-то неизъяснимое душевное обаяние. Наутро я

уехал радостным, как будто со своими родителями повидался.

У моих родителей всего-то по три-четыре класса Мухинской церковно-приходской школы. Размышляя об их судьбе, прихожу к выводу: при удачно сложившихся обстоятельствах они могли стать видными людьми в любой сфере деятельности. Жизнь их испытывала на такой излом, так кромсала, что диву даёшься. Это была не просто жизнь рядовых тружеников, это был ещё и большой нравственный подвиг, вызывающий уважение и восхищение.

Мой друг из Мухино Валентин Васильевич Пупков, ровесник и замечательный гармонист, рассказывал о своей покойной матушке всегда в настоящем времени: "матушка говорит", "матушка не велит..." С некоторых пор и я стал замечать за собой, что говорю о покойной маме так, как будто она живая, только осталась дома и поджидает меня...

Жива, жива моя матушка Ефросинья Николаевна – о на всегда рядом, она – в моём сердце!

"Я ещё вернусь..."

Мама давно мечтала сходить в деревеньку Бердники, в которой мои родители прожили тридцать лет, где и мы выросли с братьями. Сей лесной деревеньки давно уже нет под родимым вятским небушком. Вроде и недалеко от села Мухино – всего-то пять километров, да всё было недосуг. А тут и "ноги начали отказывать". Но летом 1993 года, дождавшись моего приезда в отпуск, мама решительно заявила: "Пойдём, Владимир, пойдём. А то Бердники заждались..."

Последние тридцать пять лет мама прожила в своём домике в Мухино на улице Комсомольской. Ей здесь всё нравилось: рядом Дом культуры, магазины, люди... Но больше всего она радовалась детским голосам, доносящимся из детского садика, расположенного наискосок от нашей избушки.

А свою деревеньку вспоминала часто, спрашивала: как там наши черемухи, липы, берёзы... В том, девяносто третьем, маме исполнилось 85 лет, и откладывать путешествие было нельзя.

Я знал, что мама – невероятно решительный и мужественный человек. Но и тут в очередной раз она поразила меня. Тихим шагом, без передышки, преодолела два поля, два лога, два лесных массива, заросшую речушку и, лишь поднявшись по третьему оврагу, присела

на бугорок – как раз перед тем местом, где раньше стоял наш дом.

Я обязательно напишу подробней о том материнском походе к родным местам. А пока расскажу о самом сокровенном. Перекусив и умывшись родниковой водичкой, мама шла по родимой опустевшей одворице, поглаживала березы, которые уже стали высоченными, гладила рукой июльское разнотравье, даже репейник... В моём горле стоял непреходящий комок. Я понимал: мама прощалась... В моём мозгу стучало и крепло открытие: а ведь мама самый большой поэт на земле!

– А теперь пойдём в Обрезной лес, – неожиданно объявила она. – Может, малина на вырубках поспела. Да и поле ржаное хочу посмотреть – как колос наливаются...

Шагать до Обрезного леса – это ещё полтора километра. При её недомогании просто немыслимо! Но мы шли и шли к лесу по полю, а мама продолжала гладить колоски ржи. В маминых глазах не было и тени усталости, наоборот, они лучились живительным огоньком, интересом. С какой радостью она глядела на дальние леса, зелёные увалы, на зелёную стену молодой ржи. И вдруг сказала: "А земля такая зелёная! Умирать не хочется..."

Спелой малины в лесу мы не нашли. Ягоды ещё не созрели. Мама нисколько не огорчилась, а уходя, низко поклонилась: "Спасибо за всё, лес-батюшка. Больше не приду. – А потом, словно спохватившись, добавила: – Извини, не то сказала. Я ещё вернусь. Осенью. Когда рыжики пойдут..."

Мама Ефросинья Николаевна умерла глубокой осенью 1994 года. Ей шёл 87-й год...

В прошлом году жители села Мухино отметили 110-летие папы и мамы. Спасибо вам, дорогие земляки, за добрую память о моих родителях!

Дыхание жизни

Гладила мама ржаной колосок.
Рожь наливалась, качалась стеною.
"Похорони меня выше, сынок,
чтобы я видела поле ржаное..."

Встал косогор над родимой землёй –
место, открытое ветру и зною.
Глажу и глажу могилку рукой,
глажу и глажу –
как поле ржаное.

ЛЮДМИЛА БИРЮК

Краснодар

Бирюк Людмила Дмитриевна родилась в Ростове-на-Дону в семье военного. Окончила Краснодарский педагогический институт (филологический факультет), Краснодарский техникум сахарной промышленности по специальности КИПиА. Работала в проектных институтах.

Первый роман "Война в кружевах" вышел в 1998 году. Десять лет сотрудничала с газетой "Литературная Кубань". В 2004 году была принята в Союз писателей России. В настоящее время является членом правления КРО СПР, руководителем секции прозы. Лауреат муниципальной литературной премии им. Анатолия Знаменского (2007).

ДРУЗЬЯ МОИ, "ИСПАНЦЫ"

Книга моего сердца – к 95-летию со дня рождения Виктора Логинова

В начале 80-х я работала инженером в проектном институте. Несмотря на сугубо технический род работ, у нас, как и везде в стране, царил настоящий культ книг, которые были тогда в большом дефиците. Мы доставали их из-под полы, переплавивая спекулянтам, обменивали друг у друга и героически сдавали макулатуру, чтобы получить заветный талон на покупку популярного бестселлера. В ту пору известный советский лозунг: "Книга – лучший подарок!" стоял, как говорится, на повестке дня.

И вот однажды... (читатели уже почуяли интригу) после обеденного перерыва в наш электротехнический отдел прибежал молодой проектировщик Боря, весь взъерошенный, с книжкой в руке. Мы насторожились:

– Что это?

– Виктор Логинов! "Испания, Испания!.."

Кто-то вспомнил, что Логинов – автор известной книги "Дороги товарищей", нашушевской после войны.

– С рук купил?

– В нашем книжном, в свободной продаже!

Мы недоверчиво высунули головы из-за кульманов.

– Только одну взял? А нам?!

В книжных магазинах книги стоили дешево, но дело в том, что их там почти никогда не

было, по крайней мере, художественных. Видя, что в отделе назревает бунт, начальник велел собрать деньги и вручив их Борису послал его обратно в магазин. Вернулся инженер удрученным: ему удалось взять только последние три книжки. Мы их тут же разыграли в лотерею, и одна из них досталась... как вы думаете, кому? Правильно, мне.

Став счастливой обладательницей неожиданно свалившегося богатства, я и представить не могла, что ровно через 20 лет воочию увижу автора этой увлекательной книги, буду говорить с ним, и даже ходить в гости. Но это будет потом... А тогда, вернувшись домой, к семье, я лишь поздним вечером устроилась в кресле с книгой, собираясь почитать полчаса перед сном. И не могла оторваться до утра! Романтикой юности вдруг повеяло со страниц чудом доставшейся мне новой книги, ещё пахнувшей свежей типографской краской.

1939 год... Где-то в глубине Советской России, на берегу реки Клязьмы испанские республиканцы сражаются с мятежниками... Что-то не так? Не удивляйтесь, всё правильно. Одновременно с жестокой, кровопролитной войной в Испании, идёт никому неизвестная, упорная и ожесточённая схватка мальчишек в маленьком неприметном русском посёлке.

Испания, Испания!.. Эту героическую страну юные герои Логинова знают так хорошо, что могут нарисовать по памяти её карту. Рано утром они бегут к газетному киоску, чтобы узнать последние сводки с испанских фронтов. Сердцем они там, рядом с мужест-

венными камарадос. Ведь они – дети революции, и каждый борец за свободу им брат!

"О чём ты чаще всего думаешь?" – спрашивает одноклассник Володю Комарова, главного героя романа, и слышит мгновенный ответ: "Об Испании".

Мужественная борьба республиканцев становится для Володи и его друзей примером в их нелегком противостоянии банде хулиганов, стремящихся установить в посёлке свою диктатуру. "Тут такие дела... – говорит Володя. – Всё равно, что в Испании!"

Это, конечно, преувеличение. Но в круговерти приключений юных героев невольно отражаются испанские события. В роли "фашистских мятежников" выступают томящиеся без дела подростки, под предводительством уголовника Жорки Глыбы и Кольки Косого, сына белогвардейца. Косой и Глыба терроризируют мальчишек Первой и Второй Партизанской, натравливая их друг на друга и провоцируя постоянные драки.

Им противостоят ребята, гордо называющие себя "испанцами" – Сережа Наумов, Миша Якимов и подружившийся с ними Володя Комаров. Сережа – бесспорный командир этого маленького отряда. Не только потому, что он самый старший из них, а потому, что в нём задатки настоящего лидера. Он не только смел, но и умён, обладает несокрушимой логикой и умением убеждать. Потасовки для него не аргумент, кулаки – оружие таких, как Косой. Наумов верит в могучую "силу слова". Кроме того, он, единственный из ребят догадывается, что беспорядки в посёлке кому-то выгодны. Шумные мальчишеские ссоры и драки отвлекают внимание жителей от готовящегося преступления, которое бандиты предполагают потом списать на счёт враждующих кланов.

С волнением и сочувствием следила я за драматическими событиями романа и подвигами "испанцев". Но особенно мне нравился Володя Комаров, в котором я интуитивно узнала самого автора – Виктора Логинова.

Своё беспокойное, не всегда сытое детство Володя искренне считает счастливым. Да, у него нет хорошей одежды, и часто кусок хлеба с солью заменяет обед, и в то же время он безмерно богат! Он свободный человек, и ему принадлежит весь окружающий мир. Любовь к своей стране для него не отвлечённое понятие. Это любовь к чистым рекам и озерам, к земле, "ласковой, удобной для всех – для муравьев, для птиц и для мальчишек".

У него есть настоящие друзья – благородный Серёжа Наумов, талантливый шахматист Юзик Шухман, рассудительный Миша Якимов. У него есть Испания... И ещё него есть тайна: он сочиняет шпионский роман "Чёрный

камень". Об этом увлечении своего героя Логинов рассказывает с мягкой иронией: ведь он пишет о себе, о своём первом детском сочинении, "простецком, безыскусном". Но какая радость творчества охватывает юного автора! Он пишет в упоении, не замечая мчащихся дней, исписывая тетрадь за тетрадь. Вот он отдаёт свои "манускрипты" на суд однокласснику Юзику – признанному умнику, лучшему школьному шахматисту. И тот, серьёзно изучив сочинения Володи, подвергает их самой жестокой критике, заставляя своего друга испытывать настоящие страдания.

Эта ситуация хорошо знакома тому, кто хоть раз в жизни пробовал сочинять, а пробовали почти все. У каждого из нас был свой "Юзик". Мы просили у него "непредвзятой критики", а в тайне ждали морального поощрения. И, не получив его, страдали, злились, рвали рукописи... не сознавая, что наши жестокие переживания – тоже часть того счастливого, волшебного состояния души, которое называется Творчеством...

В юных героях романа Логинов нарисовал себя и друзей своего предвоенного детства. Вот лихой Абрек – Муса Тухватуллин, мечтающий сбежать в Испанию. Поначалу он предстаёт перед нами, как атаман шайки лесных хулиганов. Но он по-своему честен, и в нём живо чувство справедливости. Поняв, что ему не по пути с отщепенцами, вроде Косого и Пьявки, он принимает решение, требующее немалого мужества: распускает свой отряд и переходит на сторону "испанцев".

А вот маленький Венька Бесштаный, трусливый и битый всеми, кому не лень, изворотливый проныра, лживый, плаксивый... и всё-таки, вопреки всему – обаятельный! Венька – дитя улицы: свободно может напиться из лужи, съесть брошенное кем-то яблоко, искупаться под холодным дождем. Он самозабвенно рассказывает о кикиморе и вурдалаках, о волшебном цветке папоротника – легенды, услышанные от бабушки. Может быть, за это она так привязана к своему непутёвому внуку? Или просто жалеет его, не любимого никем? Но в свой звёздный час, когда приходит пора сделать окончательный, серьёзный выбор и определиться, с кем он, Венька не побоится ответить при всех: "С испанцами я, с испанцами!"

На стороне Серёжи Наумова и его друзей постепенно оказываются все ребята с Первой и Второй Партизанских улиц, даже самые преданные вассалы Косого. Логикой и убеждением Наумов помогает им понять простые истины, что мир лучше драк, а дружба лучше вражды. Но победа не бывает без жертв. Непомерно дорогую цену пришлось заплатить Се-

рёже. Бандиты зверски убивают его отца, старого будённовца, Василия Наумова, настоящего друга ребят...

В трудное время жили герои Логинова, и писатель ни в чём его не приукрашивает. Разыскивая преступника Иконникова, местные власти по ошибке арестовывают невинного человека, отца замечательной девочки Валерии, в которую влюблён Володя. Бесценные старинные книги, найденные ребятами, кажутся заведующей библиотекой политически вредными, и большая их часть приговаривается ею к сожжению...

Но с какой любовью описывает Логинов тех, кого за неимением более точного слова, мы называем "простыми" людьми! Как часто в современной публицистике льётся грязь на тридцатые годы, будто весь народ – сплошь доносчики и подлые трусы... Пусть почитают эти "правдолюбцы" эпизод романа, где школьники встречают поезд с детьми, вывезенными из сражающейся Испании. Сколько искреннего, неподдельного восторга, какое огромное желание помочь маленьким сиротам из далёкой, но ставшей такой близкой страны! А ведь многие из ребят, жаждущих помочь испанским детям, сами очень бедны, как, например, Володя Комаров, у которого даже не нашлось обуви, чтобы пойти на торжественную встречу. Если бы Серёжа не выручил, его не пустили бы на вокзал.

Заканчивается роман печально: Володя навсегда уезжает из посёлка. Расставаясь с друзьями, он расстаётся со своим детством, но светлый отблеск той чудесной поры будет освещать всю его дальнейшую жизнь.

Пройдёт всего три года, и начнётся Великая Отечественная война. На полях кровавых сражений останутся лучшие из героев этой невыдуманной истории. Погибнут будущий гроссмейстер Иосиф Шухман, великий дипломат Сергей Наумов, философ Михаил Якимов, полководец Муса Тухватуллин..., так и не став теми, кем могли бы стать...

Книга, которую я когда-то счастливо выиграла в лотерею, была зачитана до дыр мною, мужем, детьми, их одноклассниками, родственниками, друзьями, сослуживцами, и в конце концов... потерялась. Много лет спустя, когда меня уже приняли в семью Союза писателей России, беседуя с Виктором Николаевичем, я спросила, будут ли переиздавать его роман "Испания, Испания!..". Он безнадежно махнул рукой:

– Что вы, Людмила! Ни "Дороги товарищей", ни другие мои старые книжки никому не интересны. Мне бы новые рукописи издать...

Как же забилось моё сердце, когда в 2013 году, спустя год после кончины писателя, мне позвонила его жена, Лариса Андреевна, и сообщила, что в краснодарском издательстве "Традиция" в серии "Библиотека кубанского школьника" вышла книга Виктора Логинова "Испания, Испания!..".

Вот она, передо мной. Я осторожно листаю её страницы и вновь волнуюсь за отважных "испанцев" – Серёжу, Володю, Мишу, Юзика. Из их славного отряда в живых остался только Володя Комаров... Остальные погибли на войне, сражаясь за Родину, за маленький посёлок на берегу русской реки, за свой родной дом, где осталась мама... и за неведомую Испанию, страну мальчишеских грез. "Поставишь ли ты им когда-нибудь памятники? Испания, Испания!.." – этими словами заканчивается роман. Нет, Испания не поставила им памятники. Это сделал Виктор Логинов, обесмертив своих друзей в захватывающей романтической книге.

Помню, однажды Виктор Николаевич спросил, какое из его произведений мне особенно нравится. Надо сказать, что ещё при жизни писателя я прочла практически всё, вышедшее из-под его пера. И не только прочла, но и написала о нём и его произведениях столько статей, что из них можно было бы составить толстую книгу. Но в ту минуту я молчала в смущении, боясь попасть впросак. Логинова высоко ценили советские мастера слова, близким его другом был известный писатель-бунтарь Владимир Максимов, кинорежиссёр Иван Пырьев снял по его повести фильм "Наш общий друг", всесоюзный журнал "Огонёк" шесть раз присуждал ему премию за лучший рассказ года, а в литературных кругах его называли певцом Кубани... Кто я такая, чтобы вот так, сходу назвать выдающемуся писателю его лучшее творение?

Застигнутая врасплох, я уже собиралась привычно назвать самый известный его роман "Дороги товарищей", но что-то остановило меня. И с губ само сорвалось:

– "Испания, Испания!.."

Виктор Николаевич был удивлён:

– Вот как? А почему? Что особенного вы нашли в этой книге?

– Не могу объяснить... Потому что я её люблю!

ВЛАДИМИР ЮДИН

Тверь

Юдин Владимир Александрович родился на Кубани в станице Губской, в 1970 году окончил Армавирский государственный педагогический университет.

Доктор филологии, профессор, Заслуженный работник высшей школы, академик Петровской Академии наук и искусств, член Союза писателей России. Лауреат литературных премий.

"ГОЙ ТЫ, РУСЬ МОЯ РОДНАЯ!.."

Литературоведческий очерк

3 октября с.г. исполняется 125 лет со дня рождения (28 декабря – 95 лет со дня трагической гибели) гениального русского поэта-пророка, совести и гордости нашего Отечества – Сергея Александровича Есенина.

За последние годы в печати стали появляться хранившиеся в спецхранах под грифом "секретно" или "не выдавать" материалы о трагической гибели поэта и, естественно, это повысило интерес и обострило внимание к его судьбе и творческому наследию, к нераскрытым обстоятельствам его смерти.

Версии: официальная и логическая

Существуют две версии о смерти Есенина: первая – официальная, общеизвестная, утверждающая его самоубийство через повешение, и вторая – убийство с последующей имитацией самоповешения.

Версия о самоубийстве впервые была высказана в акте участкового милиционера Н. Горбова, составленном в гостинице "Англетер" в день гибели, а на следующий день в "Записи акта смерти", взятом В. Эрлихом (считавшимся другом Есенина) в ЗАГСе, и в акте судмедэксперта А. Гиляревского, констатировавшего наступление смерти от асфиксии при повешении.

В этот же день (29 декабря 1925 г.) в "Красной газете" было опубликовано сообщение об этом происшествии. Версия о самоубийстве Есенина была поддержана и распространена в массовых средствах информации статьями-некрологами Л. Троицкого, Н. Бухари-

на, А. Луначарского, Л. Сосновского. В дальнейшем эта версия поддерживалась деятелями пролеткульта (РАПП), в воспоминаниях и мемуарах различных авторов, а также в литературоведении и даже в академическом есениноведении.

Бухарин в "Злых заметках", опубликованных в "Правде" в январе 1927 года, ввёл в обиход ярлычное определение – "есенинщина" и призвал дать "залп" по ней.

Залп был дан незамедлительно по всем направлениям. Указом Сосновского, ведавшего издательскими делами, было запрещено издание всех произведений Есенина (вплоть до 50-х годов 20 века).

Был закрыт музей Есенина в Москве, созданный по инициативе его жены С.А. Толстой в 1926 году, а С.М. Эйзенштейн, С.В. Шток и Г. Янушкевич, положив в основу сценария вышеупомянутые "Злые заметки" Бухарина, начали создавать кинофильм под названием "Против есенинщины".

Наконец, в усилившейся антиесенинской пропаганде на Есенина было навешено столько оскорбительных ярлыков и разной злопыхательской клеветы, что её даже неудобно повторять. Для примера приведу цитату из статьи Б. Розенфельда в "Литературной энциклопедии", изданной в 1930 году: "Богема и принимавший всё более острые формы наследственный алкоголизм (!) привели Есенина к гибели. Под влиянием тяжёлых психических заболеваний он окончил жизнь самоубийством" (т. 4, с. 80).

Не исключено, что для укрепления официальной версии были репрессированы наиболее осведомлённые свидетели трагедии Есенина – милиционер Н. Горбов, судмедэксперт А.

Гиляревский, застрелилась на могиле Есенина Галина Бениславская, погибла Айседора Дункан, повешен или повесился Г. Устинов, исчез В. Назаров, управляющий гостиницей "Англетер", убита на квартире Зинаида Райх и расстрелян В. Мейерхольд, несостоявшийся постановщик есенинского произведения "Пугачёв", а в 1937 году расстреляны поэт и друг Есенина Н. Клюев и восемнадцатилетний сын Георгий.

...За последнее время среди литераторов и есениноведов, поддерживающих версию о самоубийстве, как это ни странно, тоже усиливается активность её пропаганды и стремление принизить значимость исследований и публикаций авторов, доказывающих убийство Есенина. Возглавлявшийся Ю. Прокушевым Есенинский комитет сделал безапелляционный вывод о том, что нет "каких-либо оснований для подтверждения версии об убийстве Есенина". В кратких информационных сообщениях В. Радзишевского в "Литературной газете" от 7 июля и С. Берестова в "Комсомольской правде" от 14 июля 1994 г. перечислены с тенденциозным акцентом "криминальные версии" о том, чем и как убивали поэта, и ни одного слова не сказано о тяжести и характере нанесённых травм, о том, когда они были нанесены – до или после наступления смерти. Авторы пишут: "Экспертиза посмертных фотографий и маски Есенина подтвердила, что повреждений в области лобной кости нет, и рукописный текст стихотворения "До свиданья, друг мой..." выполнен самим Есениным... живой кровью", которой "потребовалось две (!) капли"...

"Эти заключения не имеют научного, особенно медицинского обоснования, они извращают сущность фактов", – утверждает профессор, доктор медицинских наук, историк-литературовед, председатель Петербургского есенинского общества, председатель Петербургского отделения фонда российской культуры Ф.А. Морохов (г. Санкт-Петербург) (см. его кн. "Память учит и обязывает. Правда и ложь об убийстве поэта" – Ярославль, 1995, с. 9).

Творчеством Сергея Есенина Морохов увлёкся ещё в студенческие годы. А когда уже в конце 70-х – начале 80-х годов в печати были опубликованы засекреченные ранее документы, фотографии, проливающие свет на внезапную смерть поэта, Морохов всерьёз заинтересовался обстоятельствами загадочной гибели Есенина. Он собрал и перечитал всё, что имеет хоть малейшее отношение к теме: воспоминания и свидетельства современников, документы судебно-медицинской экспертизы, материалы следствия, побывал в бывшей гостинице "Англетер" – последнем пристанище поэта, познакомился с фотографиями, сделанными в

тот трагический день – 29 декабря 1925 года, с посмертной маской поэта.

Все собранные материалы Ф. Морохов проанализировал не с точки зрения историка-литературоведа, а как патофизиолог. Он пришёл к однозначному и твёрдому выводу: ЕСЕНИН БЫЛ УБИТ с последующей имитацией самоубийства. "Об этом свидетельствуют странгуляционная полоса (след от петли), проходящая не на шее, а под подбородком, впереди правой ушной раковины к левой; тяжёлые травмы (глубокая вмятина на лбу в области переносья, предположительно от удара рукояткой нагана, выбитый глаз, рана на тыльной стороне правого предплечья), которые на основе законов патофизиологии имеют прижизненное происхождение», – пишет исследователь.

В 1987 году, выступая с докладом на ежегодных Есенинских чтениях в Ленинграде, Фёдор Александрович обнародовал свою версию убийства Есенина. Изложение его доклада было опубликовано в газете "Труд". С того дня началась борьба Морохова с теми, кто придерживается "навязанной нам властями", как считал Фёдор Александрович, официальной версии о самоубийстве поэта. Он выступил с большими статьями в "толстых" литературно-публицистических журналах "Молодая гвардия" и "Русь", печатался во многих еженедельниках, массовых изданиях. К 130 его трудам по медицине, психологии за последние годы добавилось больше десятка публикаций по есениноведению.

Судебно-медицинский и патофизиологический анализ, обобщение всех установленных травм и ранений в плане их прижизненного или посмертного происхождения и тяжести позволяет утверждать, что "вдавленная борозда", глубиной 0,3 – 0,5 сантиметра, с угловым дном, не могла образоваться от давления цилиндрической трубой. Ожога ладони не отмечено. На 4 сантиметра выше борозды, на лобной кости отчётливо виден параллельно идущий валик, что можно считать отломанной костной пластиной, верхним её краем, а нижний, вдавленный край образует борозду. На маске и фотографиях хорошо видно повреждение переносья с ямкой под бровью в углу глазницы, что и трактуется некоторыми исследователями как входное отверстие от пули. Правильное объяснение этого факта лежит на совести судебно-медицинского эксперта.

На фотографиях, которые хранятся в Пушкинском Доме, хорошо видна горизонтальная рана на тыльной стороне правого предплечья с разошедшимися краями, почти до округлой формы, над глазницей большой синяк, отмеченный в акте Горбова. На посмертной маске отчётливо виден отёк век, распро-

странившийся на щеку. Все эти травмы могли возникнуть только на живом ещё теле Есенина. Подчеркнём их прижизненное происхождение (...). Объективный анализ приведённых данных позволяет сделать вывод о том, что Есенину был нанесён сильный удар в область переноса твёрдым прямоугольным предметом. Потом уже, после наступления смерти, коченеющее тело, с согнутой в правом локтевом суставе рукой и "захватом" кистью трубы отопления, было к этой трубе привязано верёвкой "за шею с правой стороны". Об этом можно судить по странгуляционной борозде, проходившей впереди правой ушной раковины, под подбородком к левой ушной раковине и теряющейся позади её где-то на голове, повернутой лицом к стене.

Если предположить невероятное, продолжает Ф.А. Морохов, что Есенин даже с такими тяжёлыми травмами сумел залезть под самый потолок, высотой не меньше 4 метров и самостоятельно привязать себя верёвкой к вертикальной трубе, приняв при этом описанное положение, то при наступающем умирании и общем расслаблении мышц (релаксации) тело его выскользнуло бы из полупетли, державшей его за подбородок, и упало бы на пол.

Поэт хотел жить

В автобиографии 1924 года Сергей Есенин написал о себе, о своём жизненном пути и творчестве: "Мне пока ещё рано подводить какие-либо итоги себе. Жизнь моя и моё творчество ещё впереди". О самоубийстве даже намёком не говорится ни в одном произведении поэта, в том числе и в предсмертных: "Чёрный человек" и "До свиданья, друг мой, до свиданья".

Более того, с критикующим "Двойником" – собеседником, сильным врагом – "Чёрным человеком" – он вступает в единоборство в борьбе за жизнь. Прочтём ещё раз окончание гениальной поэмы, которая полна метафор и философско-психологических обобщений, поэтических откровений и художественных образов:

*Чёрный человек!
Ты прескверный гость.
Эта слава давно
Про тебя разносится.
Я взбешён, разъярён,
И летит моя трость
Прямо к морде его
В переносицу...*

Поэт гениально создал персонифицированный идейно-художественный образ крити-

кующего собеседника "Двойника", при этом внутреннего, зеркального "Я", доброжелательного, объективного и внешнего, общественно-го "Двойника", недоброжелательного "чёрного человека", "негодяя", носителя зла, которого он ненавидит и активно борется с ним и бросает трость "к морде его в переносицу"...

Как известно, в литературоведении придаётся значение как факту, подтверждающему версию о самоубийстве поэта, предсмертному стихотворению:

*До свиданья, друг мой, до свиданья,
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.
До свиданья, друг мой,*

*без руки и слова,
Не грусти и не печаль бровей, –
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.*

Ф.А. Морохов не без оснований ставит под сомнение, что это стихотворение написано Есениным, да ещё его кровью...

В самом деле, во-первых, стиль стихотворения недостаточно типичен для есенинского таланта своей прямолинейностью и обеднёностью образов и, особенно, несоответствием творческого состояния, жизненных интересов и планов поэта. Во-вторых, о том, что оно написано самим Есениным, утверждали в своих воспоминаниях только Эрлих и Е. Устинова. Стихотворение это было опубликовано в газете на второй день после смерти Есенина. Там же было сказано, что оно адресовано Эрлиху. Но ведь Эрлих никогда другом Есенина не был! "Милым другом" поэт называл Н. Клюева.

В этом можно легко убедиться, перечитав их переписку. В-третьих, до настоящего времени окончательно не установлено, когда и как стихотворение попало в Пушкинский Дом и в редакцию газеты.

"Мне предоставилась возможность видеть это стихотворение при дневном и электрическом освещении, – пишет Фёдор Морохов. – И у меня возникли сомнения, отмеченные выше. Цвет букв похож на цвет фиолетовых чернил. Буквы сравнительно большей величины, чем обычный почерк поэта, толщина их достаточно ровная, без утолщений и неизбежных клякс, которые должны бы быть при написании свежей кровью, как известно, свёртывающейся (коагулирующей) в белковые сгустки. Написание 38 слов, имеющих 194 буквы и 14 знаков препинания между ними, без клякс от сгустков свежей крови трудно представить – это практически невозможно» (Морохов Ф.А. Память

учит и обязывает. Правда и ложь об убийстве поэта. – Указ. изд., с. 25).

...Трагичность судьбы Есенина, его неожиданная и преждевременная гибель в расцвете поэтического дарования и активной творческой и общественной деятельности не является только его личной трагедией, тесно связаны с трагичностью судьбы России и русского народа, прежде всего его духовной элиты.

В русской поэзии и литературе Есенин, как и Достоевский, неповторим и выходит за пределы установившегося понятия о гениальности. Есенина нельзя поставить в любой ряд деятелей культуры, он уникален в поэзии и трагической судьбе, как уникальны по-своему Пушкин, Лермонтов, Некрасов и Достоевский.

Провидческий гений Есенина проявился не только в поэтическом слове, но и в прозе, драматургии, публицистике. Он обрёл новую жгучую злободневность в наше вихревое, нелёгкое время. Поездив по Европе и Америке, Есенин, с присущей ему прямоотностью и открытостью, с тонкой художественной образностью и публицистической остротой выразил своё отношение к заграничье. В автобиографии он писал: "Мне нравится цивилизация. Но я очень не люблю Америку. Америка – это тот смрад, где пропадают не только искусство, но и вообще лучшие порывы человечества. Если сегодня держат курс на Америку, то я готов предпочесть наше серое небо и наш пейзаж... Это не то, что небоскрёбы, которые дали пока что только Рокфеллера и Маккормика, но зато это то самое, что растило у нас Толстого, Достоевского, Пушкина, Лермонтова и других".

Был ли Есенин алкоголиком?..

О Есенине ещё в двадцатые годы было распространено представление, что он пьяница, а по роману Мариенгофа даже алкоголик. К сожалению, этот ярлык поддерживают некоторые современные литературоведы. К примеру, в своей обширной статье в журнале "Литературный Азербайджан" (№ 11, 1990 г.) Г. Шипулина пытается доказать злоупотребление алкоголем в последние годы жизни и приводит в

качестве "свидетельства" цитаты из воспоминаний авторов, где-то и когда-то видевших поэта в состоянии опьянения.

Скажем и мы: да, Есенин выпивал и пьяным бывал, но это происходило, как правило, в компаниях почитателей и приятелей на различных встречах, особенно в заграничной поездке по Европе и Америке с А. Дункан, которая и сама была, чего греха таить, весьма пристрастна к алкоголю. Однако ни в одном медицинском документе, ни в одном воспоминании, исключая Мариенгофа, не отмечено ни одного признака, характеризующего наркотическое пристрастие Есенина к алкоголю. "Он не страдал алкогольной потребностью, так называемой физической зависимостью от алкоголя, у него не было, как у пьяниц, потребности в "рюмке опохмелья" и "многодневных запоев", присущих алкоголикам, – пишет Фёдор Морохов. – Наоборот, он понимал свою слабость в противодействии компаниям его поклонников и почитателей выпить за его счёт. (Указ. соч., с. 22).

Осуждая себя в последние годы, Есенин твёрдо решил расстаться с вредной слабостью. Так, в письме Г. Бениславской в 1924 году он писал: "Назло всем не буду пить, как раньше... Вообще хочу всех привести в недоумение. Уж очень мне не нравится, как все обо мне думают... Всё это было прощанием с молодостью. Теперь будет не так".

В Ленинград Есенин приехал с большим желанием жить по-новому, с большими творческими планами, с решением создать свой журнал. Отметим также, что за последние два года Есенин написал более 100 произведений, которые являются наиболее идейными и высокохудожественными. В стихотворении «Пушкину» он так выразил своё оптимистическое настроение:

*Но обречённый на гоненье,
Ещё я долго буду петь...
Чтоб и моё степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть...*

ОЛЬГА САФРОНОВА

Таганрог

Сафронова Ольга Игоревна родилась в г. Запорожье. В 1986 г. окончила Харьковский ордена Ленина авиационный институт им. Н.Е.Жуковского.

Поэт и переводчик. В 2013 г. принята в Международный Союз писателей и мастеров искусств. Является координатором международного проекта "Берега дружбы" и членом межрегионального литературного объединения "Степь". В 2016 г. награждена Почётным знаком Союза писателей Беларуси "За большой вклад в литературу" и Почётной грамотой Правления Союза писателей России.

С 2017 г. член в Союз писателей России с регистрацией в Краснодарской краевой писательской организации.

ОБ ОСЕНИ И О ЛЮБВИ

Этот роман...

Этот роман начинался
красиво и ярко...
Лето пылало от страсти:
букеты, подарки!
Юная Осень румянцем цвела...
Хорошела.
В рыжих её волосах
хризантема белела.

Плащ золотой... и серёг
полновесных рубины...
Самозабвенно шептала:
"Возьми..., мой любимый".
Ветреной ночью небрежно
одежды срывала...
Встреча – последняя.
Осень уже это знала.

Утром отправилось Лето
в далёкие дали.
Осени злую тоску
журавли прокричали...
Старец Зима уже высмотрел...,
ходит кругами.
Шубы сулит да меха
и манит пирогами.

Осень поблёлка,
изодраны в клочья наряды.
Голову клонит всё ниже,
скрывая досаду,
кутаясь зябко в белёсые
шали тумана.
Вот эпилог... Кто припомнит
начало романа?

За тайной дверцей (поэтический цикл)

А где-то в сердце,
за тайной дверцей
лежат слова.

Я их хранила,
не хоронила
не год, не два.

Они наивны,
но светят дивно
сквозь толщу лет.

За словом слово
достану снова
на белый свет.

1. Однажды...

"– Что ты затосковал?
– Она ушла..."
К. Симонов

Однажды куда-то
уходит любовь:
все окна погасли,
и двери закрыты,
так тихо и пусто внутри...

А раньше, бывало,
Любовь распевала,
взбивала постели,
и хлопали двери
распахнутой настезь души.

Полы намывала,
уют наводила,
и верила:
всё будет только прекрасно!
Но только напрасно.

Притихла.
По комнатам походила,
все вещи по полочкам разложила,
ушла незаметно.
И дверь не закрыла.
Теперь сквозняки
там гуляют уныло.
Такие дела...

2. Сорвусь?..

И я себя по жизни этой
всё больше чувствую планетой,
когда с орбиты – не сойти.
Ведут нас разные пути –
но я вокруг него вращаюсь.
Пытаюсь вырваться, уйти,
но почему-то возвращаюсь.
А жить, как раньше – не могу,
и не могу остановиться:
листаю книг и дней страницы
и вновь за истиной бегу.
Всё удлиняется орбита...
Всё больше одиноких дней...
Чего уж проще: шито-крыто...
Не удержаться мне на ней.
Растёт, растёт вулкан внутри.
Закрыв глаза, по счёту "три"!
Сорвусь однажды...
После, где-то
мелькну оранжевой кометой.
Захочешь – в небо посмотри.

3. В пустоте

Всё свершилось. Теперь – ничья.
Ликовать бы..., да как-то не хочется.
У кого-то – дом и семья,
у меня – моё одиночество.

Я, как будто, дала обет
ради жизни, которой нет.
Одиночества – не боюсь:
одинокому всё равно.

Погрущу, потом – посмеюсь:
лента жизни – немое кино.
Позади любовь и война,
впереди – молчание лет...

Одиночество... Как длинна
лента жизни, которой нет.
Время гонит дней череду,
незаметно срастаясь в год.

И не знаю, в каком году
это снова произойдёт:
Разорвёт тишину звонок.
Будет вскоре погашен свет.

Крест от рамы наискосок –
я опять не отвечаю: "Нет"
Промолчу, как обычно: "Да",
всё ведь в сущности ерунда.

Лента жизни... – немое кино...
Одинокому – всё равно.

4. На краешке

Как выглядит одиночество?
Невидимая тюрьма...
Видны из неё и люди,
и улицы, и дома,
гремят полуночные звуки:
шорохи, лай собак.
Я к этому непричастна...
Не друг я им и не враг.

Как выглядит одиночество?
Бессмысленные слова...
Короткие разговоры
гаснут, затлев едва,
чадят дымком раздражения...
Не радость в них и не злость,
Лишь холодок отчуждения –
давно наскучивший гость.

Как выглядит одиночество?
Невидимая стена...
Аквариум... Люди-рыбы...
Бесцельные времена.

Шагаю сквозь дни и месяцы,
доверясь календарю...
Нигде ничего не светится.
Не тлею и не горю.
Гори огнём, одиночество,
невидимая тюрьма!
Пусть пепел засыплет клочьями
улицы и дома!
Звоном стекла разбитого
выйти в другую жизнь?
Рядом окно раскрытое...
На краешке удержишься...

5. Подружке

По краю пропасти идём,
приплясывая,
все неприятности щелчком
отбрасывая,
ладонь для радости открыв
доверчиво...
Чего бояться нам?
Терять то – нечего!
Живём – не жалуясь.
Не надо жалости!
Вперёд! Без отдыха
и без усталости
по краю пропасти,
за тонким лучиком –
куда-то манит он,
чему-то учит он.
И снова радости
мы ждём доверчиво:
всё перемелется,
жизнь – переменчива.
Полоску тёмную
сменяет светлая...
Всё – только к лучшему
(коль хуже – некуда)!

6. Надежда

Так что это всё-таки было?
Какая-то странная сила
вскипала, переполняла,
я – будто на крыльях летала.
И знаки на небе чистом
полны были тайных смыслов.

Всё в прошлом, что было – сплыло.
Ушла, истаяла сила.
И катятся дни за днями
холодными валунами
без радости и печали.
Лишь небо дожди мочалят.

И что? Ничего не осталось?
Осталось. Самая малость.
Под пеплом и серой золой
горит уголёк живой –
надежда не угасает.

И сердце верит и знает:
однажды, среди жизни круга,
я встречу верного друга.
Чтобы всегда был рядом –
и делом, и телом, и взглядом.
Свершит оборот планета –
и снова случится это!

7. Старая сказка

*"Гроб разбился... Дева вдруг
ожила, глядит вокруг
удивлёнными глазами..."
А.С.Пушкин*

Разбился саркофаг...
Царевну разбудили.
В осколках хрустала,
среди столетней пыли
проснулась. Ждёт Его.
А – нету никого.

Царевичу пока –
далёкая дорога...
Ну, что же ты? Вставай,
Царевна-недотрога.
Не спрашивай: зачем?
Греби осколки в грудь!
Перемывай посуду
и пыль мети со стен!

Обычные дела
(не говори: морока).
Царевич твой спешит
из дальнего далёка,
усталый и голодный.
А здесь – тепло, уют.
Звездою путеводной
среди равнин холодных
мерцает огонёк.
Окно, в котором – ждут.

8. Доброе утро, любимый!

Доброе утро, любимый!
Где-то мелькают вокзалы –
поезд несёт тебя мимо
сквозь огоньки городов.

Долго любовь нас искала –
время к нам неумолимо.
Суетных дней паутина
хуже железных оков.

Но ни конца, ни начала
нет у любви негасимой.
Долго она нас искала,
и вот нашла..., и пришла.

Словно корабль у причала,
жду тебя дома, любимый.
Светит огонь негасимый
и не сгорает дотла.

* * *

Вечером в парке листья шуршат:
кажется, тысячи рыжих мышат
возятся..., делят до самой зари
сыра головки – шары-фонари.

Вечером в парке тени лежат,
очень похожие на медвежат.
Тихо свернулись клубком под сосной –
спят безмятежно порою ночной.

Вечером в парке гуляем с тобой,
соединённые странной судьбой.
Листья – для нас под ногами шуршат,
тени – для нас на аллеях лежат.

И на двоих нам досталась одна
может быть – осень, а может – весна.

* * *

Рукодельница Осень
вышивает узорные листья.
Листья вымыты чисто
бесконечным неспешным дождём.

Зонт – один на двоих.
Ткань асфальта темна и зерниста.
Смыта летняя пыль –
по коврам листотканым идём.

* * *

Как трудно о любви своей
сказать родному человеку.
Мы вместе входим в эту реку
уже так много-много дней...

Какое слово подобрать,
чтобы играло самоцветом
и неземным сверкало светом,
и вечности несло печать?

Но кто-то говорит опять:
"Я Вас люблю, к чему лукавить..." –
и ничего здесь не отнять,
и нечего сюда прибавить.

Признание (сонет)

Яснее ясного казалось бы давно:
любви напиток предназначен юным.
Юлить здесь нечего, надеяться – смешно:
борта помяты и пробиты трюмы.

Люблю – наперекор! Мне так дано.
Юпитер, что ты хмуришься угрюмо?
Ты вновь не прав. Судьбы веретено
ещё кружит, танцует самбу-румбу.

Безумство? Иль терпения обет?
Я не раздумываю и не выбираю.
Пока мы вместе – нас сильнее нет.

Ехидна-жизнь опять подводит к краю...
Там ночь... А мы с тобой – зажжём рассвет
янтарной нежностью... Суёт не замечая.

АЛЕКСЕЙ СМОЛЕНЦЕВ

Кировская область

Смоленцев Алексей Иванович родился в г. Йошкар-Ола. Окончил Московский институт стали и сплавов и Литературный институт им. А.М.Горького.

Член Союза писателей России (1997), кандидат филологических наук (2012). Лауреат премий Кировской области (2010, 2014), Всероссийского конкурса критики "Русское эхо" (Самара, 2012), Международной премии "Имперская культура" (Москва, 2015), "Российский писатель" (Москва, 2015, 2019).

ОДНАЖДЫ В... КРАСНОДАРЕ**Екатеринодар. Воскресение**

Память тела сохранила след,
сами раны, но не боль ударов.
Теплый ветер Екатеринодара
обнял и сказал, что смерти нет.

И в глаза тот час ударил Свет –
я смотрел, и я не мог смотреть –
синева высокого накала
с неба шла и мощно прибывала,
избывала из пространства смерть.

Посредине Аппиева торгога,
на ладони мира, на юру
Пушкин глянул озорно и строго –
видишь, правда, – Весь я не умру...

И стояли мы средь трёх гостилиц –
арт-объект, забава, атрибут –
и высокий – в небе – флаг России
был живым и хлопал на ветру.

Кубанская Пасха

26 (13) сентября Воскресение Словоущее – престольный праздник Свято-Екатериносинского кафедрального собора – один из приделов нашего Собора освящен в честь этого торжества ... это не само Светлое Воскресение и не воскресный день, но особый праздник, который случается хотя и не в воскресный день, но именуется Воскресением, по-

тому что принадлежит храму Воскресения Христова.

В этот день богослужение совершается по Пасхальному чину, а священники одевают одежды красного пасхального цвета.

Завершая праздничное богослужение 26 сентября 2009 года, Митрополит Екатеринодарский и Кубанский Исидор в своем обращении произнёс: "Поздравляю всех вас с днём рождения города Екатеринодара!"

(Сайт Свято-Екатерининского Кафедрального Собора)

Быт... суета, маета...
Да, только, вдруг, словно, – сказка! –
Пред Воздвиженьем Креста
льётся Кубанская Пасха!

Екатерины Придел,
Свет Воскресенья Христова
снова до нас долетел,
снова – "Во Истину!", снова.

Славят кубанцы Христа!
Батюшки в пламенных ризах...
Красная Пасха – Красна,
Кровь Евхаристией Вызнав.

Солнца всклубившийся дым
днесь под копытами дрогнет, –
с Неба казачии сотни
строй дополняют земным.

Войска Кубанского стать –
дышит казачья лава,
и Воскресенье Христа
всею Кубанию славит!

К Екатерине святой,
Матушке нашей насущной,
любо склониться главой
о Воскресенье Словушем.

Осень... а, сердцу – красна,
нового Лета затея:
благоговеет Весна,
веет от ЛАбы до Еи.

Красная в новой красе,
радость Любви непочата –
вновь, заневестились все
екатеринодарчанки!

Цвет абрикоса

Девочка... как новой ранью рана,
абрикосом розовым ночей.
В Чистяковской зацвели каштаны,
сосны сонмы вознесли свечей.

Выводить тебя из-под удара
выше сил и ниже всех корней.
Встану поперёк Екатеринодара.
Подходи, сдавайся и владей...

Девочка моя... И в глазках ясность,
и в страстях всё ясно наперёд.
И однажды ты уйдёшь по Красной,
я по Офицерской. В переход...

Несрочной красоты

Октября пронзительный подарок.
Ветеркам с листвою играть не лень.
Золотом Екатеринодара
воскресает каждый Божий день.

Синева и облачком не ропщет.
В чистом небе не найти изъян.
Лишь коснулся Чистяковской роши
первый в Новолетии туман.

Грабник тих и дуб в раздумьях долог.
Резвый всполох беличьей игры
и с акаций сыплет, словно, с ёлок
празднично-зелёные шары.

Дней высоких царские палаты,
в золоте несрочной красоты,
Сторожат, недвижны и мордаты, –
сфинксы – краснодарские коты.

Краснодарская королева

Я давным-давно забыл про ревность.
Сдал стихи туда же, – где грехи.
Только Краснодарской королевы
моё сердце тронули шаги.

Вот уж смех!, чего б, казалось, проще –
шаг за шагом, а вгоняет в дрожь.
Хитрый дятел в Чистяковской роще
чуть искусней выбивает дробь.

Холодна, строга, слегка надменна,
чуть капризна – сам узор не нов.
Снежная, такая, Королева,
из Страны, не знающей снегов.

Королевства королев – повадки,
прикорнул, расслабился, и – "вжик",
ты уже в когтистой цепкой лапке,
и, как будто, мышь, а не мужик.

Плечики взлетят и развернутся,
дышит грудь – стеснённых чувств волна,
и глазищи, – круглые, как блюдца, –
это, если сердится она.

Не сказал бы, что души не чаю –
кто она мне? Паче, – кто я ей?
Но всем сердцем недоумеваю,
словно, из изящной чашки – чаю,
не хлебнул я в жизни, – ледяней.

Завсегдатай церемоний чайных,
наблюдай на склоне лет, поэт,
как пронзён закатными лучами
белоснежный безнадёжный цвет,

той Страны, где бурь буранней вёсны,
вьюгой вишен рвут с души милоть,
накануне радости несносной
и
любви...,
не приведи, Господь.

В Пасхальном цвете

По серебру пульсирует висок.
И ветер свеж и чист в небесном поле.
Попробуем пожить ещё разок,
коль Божья воля?

Жизнь это труд. А стоит ли труда?
Голгофа, Крест, вновь, наяву и внове?
Но Истина, открывшаяся в Слове,
тебя освободила навсегда.

И смерти – нет. И в Пасхе всех стихий
бушует Жизнь, и цвет Её, – подсказка.
Начаться снова, с Красной ли строки,
а в Краснодаре – улицую Красной!

На Троицу

Голгофа пустынна. И Крест
запекшейся Кровью не яркок.
И Ветер, сошедший с Небес,
бушует в садах Краснодара.

Так коршун сужает круги.
Орлы соберутся, где надо.
И первые терпит шаги
Евангелие Правды.

А Ветер шатает сады.
Вершит и беду, и браваду,
воскресшей природы труды
и ревность, и радость.

И как бы нас здесь "не лечили",
но, Дух изойдёт от Отца,
сойдут языки и починут,
хмель творчества вскружит сердца.

Липы цвет

Липы цвет приводит душу в чувство.
Каждой лептой лепится любовь.
Золотые крошечные люстры
чуть горчат над самой головой.

И зайдётся сердце от настоя –
дней, спечённых в яростных лучах.
Этот запах! – медленного зноя,
женского горячего плеча...

* * *

Ночь. Фонарь. И – библиотека.
В порфире – звёзды, в липах – мёд.
О, Господи, хоть четверть века
ещё, продли круговорот

вещей и дел. И пусть прореха
неБытия... пусть – подождет.
Ночь. Фонари. Библиотека.
Осмысленный и ясный свет.

Библиотечно-краевой романс

*Девочкам – не зависимо от возраста – девочкам...
– сотрудницам библиотек Кубани и России*

Северá надоели и вьюги...
Чтоб от холода сердцу не ныть,
стал я жить и работать на Юге
необъятной Российской страны.

Я баранку крутил без печали.
Поздней ночью и в раннюю рань,
как родного меня привечали
Дон-братишка, сестрица-Кубань.

В степь ложился, вздымался горами, –
к скатам ластился, льнул – обнимай,
меж Азовским и Чёрным морями
Краснодарский несбыточный рай.

Руль – в руках, да и сам – не робею,
что беречь эти дни про запас.
И летел я от Лабы до Еи,
и до Сочи от Порта Кавказ.

Ну, а если тоска свои лапы
вдруг тянула, снимали напруг
теруарные вина Анапы,
или новокубанский коньяк.

Так и шёл я на круг без аварий,
шёл по трассе – не вверх, не ко дну,
но однажды в самом Краснодаре
увидал я девчонку одну.

Дальним светом ударила в сердце,
принял вправо... а жизнь не мила,
лишь запомнил, что на Офицерской,
есть там библиотека одна.

В этой прелести – горше отравы, –
стал искать я её днём с огнём,
то ли библиотека Вараввы,
то ли звали Варвара её.

Отыскал – и с привычной бравадой:
книжки – врут!, и – не выдашь их все,
дай, умчу я тебя, моя радость,
по Ростовскому, скажем, шоссе.

А она говорит: – Надоело
ухажёров такое нытьё!
Это Библиотечное дело,
это дело всей жизни. – Моё!

Капитал человеческий ценен,
тем, чем лучшие блещут умы –
молодёжь привлекаю я к чтению,
и иной не желаю судьбы!

Сам тогда я легко, как запаску,
перебросил своё житиё –
стал водителем первого класса
в этой библиотеке её.

Здесь узнал я стахановский почерк,
за любовь, не за денежный хруст.
Как за Библиотечною Ночью, –
ночь – Музеев, Кино и Искусств;

как за конкурсом конкурс лелеет
Евразийского действия финал.
Я буктрейлеры вместе с ней делал,
Лихоносовский фанфик писал.

Но зато и от края до края,
доверяя рукам и рулю,
по всему Краснодарскому краю
прокатил я отраду мою.

И очей её свет..., и ресницы
вновь распахнуты мне – каждый раз,
как с цветами встречаются в станицах
молодые читатели нас...

Ветер и пламя

*Ты женщина, а это ветер вольности,
рассеянный в печали и любви.
Одной рукой он гладил твои волосы,
другой – топил на море корабли.
(Ю. Кузнецов)*

Краснодар расшатала ветра.
Разошлись в октябре без предела.
Эта женщина, даже, не смело, –
просто – рядышком с ветром сидела,
и на равных себя берегла.

Говорила: пути у нас – нет.
Не такой я ей нужен, – не пара.
А сама (!) пламенела как цвет –
нежно-розовый девичий свет –
на октябрьском ветру Краснодара.

Все она разобрала дела,
разложила – за камушком камень...
но... не знала, что с Ветром всегда,
только ярче становится Пламень...

Барышня

Глаз твоих зелёно-серых просинь.
В хмарь – ноябрь. И Краснодар – в туман.
Я – твоя удавшаяся Осень,
твой (в кавычках) "тихий" океан.

Ты – моё вернувшееся время –
флейты лёт над серенадой дней, –
девушкой с улицы Тургенева,
барышней, смоленцевской, моей...

Прощанье с раем

Любовь и Смерть не ведают Закона.
Им – Благодать; – Вся от Твоих Твоё.
И девочка живёт недоумённо
меж грозных чувств,
взвихривших Бытиё.

Сил не щадя она стоит у края,
границу чертит, вопреки судьбе...
Ты женщиной становишься. Я знаю,
как невозможно всё это тебе,

как ты растёшь, над жизнью оголтелой,
над светом/тенью Чистяковских рощ,
как ждёшь меня..., предвосхищает тело
предвечную, – прощанья с раем – дрожь.

Август

И пошлём и пожнём, стало быть,
тем и преобразимся, быть может...
это ладан душистый горчит,
горячит и тревожит.

Просыпается стылая кровь,
распрямляются снулые плечи, –
осыпает лаванда любовь
и лепечет, и лечит...

Сливы сизый налив в Роговской –
это мякоть и плоть..., это тело...
Магдалина, высокой тоской,
сердцевину задела.

Абрикосовый, в цвете, закат –
небо нежно земле плодоносит.
Таёт мёд. Размовляется сад.
Разговляется Спасами Осень.

Дым печей суховат, горьковат.
К ночи холод и колокол – в звёзды.
И очей твоих серый пригляд
наступает во мне светоносно.

ОЛЕГ СЕЛЕДЦОВ

Краснодар

Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Родился в г. Бодайбо Иркутской области. Окончил филологический факультет Адыгейского Государственного педагогического института. С 2017 года является главным редактором Краснодарской краевой специальной библиотеки для слепых имени А.П. Чехова. Заслуженный работник культуры Республики Адыгея. В 2005 году еженедельником "Литературная Россия" включён в число 50 ведущих писателей Юга России, в список лучших русских писателей XXI века на сайте "Российский писатель"

ПРОЩАНИЕ С ЛЕТОМ**Августовская пьеса**

На окошке компании "Лето"
поржавели слегка занавески.
Третью ночь я не сплю до рассвета,
я пишу эсэмэски.

Звёздам, скрывшимся в утреннем шторме,
бело-бурые снятся медведи.
В дымку горы оделись по форме.
Где же ты, моя Леди?

Я пишу сумасшедшую пьесу.
О любви и о верности что ли?
Упросить бы мне ночь-баронессу,
чтобы выучить роли.

Сны и грёзы о чём-то чудесном
разлеглись в рыжелистой печали.
А смартфон на затёртую пьесу
отвечает молчаньем.

Три уже на часах. Утро близко.
Ты, конечно же, спишь, моя Нежность.
Я дождями приправлю записки
и дыханием снежным.

Вышел месяц из тайного грота.
И на узкой тропинке на Млечной
потеряю я, кажется, что-то,
может, целую вечность?

Три часа. Спят Нева, Дон и Сена.
Спит на кухне варенье из вишни.
Я во сне репетирую сцену.
Я люблю тебя. Слышишь?

Прощание с Летом

Плачут листья дождями Августа.
Глаз коричневый шурит Сентябрь.
Лето, милое, стой! Пожалуйста!
В доках времени твой корабль.

Да, обманщик я, что поделаешь,
но и ты обмануло меня –
так дразнилось ты, но успел я лишь
чуть хлебнуть твоего огня.

И сигналил пиратским парусом
Мне Октябрь из мятежных морей.
И далёкие звёзды Августа
догорают в душе моей.

Пасьянс

Ах, жизнь моя, честное слово,
мне ласки твои не впрок.
Я просто Валет Бубновый,
у меня голова вместо ног.

Но я не несчастный самый,
пусть кровью плюёт молва.
Дружу я с пиковой Дамой,
у неё вместо ног голова.

И вкус у надежды горький.
В нём зло, клевета и боль.
А в мире – одни "шестёрки"
и ногогольбый Король.

Другу детства

Разбужен я давно забытой песней.
Лежу, грущу не знаю отчего.
Ты пел её. Затейник и кудесник
из детства моего.

Ты строил пароходы из газеты,
а из журналов делал самолёт.
Ты превращал, играя, осень в лето
и будни в Новый Год.

Ты двор наш заражал чудесным смехом,
в субботу прятал пятничных ворон.
Твой смех бежал по крышам горным эхом,
как колокольный звон.

Бумажный самолётик реет гордо.
Гудит в гудок бумажный капитан...
А нынче ты ушёл в соседний город
расклеивать туман.

Романтическое Кисловодское

Вот город – светлый, беспечальный,
весь в златосолнечных лучах.
Вот девочка. Она ночами
грустит об алых парусах.

Ей снятся принцы и кораллы,
и ничего, что это сон.
А рядом мальчик есть кудрявый,
и он давно в неё влюблён.

В мерцанье звёзд, дорогой Млечной
плывут её шестнадцать лет.
И время отступает в вечность,
и горы древние, как свет

Застыли в призрачных фигурах.
И мальчик дарит ей кольцо,
где паутинки терренкуров,
и пальцы пахнут чабрецом.

Августовские страхи

Из-за плетня грозит Сентябрь.
День стал мудрее, но короче.
Наш Август по привычке храбр.
Любвеобилен, между прочим.

Комета обросла косой.
А месяц стал на месяц старше.
И гром, рассыпавшись росой,
девчонке ветреной не страшен.

Мальчишку не пугает ложь.
И жук не страшен карапузу.
Всё хорошо. Но страшен нож,
который грезится арбузу.

Августовская ночь

Аптека. Луна. У опухшей ночи
под глазом фонарь метеоровый светится.
Комета фальшивую ноту кричит –
ей уши топтала Большая Медведица.

Сухое, всё в трещинах, горло Земли
забыло журчание струй Водолеевых.
У Рака – боли. У Луны – не боли!
И ветреной корью с ветрами бодем мы.

Ждёт Утро, чтоб "нет" заменили на "да".
Ночь спелой зарницей по пастбищам зыркает.
Но вырванным зубом сорвалась звезда.
И скалится небо беззубою дыркою.

Сентябрь 2020

Мы сыты природы грантами.
Рассветов шальных, бриллиантовых
нам мало уже. И вот,
явился покрытый тиною
болезненно-карантинною
такой неуютный Год.

Вот ветер порывом бесится.
А Год на девятом месяце
в потугах Сентябрь родил.
Гремит погремущкой звонкою,
и лиственной распашонкою
он сына от бед укрыл.

Я окна лечил замазкою,
как антиковидной маскою.
Я впрыснул вакцину в сон.
Чтоб Осенью в сердце раненым
в рассветную стылость раннюю
умчаться пугать ворон.

Моё сердце

Я свидетель времён, я плыву по дороге.
Вот в крови мои губы и ноги в пыли.
Пусть кому-то кажусь я смешным и убогим,
у меня вместо сердца – Храм на Нерли.

У меня вместо лёгких – Долина нарзанов,
вместо крови по венам течёт Ангара.
У меня по лицу – Бородинские шрамы.
А глаза укрываются в Покрова.

Я свидетель времён, я плыву по дороге.
Вот в крови мои губы и ноги в пыли.
Пусть кому-то кажусь я смешным и убогим,
у меня вместо сердца – Храм на Нерли.

У меня вместо лёгких – Долина нарзанов,
вместо крови по венам течёт Ангара.
У меня по лицу – Бородинские шрамы.
А глаза укрываются в Покрова.

Где мне лечь при российской дороге,
кто знает?
Что там Сирин пророчит, что ждёт нас в дали?
Чернью кружит над вечностью воронов стая.
У меня вместо сердца – Храм на Нерли.

Путевые размышления (в общественном транспорте)

В автобусе орёт ребёнок.
Нет-нет, не плачет, а орёт.
Он тельцем худ и шеей тонок.
От крика в вечность скошен рот.

Его терзают повсеместно?
Вся жизнь его недетский страх?

Мальчонке, видите ли, тесно
Сидеть у мамы на ногах.
Не слышит уговоров мамы,
Кричит всё громче, всё сильнее.
Ведь знает он слова рекламы:
«На свете нет главней детей».

Остановите, Бога ради,
В безвременье летящий крик...
А где-то в зимнем Ленинграде
Сидит у проруби старик.

Нет, не старик. Нет-нет, напротив,
Таких же лет, как наш малец.
Но жизнь кружит его во фронте
Блокадных огненных колец.

Роль нелегка в военной драме,
Но путь судьбы он знает свой:
Не место на коленях мамы,
А принести воды домой.

И не кричит он и не плачет.
Он победит в войне своей
Смертям назло. А это значит –
Его на свете нет главней!

В автобусе орёт ребёнок...

ЛЮДМИЛА МУРАШОВА

Краснодар

* * *

Не согрелась, но солнце видела,
не взлетела, но небо трогала,
где-то между виском и выстрелом
твоя пуля летит жестокая.

Если ногу поднял – иди уже,
если руки протянуты – обними,
сколько можно на остром рубеже
самому стоять и меня томить?

Капля вниз сорвалась и падает,
вниз сорвалось, поспело яблоко,
Так причём теперь "да", причём здесь "нет"?
Не от воли моей в небе радуга.

Капля падает и ладони ждёт,
ждёт твоей благородной воли,
Но ты видно опять позвал в излёт,
чтобы об пол разбить недолей?

БАУЫРЖАН МАНАСОВ

Краснодар

Утрата

Время нас не щадит, но лечит,
и с утратой жить – тяжкий труд.
Ты поплачь, тебе станет легче,
я тебя обогрею, друг.

В час прощания нету солнца,
шапки сняты, и мы молчим.
Твоя мама сюда вернётся
замечательным днём одним.

Ты поймёшь это по мгновениям,
просто в дождь протяни ладонь
и почувствуй прикосновение –
так бывает лишь с ней одной.

Не грусти! Она так любила
детский смех и тепла уют
и простилась, и всех простила.
Как могу, соболезнаю.

Пепел и шлак

Всё, что я написал
для узкого круга –
пусть там и останется,
близким понравится,
они не осудят...

Рифмы как чудеса,
или причуды:
сплетение каждое
чернильно-бумажное –
наброски для судеб.

Так пытаюсь сберечь
для памяти вечное,
но всем нужны зрелища,
и, значит, мне следующий
придумывать шаг;

...некоторым разжечь
в печи больше нечего,
и критик нечаянный
разложит все чайныя
на пепел и шлак.

Королева класса

Память, как иголка на винилах,
скрипнув, разглашает тайны лет:
жизнь одна, и я забыть не в силах
запах твой и глаз любимых цвет.

Омут тот янтарно-карамельный
многим мачо насылал врагов,
а ровесникам – твои портфели,
драки тоже были, будь здоров!

Образ твой я выдумал немножко,
ведь украдкой так, издавелека –
видел обольстительные ножи
на крыльце запретного ДК.

И не только клубы под запретом,
мне не больно – прикусив губу,
разбавляю кровь со вкусом лета,
ведь на двадцать лет у нас табу.

Нас разняли школы, институты,
браки, быт, разводы, суета...
Этой жизни не было как будто,
впрочем, как и новой – никогда.

Нет, ну будет всё: и те, и эти!
В смысле – у тебя и у меня,
только по отдельности. И дети.
Двадцать лет у жизни не отнять...

Знаешь, я всё там же, у порога
школьного. Ловлю твой взгляд:
тот прищур красивой недотроги,
там я счастлив. Не хочу назад!

В этот мир, где мы чужие люди,
и, набравшись смелости, поверь:
мальчик тот всегда с тобою будет,
для тебя открыта эта дверь...

ПОРА ВАЖИНСКАЯ

Краснодар

Звёздные ливни

Марине Цветаевой

Цветаевский томик открыт наугад,
янтарится липовый мёд,
читаю про августы и виноград,
а ночь ливни звёздные льёт...

Уносит в ту осень, в рябиновый жар,
где листья обглоданы ржой,
где звон колокольный неистово яр,
как весть о судьбе роковой.

Солёной волною искрятся слова –
мятежный бурлящий мотив,
но щерится бездны смертельный провал,
хоть слог и беспечно ретив...

Мой чай остывает и липовый мёд –
с горчинкой, рябине под стать.
А сердце под рёбрами мечется, жмёт –
не в силах её разгадать...

Чайное...

То ли время течёт, то ли я сквозь него,
кувыркаюсь чайинкой в заварке,
то уйду в глубину, то коснусь берегов
вслед за ложкой проворной кухарки.
Иногда чай с медком, иногда с молоком,
чаще просто с водою речною,
забурлит кипятком и завьётся волчком,
не поймёшь, чем заварен порою.
Насыщаю страстями, заполнив собой
всё пространство и время для жизни,
и стараюсь послаще готовить настой,
но грехи мои горечью брызжут.

Не дано выбрать время, в котором мне жить,
только плыть – по течению, против,
и грести без задержек вперёд во всю прыть,
не щадя ни души и ни плоти.
Времена, что прошли или только грядут,
Ни на йоту не проще, не плоше,
без меня путь, что чай без чаинок – не крут,
лишь водица, налитая в ковшик...

50 оттенков облака

Кучерявится август, вплетая
цветам разноцветные ленты,
наполняет духмянистым
соком плоды по садам,
изменяет палитру аллей,
выдавая на бронзу патенты,
будоражит ветрами, морщинит
поверхность прудам.

Август звёзды созревшие спешно
роняет в прозрачные ночи,
подставляйте ладони, ловите
хмельную мечту,
расправляйте крыла и летите за счастьем –
момент краткосрочен,
скоро лету пора пересечь горизонт черту.

Птичий гай заглушает обычно
ленивые летние звуки,
перекличку по долам и весям
устроил жокак...
Переезд..., перелёт... для людей
и для птиц – это повод к разлуке,
и пока не вращёшь, будешь
в новом краю ты чужак...

Уплывают, торопятся в даль, в неизвестность –
топорщатся пухом –
в пятьдесят белоснежных оттенков
не туч – облаков.
Громяхают раскаты, пока далеко,
еле слышно и глухо,
но дожди на подходе,
от них не навесишь замков...

Пора каштанов...

Пора настала жареных каштанов,
лохматых хризантем и георгин,
платанов в ярко-охровых кафтанах
и сеток паутиновых гардин.
Ещё трава сияет изумрудом,
рассвет не холодит – слегка бодрит,
мелькают черногрудки по запрудам,
но осень увеличивает титр...
Её всё больше и замес всё круче,
мрачнее тучи, палевей кусты,
хандра – извечный осени попутчик,
затягивает плотно хомуты.

Но не страшат меня её капканы,
в хандре я хоронюсь от суеты,
лелею, перевязываю раны,
итожу дни и навожу мосты
в грядущий год.
Наматываю кольца
на ось моей нечаянной судьбы,
и как моллюск наращиваю кальций
на панцирь от хулы и похвальбы...

АННА ЖАВОРОНКОВАст. Тбилисская

Светлая ночь

На небе покрывало ярких звёзд
сияет неизведанною тайной,
и месяцем изогнутым вопрос –
заглядывает в окна не случайно.

Бессонные часы ночной поры –
окутаны волшебным вдохновеньем.
Открытости, душевности порыв
сплетается с вселенским откровеньем.

Сливаясь с мирозданием в тиши,
ответы получу, найдя истоки.
И тайны неразгаданной души
стремятся лечь в распахнутые строки.

Ночь выпита из звёздного ковша,
по Млечному пути иду к рассвету...
А месяц, удаляясь не спеша,
растаял незаметно в дымке света...

Карантин

Никто не пришёл на прогулку,
скамейка осталась пуста –
ведь звук репродуктора гулко
свои разверзает уста.

Надрывно кричит и тревожит
запретами нового дня.
Пусть громкое слово поможет
сберечь и тебя, и меня.

Мой дом, моя сильная крепость –
очерчена окнами рам.
Но слухи стреляют, не целясь,
и всюду несут "гарарам".

Равны все пред вирусом страшным –
богач середняк и бедняк.
Врачи встали в бой рукопашный,
чтоб пыл его грозный иссяк.

А нам запастись бы терпеньем,
закрывши себя на замок,
подумать о жизни с почтеньем
и вынести важный урок.

Сегодня мы все в заточенье,
наказаны Богом-отцом –
прозреть, осознать прегрешенья!
И как сохранить каждый дом?

Как вылечить душу от злобы,
от жадности сердце сберечь,
вернуть нашей жизни основы,
любовью всех новой зажечь?

Как жизнь сохранить нашим детям,
оставив в наследство добро?
Как мир утвердить на планете
чтоб время нас в счастье вело?

ГАЛИНА УФИМЦЕВАГорячий Ключ

Обними меня

Я не верю уже во многое.
Но как только сгустится вечер,
не могу, не хочу быть строгою –
обними меня, только крепче.

Удержи на краю неверия
крепких рук добротой и силой.
Сколько времени мне отмерено –
Бог рассудит. За всё спасибо.

Горстью полною, понемножку ли
будет литься в ладони счастье?..
Повстречаемся с чёрной кошкою
или с особью светлой масти?

Жизнь раскроется ярким веером.
Вдруг покажется: время лечит.
Я оттаю. Смирюсь. Уверую.
Обними меня... только крепче...

Весна, весна...

Сквозь облака, как сквозь бойницы,
лучи весенние разят
и, заставляя сердце биться,
ожогом солнечным грозят.
И тут уже не отвертеться.
Ну что поделаешь: весна
клеймит лучом горячим сердце
и яркий цвет дарует снам.
Весной всегда такое снится!..
Да хоть и вовсе не ложись!..
Сквозь поднебесные бойницы
к нам снова так и рвётся жизнь!

НИКОЛАЙ КСЕНДЗ

Кореновск

Надежда теплится

Вышло так оно само,
написать решил письмо
я в края родимые.
Ведь назло крутым годам
верен тем святым местам
всей душой ранимою.

Я с мечтой одной живу,
чтоб услышать наяву
голосок твой ласковый.
Одолела грусть-тоска,
мне б воды из родника,
да цветочек маковый.

Услыхать бы мне слова,
чтоб кружилась голова,
но мечта напрасная.
Отгуляли мы с тобой
там, где мята под вербой
да калина красная.

Стоит вспомнить мне, и вдруг
перехватывает дух,
как зимой в метелицу.
Много лет я жду ответ,
но напрасно, писем нет...
А надежда теплится.

Не отпускают

Май был будто вчера, золотая пора,
там закаты пурпурного цвета,
где журчанье ручья, да напев соловья
не давали уснуть до рассвета.

Нынче осени день, леса редкая сень,
над землёю плывёт паутина.
Я стою в тишине, словно в сказочном сне,
убаюкала эта картина.

Льётся солнечный свет,
как прощальный привет,
в синем небе горластая стая.
То кричат журавли, от родимой земли
в неизвестную даль улетаю.

Над землёй высоко грациозно, легко
устремляются к тёплому югу.
Ждёт их та сторона, где сегодня весна,
где не злобствует зимняя выюга.

Ждёт зелёный мысок,
где прибрежный песок
моет тёплое, синее море.
Там звенят родники, нет печали, тоски,
в стороне той неведомо горе.

Не помеха года, может, тоже туда
улететь, убегая от грусти?
Только трель соловья да журчанье ручья
от себя никогда не отпустят.

Подари

Подари мне закат
в ярких красках, размером в полнеба,
что порадовав взор,
будет гаснуть за дальней горой.
Позови в те края,
где пока, к сожалению, не был,
подари острова,
те, что снятся ночью порой.

Позови за собой
в час ночной – он поистине райский.
Подари мне напев
тот, который навеяли сны.
и, конечно, звезду,
ту, что смотрит на нас ночью майской
и, купаясь в пруду,
улыбается из глубины.

Подари мне рассвет,
что проснувшись за синей рекою,
принесёт нам тепло,
да и веру, что жизнь без конца.
Посылая привет
и своею волшебной рукою
указав верный путь,
будет радовать наши сердца.

Ты меня позови,
даже если поёт злая выюга,
если саваном белым
дорогу укроют снега,
я, конечно, приду,
потому, что нельзя друг без друга,
мы с тобой неразлучны,
как синей реки берега.

Манит ночь

Манит меня ночь своей игрою,
только жить обманом не хочу.
Из того, что вижу я порою,
многое уже не по плечу.

Ночь способна отодвинуть грани.
Слышал я в тревожном полусне –
по весне, в предутреннем тумане,
кто-то постучал в окошко мне.

Как прекрасно это время года –
вишенка стоит белым-бела.
Видно, моя юность мимоходом
в гости в эту ночь ко мне зашла.

Я скорей спешу открыть окошко –
вот она, как ясный свет зари.
Погоди, побудь со мной немножко
и о чём-нибудь поговори.

Но стою, как будто бы в дурмане,
остаётся мне смотреть с тоской,
как она растаяла в тумане,
на прощанье мне махнув рукой.

Лишь остался след в пыли дорожной.
Мысли, словно пули у виска –
мне за ней угнаться невозможно,
разве что глядеть издалека.

Не конфетка

Давай браток по первой, будь здоров!
Что на закуску, просто сигаретка?
Ну ладно, обойдёмся без жиров,
да жизнь, она ведь тоже не конфетка.

Примеров много, ну, возьмём, моя.
Летели дни в стремлениях, заботах.
И всё как у людей – друзья, семья,
был к жизни интерес, была работа.

Я сад растил, я возводил свой дом,
трудился и здоровье рвал без меры.
Но оказалось, этот весь содом
и все мои стремления – химера.

С ранимою душой я добрым рос.
Порой грустил, коль плакала жалейка,
но жизнь мне жёстко ставила вопрос.
Ну что, браток, ты по второй налей-ка.

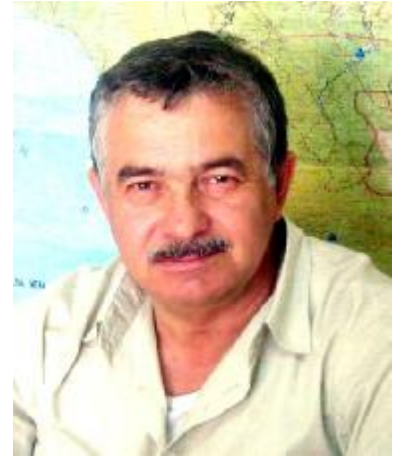
И изменила вдруг судьбу мою,
всё стало прахом, во что верил слепо.
Я дом родной теперь не узнаю,
мой сад цветущий изрубили в щепы.

В моих карманах больше нет монет,
и разлетелись, словно птицы, дети.
А у меня силёнок прежних нет.
Ну что, браток, давай махнём по третьей.

Он, выпив, отодвинул стул пинком,
помяв в дрожащих пальцах сигаретку,
ушёл. Я проводил его кивком.
Да, жизнь, она для многих не конфетка.

ВЯЧЕСЛАВ ДИНЕКА

Краснодар

Родился в Ташкенте в семье военнослужащего. После школы поступил в Тбилисское Артиллерийское Училище. Публиковаться начал в 1996 году.

Член Союза писателей России с 2004 г. Член правления Краснодарского регионального отделения Союза писателей России. Награждён орденом "За службу Родине".

Лауреат премии губернатора Краснодарского края им. Епистимии Степановой, Всероссийского конкурса "О казаках замолвим слово", Международной премии им. В. И. Нарбута "Пять хлебов".

ТАК ГРИЦЬ И ПОМЕР...

(Из книги "Сказы Утикача")

А не попробовать нам тютюнцю твого, Петруха?.. День-то, день, а! Так про чего я – минувшего разу? Про дурня? Знову? Як дурень козу брил, а султанка про то байки слухал... Ну-ну... Покуримо...

Ну, султанка, значит, чего ж – посмеялся, вдосталь, и опять за своё. У них как, у султанов – день-другой перетерпел без драла и уже муторошно ёму.

Это я до того, что была-таки война, и скзывать про то неприемно мне. Да видать, такая доля моя, куда ж поденешься...

Была, значит, война в землях вирмэнських за речкою Арап-чаем и были там, среди иных войск, и наши, черноморские – невеликим числом, для разведок и вестовых надобностей.

В тот самый год то было, как чумная хвороба прошла по туретчине, не разбирая ни христиан вирмэнських, ни турецкой породы, ни самых наизлейных куродов. Сам паша баязетский Белюл был этого лютого роду, для которого день безвоенный хужей зубной боли. Спочатку он, как водится, шибко в друзья набивался к русским генералам Чавчавадзеву да Панкратьеву, а потом, как куроды ихние сильно побили и пограбували наших у села Ахур за горой Араратом, тут уж охрабрел тот Белюл и давай грозиться: глядите, мол, урусы, будете

близко – всех повбиваем! Тут уж наши и осерчали – как так! – и решили: конец Баязету. Фортецией Ахалкакой уже завладели, чего же, мол, теперь чекать-то...

И вот как-то возвращается с полувзводом хорунжий Лесько Буряк с конвойной службы из Салмаза до Арарату, да и заблукал на горных дорогах, и занесло его далеко на пивдень. День блукали, другой, только вроде разобрались, вдруг глядь: великий караван вьючный тянется, почитай, без охорона – малость только виршников в белых чалмах с кривыми саблями, да погонщики, а больше и никого.

Само собой, как же тут – не стерпит душа казацкая. Загикали, засвистали, загарчали и кинулись! Кого порубали, кого постреляли, а иные разбежались. Стал Лесько осматривать свою здобычу, и почесал потыльцю Буряк. То ли тут радуйся, а то и страшися – в ящиках ружницы новенькие, да заряды к ним – всё заморских-аглицких поделок, салом смазано. Да во вьюках, в одеяла вкнутаны стволы новеньких гармат, тож в сале. Всё это, видно, для фортеци Баязета везли, а не охоронялось потому толком, что не ждал никто здесь казачьего налёта. Вот уж, не было Леську печали! К своим с таким тягаром не прорвёшься никак – турок-то, небось, уже такой бундѣж поднял, что спасу нет. А кинуть такое богатство – да ну! – шкода же ж! Себя потом сам заешь поедом.

И решили так: в горах приховаем, а потом уже с великою подмогою вернёмся и заберём всё богатство в казацкое распоряжение. Взяли под уздцы, да и поворотили с дороги в горы по овечьим стёжинкам, по узким проходам, по руслам стрыбучих ручьёв. Долго петляли-прилаживались, и – пощатило-таки – набрали на пещеру глубокую да завилистую. Коней развьючили и прогнали – послали двоих казаков развести их подале в стороны, и больше никто не видывал ни коней тех, ни казаков – и имён их не пригадаю.

Занесли трофеи в пещеру, приховали, присыпали, и – дай бог ноги!.. А не тут-то было! По всем горам кишмя турок да куродев, и конных, и пеших. В одну сторону сунулись, в другую, в одну щилину, в другое русло – нет! Всё перекрыто. Что делать? Вернулись в пещеру ту, вход, как могли, кушами да камнями прикрыли и зачаились. Ружей богато, воевать – доведётся – есть чем, а вот еды-питья запаса и нету ничего. Або сразу помирай, або мучайся – конец един. И вот, когда стемнело, покликают Лесько Фильку Петровченко, да и кажет ему: "Ты, – говорит, – Филька, не в обиду, калибру из нас самого наименьшего – глядишь, и просклизнёшь повз них ящеркой. А просклизнёшь – веди пидмогу, да квапся. Памъятай: чекаю тебя с подмогою три дня – до третьего вечора, а потом зачинаю свою войну насмерть, потому – с нашим водным запасом больше нам не усидеть..."

(Да нет, Петрунь, про то, про то я кажуро-розповидаю, про Гриця глупого, как и обещано. Только не дошли ещё до места, потери уж...)

И просклизнул-таки Филька! Ужом прополз, мышью проюркнул, зайцем перескочил, горобцем перепорхнул, и – добрался! До ранку шёл, потом до ночи, потом и ещё ночь. И уж под самый ранок, в долине уже, подратого да вымученного, сгубили казака ни то чих, ни то гиковка. Схапали!

Приволокли Филька в каземат какой-то с низкими, покатыми склепинами, с темнотою в кутах, и давай его мордасить – говори, мол, такой-сякой, куды подевали то, чего покрали с каравану!

Филька, понятное дело, знай себе повизгивает от мордобоя, да бубонит промеж ударами – знать, грит, ничего не знаю, ведать не ведаю, и сам я, мол, не тутешний, а просто заблудимшись. Порядков, грит, ваших не знаю, об чём речь – не понимаю, а ежели чего не так

сделал, так прощеньца просим, потому как не по злобе, а по невежеству только. А сам в себе Филька отходную уж прочёл, и душа его плачет слезами горькими о загубленной светлой жизни. Били-били его, значит, да видать, притомились. Запхнули его пинками в угол, и давай совещаться. Тут пришёл ещё охвицер ихний, бусурманский, рудый такой, да в весенних пятнах весь. Злой да, видать, голодный – всё еды просил. Что ни слово, всё "есть" да "есть" бормотал. Так они полялякали, и глядит Филька – тащат жаровню, и давай угли распаливать в ней посередке каземата. Понял тут Филька, что ожидают его пытки лютые, забился в самый кут, и трясёт его холодным трясом, аж зубы пляшут.

И тут, вдруг, поднялся бундёж, и входят в каземат ещё бусурмане, числом с десятков, все с побитыми особами, распотрёпанные, и ведут, под ручки взявши, казака упёртого. Глянул Филька: боженьки! Гриць!

Ясны очи выпучены, обличье улыбочиво и бестрепетно. Головой по сторонам кивает – здоровкается. Вот только лапы в кровище. Как он тут выказался, какими стёжками забрёл – то лишь Царю Дурнив ведомо. Может статься, коня ловил убёгшего, а то – завелась у него где нацнобушка* в аульских станицах тутошних, кто ж знает теперь...

Погалдели себе турки-то, башками покачали, мовами поцокали, и давай Гриця к столбу вязать – от греха, значить. Про Фильку и думать забыли.

Рудый ихний, голодуха, залопотал не понашенски, а тот, что толмачил, к Грицю подлетает: "А скажи, казак, может, ты всё знаешь про то..."

Гриць и договорить ему не дал, плечьми пожимает, да и говорит с усмешкою:

– А то ни! Мы ж казаки!

Филька ажно рот распахнул воротами, и забыл вмиг про боль свою мордованскую.

– Дак, и про караван знаешь? – толмач радуется.

– А то... – Гриць, рот до ушей, отвечает.

– Ну, так розповедай всё добренько, да и дело с концом! – толмач говорит.

– Не-а, – Гриць отвечает.

Шибко толмач задивился.

– Это ж почему? – спрашивает.

– Та! Мы ж казаки! – Гриць говорит, и очи – до горы, с улыбкою, – А негоже нам с нехристями гуторить.

– А шибко бить будемо...– толмач кажет ласково.

– Та!.. Козака биты – кулаки тупыты...

– Сдохнешь ведь! – толмач уговаривает.

– Мы ж козаки!

Тут подлетает тот рыжий, что с голоду злой, и давай орать, слюною брызгая. Обиделся тут Гриць.

– Ты чево это, нехристь, плюваешься? – спрашивает. – Я плюну, так потопнешь.

Тот, понятное дело, не перестаёт, да ещё норовит комир** выдрать Грицю. Тут Гриць уж не стерпел, да как харканёт, прости господи, прямо в пику голодному. Тот аж возрыдал, отскочил в кут тёмный, обтирается, отплёвывается, плачет. Набросились тут на дурня всем гамбузом. Кто батоном шмагает, кто ногой штовхает, кто лапою достаёт, а остальные визжат да вокруг бегают.

Не выдержала тут душа Филькина, поднял он лицо своё закровавленное, разтулил губы разбитые:

– Да оставьте ж его, ироды! – заорал. – Дурень он, головою слабкий! Не знае вин ничего!

Те, конечно, не слушают – не притомились пока. А Филька всё орёт и орёт, и обзывает Гриця йолопом, да дубиною.

Тут уж Гриць, как битьё притихло, голову кой-как подымает, и говорит с укором:

– А ганьба, – говорит,– тебе, Филька, лаяться!.. Ты бы, – говорит, – не об моей голове промысливал, а своею мозгою посовав тришки. А на дергунов этих мне плюваты хочется.

Да и давай опять слюною кровавою вокруг брызгаться.

Совсем озверели турки да куроуды, завертели круг казака млинами так, что Грицяню и видно не стало.

Видит Филька, что на него никакой уваги, полежал себе, поразмыслил, да и давай к выходу пробираться кутами тёмными. Крадько-крадько, да и вжик на улицу – а там уж темно.

Перелез через щось, под чимось прополз, обошёл тамось, прошмыгнул кудысь...

Бог, он казака выведет – ясно дело – до коней. Выбрал самого статного, остальным

попортил кой-чево, вскочил в седло – "И-эх! Не подведи, шкапа басурманская!"

Може от боли и злобы, а скорее, и впрямь Господь помогал, а только долетел Филька до своих, без блуканий и задержки...

(Да... Хошь – не хошь, а покурить надобно... Дымку хлебну, да и поедем далее...)

...Не забудет, кому довелось, с каким бешеным рёвом летела конница – и казаки, и русского офицера Прохорова эскадрон.

– Я их ногами передущу! Я их зубами поагрызу! – орал Кошевой, нахлестывая.

Таким налетели валом, что далеко турка шуганули. И Леська успели-выручили, и Грицяню нашли...

А нашли его бездыханного – так, шмасток мяса...

Брызгали ему в ясное лицо чистой водою, тормозили его ласковой дланью за плечо богатырское, подложили ему под голову седло мягкое, кутали ноги его буркою, раскрывали грудь его ветру... И блукал вокруг Филька розгубленный, и бормотал непонятное: "Та вин же ж не знав...та я ж знав... да якцо б не вин... да якбы я... да якбы не я ...", пока не сказали ему стихнуть, и не отвели на воздух.

Не надолго, сказывают, открылись очи Гришины. И прошептал Кошевой прихриплым шорохом: "Ты чога ж це, Гринь?.. Як же ты, а?" И ворохнулись у того губы его разбитые, и прошептали что-то. Кто и не слышал – понял.

– Мы ж козаки...– прошептал он. И отошёл...

Вот так и сгибнул Гриць Коваль – невеликого разума, да высокой доблести козачина.

И тогда, сказывают, Кошевой – деревянная душа – отворотился надолго в самый тёмный край каземату, и плечи его, бают, долго вздрагивали... не по-казачьи...

Та то уже, може, и брэшуть...

* Видимо, от соединения русского "зазноба" и грузинского "нацноба" – знакомая

** Воротник оторвать

ВЛАДИМИР КИРПИЛЬЦОВ

Краснодар

Кирпильцов Владимир Владимирович, член Союза писателей России с 2007 года. Выпускник экономико-философского факультета Ростовского-на-Дону государственного университета по специальности "Экономическая кибернетика".

Награждён орденами и медалями в том числе зарубежных стран. Лауреат премии им. А.Д. Знаменского и Ю.В. Андропова за историческую прозу. Книги писателя издавались в Москве и Краснодаре.

КУДА УШЛИ САРМАТЫ

Рассказ

Метея – сарматская жрица сама поднялась на высокий курган-святилище и зажгла факелы, зовущие небо. Встретить его волю она решила впервые вместе с Хубаном, и только с ним – одним из самых уважаемых воинов, а потом уж со всем народом. Хубана в городище – сарматско-меотском укреплении, окружённом обновлёнными по его замыслу валами и двурядными палисадами, засыпанными внутри землёй, считали военным вождём. Потому эта была официальная встреча. Ничего личного. Но если бы он знал, как она любила смотреть на его крепкую мужскую полуобнажённую фигуру на строительстве этих сооружений, на установке тяжёлых столбов, напрягая вместе со всеми свои рельефные в боевых шрамах мышцы там, где что-то следовало поправить. Она вдыхала встречный ветерок, пытаясь уловить этот свежий вымытый холодным Варданом (нынешняя Кубань) запах его крепкого тела.

Хубан был если не царём, то военным вождём. Хотя сам по старому сиракскому обычаю считал себя скептухом – что-то вроде гуру-учителя, и признанного самими воинами лидера. Он знал, как вселять в душу своих всадников недоступные простым людям качества зверей-охотников: умение предчувствовать и опережать любой наскок врага, способность мгновенно мобилизовать недоступные

человеку "звериные" силы организма в критических ситуациях. Этому сарматский скептух научился у соседей и верных союзников – меотов. Их верования в инкарнацию человеком качеств зверей делали чудеса. Уподобляясь кошачьим хищникам, они становились свирепыми и молниеносными охотниками. Они чувствовали без слов копытных, особенно лошадей, буквально срастаясь с ними в едином интуитивном понимании. И тем преобразили дружину Хубана. Аланы, идущие за военной добычей до границ Рима, считали за честь нанять в свои ватаги всадников, его воинов. А Хубана они почитали нартом Саусырьком, что означало "смуглый сирак".

Метея любила этого "смуглого сирака" запретной скрытой любовью – не может у сармат власть жрицы и царя воинов быть в одних руках.

Хубан, действительно обветренный всеми военными ветрами, пришёл на святилище не сразу, хотя всегда любил смотреть на это торжественное восхождение стройной в длинных одеждах красивой умом и телом женщины, ожидая с волнением финального аккорда прекрасного ритуала – этого таинства вспышки изпод прикрытых век прозрачной слегка изумрудной голубизны глаз, устремлённых казалось в каждого из толпы пришедших. Вспышки – наполняющей трепетом, огнём и песней всегда молчаливое строгое сердце скептуха.

Но такого ожидаемого сладостного зрелища на этот раз ему увидеть не довелось.

Только сегодня удалось отразить многодневный натиск готов, могучих, свирепых, рослых в сравнении с сарматами воинов с огромными мечами. После неудавшегося штурма сарматского городища они отступили через подожжённые сарматами степи к яру, где по замыслу Хубана их должен был ждать сарматский секрет из нескольких всадников Гадара Копьеносца, умевших растворяться даже в степи.

Среди них была и женщина-воин Артаксис – крепкая и статная. Настоящая приманка для готов, чтобы оторвать несколько их воинов в погоню за ней в степь, а там уж... мужчины разберутся. Да и Артаксис ловко владела арканом... И тогда пойманного гота можно было разговорить её снадобьем – сколько этих готов, в скольких днях пути и что они замышляют? Чего-чего, а в снадобьях для стрел из яда ехидны и змей, смешанных с человеческой кровью, да в снадобьях и напитках, развязывающих язык, Артаксис была сильна. Но что-то не срослось. И секрет не возвращался.

Хубан не мог знать, что у Артаксис был и свой личный план. Кроме "языка" ей не хватало ещё пару голов убитых ею лично врагов, чтобы по обычаю сарматов не просто получить право на замужество, но и выбрать себе любого из воинов в мужья. А ей нравился... сам Хубан. Свой "скромный" выбор она тщательно скрывала, особенно от этого насмешливого Гадара Копьеносца. Тот уважал сарматский обычай о женщинах-воинах, но считал его давно устаревшим и уж очень скептически относился к участию и полезности дев на войне и в походе. Его шутовская, пренебрежительная команда на привалах после страшной в потоках фонтанирующей крови звериной рубки с врагом: "Хей! – напоить лошадей и... оправиться, ну... если некоторые не уже" – конечно же, адресовалась немногим в отряде женщинам-воинам.

Секрет Копьеносца уже третьи сутки изнывал неподвижно в лощине на жаре исходившей от необычно раскалённой земли для такой ранней весны. И Гадар решил спуститься в расщелину, где бил ручей. Всё надо было делать тихо и незаметно, чтобы ни один лист не шелохнулся. Где-то рядом пряталась "приманка" – эта несносная Артаксис, готовая выскочить на своей лошадке при появлении дозора готов.

Ручей уже журчал где-то рядом, когда Гадар заметил явно рукотворную неглубокую заводь. Впрочем, её было достаточно, чтобы покрыть прозрачной ключевой водой обнажённое тело женщины, вращающейся в этой

ванне с таким сладким блаженством танца дикой серны, и таким неожиданным изяществом дикой кошки, что... Копьеносец застыл, не шевелясь и не дыша от какого-то непознанного им восторга. Но у "кошки" откуда-то мгновенно появился дротик, который она метнула с такой меткостью, что тот, разорвав ухо копьеносцу, воткнулся в ствол молодого деревца. А следом из воды звериным бесшумным рывком выпрыгнула совершенно голая Артаксис и, оседлав Гадара, приставила нож к его горлу. Она критически осмотрела его тело, чуть задержавшись ниже пояса, и вместе с этим взглядом прошипела змеёй: "Напои... своих лошадей и оправиться, если ещё не уже"...

Хубан, конечно, ничего не знал ни об этом происшествии, ни о намерении женить его помимо его же воли. Он сам с дозором выехал в степь, пытаясь найти следы Копьеносца.

Тем временем уже слегка приодетая в кожу Артаксис штопала ухо Гадара, когда вдруг раздался условный сигнал, и она, едва набросив на себя кое-какую одежду, выскочила на своей лошадке в обусловленное место, и тут же оказалась в окружении могучих готов. От одного она ловко увернулась, но другой схватил её огромной лапищей за волосы и, как игрушку, перекинул через холку своей лошади, похлопывая радостно по... Впрочем, при этом почему-то громоподобно распевая какой-то устрашающе торжественный гимн, словно собирался на битву миров, а не на похотливо-весёлое развлечение с прекрасной пленницей. Тот, от кого она увернулась, оказался переводчиком и сообщил ей, что "Великий Гербер по кличке Мага намерен поразвлечься с ней сегодня, от того поёт торжественную песнь Великого Одина, а завтра подарит её самому Ватару-Буйволу. Так что тебе повезло, сарматская кошечка". Вдруг из-за спины Гербера появилась физиономия Копьеносца, и его боевой топорик железным обухом грохнул Магу промеж глаз, причем, не причинив его башке никакого вреда. Великий Гербер Мага одним рывком вырвал Гадара с его лошади и выбросил как ненужную рухлядь куда-то в кусты. Но Копьеносец, на удивление гота, полагавшего своего соперника по всем канонам давно переломанным во всех человеческих косточках, упорно выпрыгивал откуда-то с хваткой рыси, вступая в яростный бой с этой горой мышц и броненепробиваемым черепом... Впрочем, "эта сарматская кошачья тварь" в очередной раз оказываясь в кустах. Так продолжалось пока Гербер на ходу умильно прижал своё вонючее лицо к щеке Артаксис в качестве ком-

пенсации назойливому приставанию этого упрямого сармата. Этим она и воспользовалась, вогнав в ухо Гербера длинную костяную иглу, которой только что зашивала ухо Копьеносца. Мозг действительно Великого по размерам гота выдержал удары тяжёлого топора, но не проникающей тонкой иглы, и Мага обмяк. Сарматка призывно свистнула, и её лошадка быстро отозвалась, принеся с собой у перевязи аркан, который в ловких руках Артаксис быстро достал переводчика. В разговорах у ручья в ложине он приуныл и был упорно скуп на разговоры... пока не попил из бурдючка Артаксис...

Хубан, в своих розысках следов засады Гадара Копьеносца, увидел странную картину. Навстречу из перелеска к нему вышел улыбочивый гот, который сразу полез целоваться "в дружбе на века", то припеваючи на плохом сарматском наречии, то без остановки рассказывая о Ватаре-Буйволе и всех его близких и далёких родственниках. И уже следом появились из кустов Копьеносец с разорванным ухом и своим секретом из пяти всадников, включая затянутую в грубую кожу женщину с набором дротиков, арканом и кинжалом на поясе. В отличие от весёлого гота она была грустна, теребя на портупее у ноги отрезанное ухо убитого ею гота. До вольного замужества не хватало ещё одного.

Теперь Хубан знал всё необходимое о силах и намерениях врага и был готов к встрече со жрицей. Он застал её на святилище тревожно молчаливой, вглядывающейся в горящую за валами и палисадами цитадели – степь и тоже молчал в ожидании чего-то чрезвычайно важного. Ведь не часто жрица выносит на курган Всех Истин Нетленных свой тяжёлый железный жезл с навершием из двух вращающихся ярусов оленьих рогов. Это тёмное с проблесками железо, воткнутое острым наконечником в землю, неприглядно контрастировало с золотом, серебром, рубинами, изумрудами, горным хрусталём её торжественного наряда. Но именно это – нечто расплывчатое в небо широкими ветвистыми лапами-антеннами рогов оленных неспешно беседовало со звёздами едва заметным и понятным только для сармат голубоватым мерцанием.

– Ты думаешь Метя – время истин неба пришло?

– Посмотри, Хубан, на горящую степь за городищем.

– Что же тут необычного? Новые валы и палисадные укрепления выдержали натиск готов. Их огненные стрелы так и не смогли их

поджечь, а наши стрелы воспламенили травы и кустарники в округе, что и заставило их уйти... Хотя и не надолго, ведь это был только передовой отряд Ватара-Буйвола – любимца самого готского царя Германариха... Они разгромили сильных и гордых сарматских воинов из роксолан у берегов Танаиса (нынешний Дон). Потому просто так не уйдут и с наших берегов Вардана.

Метя жестом остановила Хубана:

– Я знаю, что ты хочешь сказать. И ты скажешь это всему племени. Теперь нас всех называют аланами, хотя наш союз воинов-сираков и меотов-земледельцев, научивших и нас, сарматов, возделывать земли, по-прежнему живёт на правом берегу Вардана. Мы многое заимствовали друг у друга, чтобы читать предзнаменования небес и земли. И сегодня... Разве ты не видишь – пылает не трава, жаром изнутри горит земля... горит карой небес. Неужели не заметил?! Верхушки зелёных трав только дымят, а жарким пламенем горят в основании. Корни перегреты самой землёй. Она раскалена изнутри, сжигаемая кознями грифонов – этих звероптиц, терзающих железными клювами мозг человека, алчностью к заморскому богатству. Наши воины сираки всё дальше уходят с аланами за чужим золотом и серебром, испепеляющими веру в свои силы и в силу нашей праматери – богини Апи. Но только она объединяет своими змеевидными конечностями и завещанными нам обычаями воедино глубины земли, природы и звёздное небо в единую гармонию для своих человеческих детей!.. Разве нам – степнякам нужно золота больше чем кобылиц и буйволов в наших стадах, дающих силу сармату? Что же ты не отвечаешь? А-а! От того теперь гармония неба и земли нарушена. Да, пшеница наших и меотских земледельцев выдержит и всё равно даст зёрна, но в них не останется ни капли живой силы матери Природы. Зерно перестанут покупать греки, а мы насытимся мёртвой мукой, чтобы умирать незащищёнными от болезней, ибо живой защитной силы природы в том зерне и в пастбищах степей не останется, восторжествует лишь всё разъедающая тля химер на радость грифонам и саранче.

– Засуха?! – воскликнул Хубан.

– Засуха, саранча и неведомые нам болезни, которые несут злобные и коварные грифоны на плечах нашествия готов! Время варить мясо для общего совета пришло! – Метя ударила мягкой колотушкой в большой медный котёл. Он загудел. И от лёгкого дуновения жрицы вспыхнул сигнальный огонь на верши-

не святилища. Всколыхнулось, засуетилось всё городище усталым гомоном собирающихся к кургану жителей, и без того безмерно уставших от дневного сражения и обороны своих валов от ушедших наконец готов.

Сарматы и меоты окружили весь подъём кургана-святилища, чтобы слышать с вершины каждое слово Метея:

– Сарматы и меоты! Куда бы ни ходили наши воины за добычей или за честной смертью в бою, они возвращались сюда на правобережье Вардана, чтобы найти упокоение в курганах. Вон их сколько – сотни! А будут и тысячи, потому что многие здесь погребены без тел, оставшихся на далёких полях сражений. Зато в этих курганах-кенотафах – их лучшее и верное оружие, золото и драгоценности и верные кони... И всё для того чтобы Боги призвали их опять на эти земли, выбранные нашими предками меотами и сираками. Пусть без памяти о прошлом, но именно на эти благодатные для наших душ берега. Разве не потому они не взяли с собой свои имена? Зачем они, если придут под новыми? Тщеславие – это не для сармат. Они согласились поменять именную славу своих захоронений и громких имён на возвращение. Недаром грифоны меотов терзают мозг человека, чтобы через смерть прошлого прийти к возрождению нового! Вот этим так и дороги нам наши земли... Но сегодня... Впрочем, вы и сами прочтёте волю небес. Высокомерные европейцы считают нас безграмотными. Но вы умеете читать иероглифы священных оленных рогов, соединяющих вас с волей неба. Вы умеете читать свечение – символ небесной благодати, которое есть над каждым человеком. Вон тот – конечно лучший воин-скептух, другой – почтенный скотовод, принимающий от кобылиц молодых жеребят, или земледелец, третий – лекарь. Потому меж нами нет споров и дворцовых интриг европейцев. Говорят греки, которые поставляют нам лучшие вина в обмен на хлеб, мечтают о какой-то свободе выбора и демократии. Смешные! Зачем всё это, если и так видно – кто лучше и на каком именно месте... Они считают нас нецивилизованными дикарями. А мы... Мы – просто иная цивилизация. Возможно, она и на них когда-нибудь ниспадет небесной благодатью свечения Хварно, и они научатся видеть именно его над каждым человеком, а не горящий алчный блеск металла в общем строе воинов. Но сегодня...

Метей медленно раскрутила ярусы железных оленных рогов под небесным звёздным сводом. Жертвенные огни всполохом ожидания

осыпали их искрами. И все замерли, ожидая их остановки, не отрывая глаз от этого вращения железной витиеватости судьбы. И они остановились как то резко, дёрнувшись чуть назад, казалось со всем звёздным небосводом. И все колыхнулись вслед в едином порыве, едва не повалившись и скатившись со склонов кургана. Но ноги, словно вросли в землю... И...

Отчаянные крики, плач и стенания взбудоражили степь. Приговор небес прочли почти все в сочетании остановившихся роговых завитков. Он означал лишь одно значение этих сложных и только сарматам понятных иероглифов: **Они должны покинуть эти берега и священное золотое кладбище сарматов-воинов навсегда.**

Метей подняла руку, останавливая стенания:

– Мы должны уйти, не потому что боимся готов и засухи с саранчой. Будет великое обледенение всех вод и степей. И тогда более гибельная всё пожирающая саранча в человеческом облике грядёт с Востока и имя ей – хунну, они заберут ваших женщин. Мы уходим, чтобы спасти от них в чистоте свой род. Готовьтесь к великому переселению. Пока же... О том, как устоять против готов будет говорить язык воина-скептуха.

Хубан, пожалуй единственный, кто не дрогнул ни единым мускулом, говорил коротко и по делу:

– Скоро сюда нагрянут готы. Срезанная моими воинами поутру приречная лоза скажет нам точно, сколько у нас осталось дней на сборы и откуда их ждать, чтобы опередить на один переход и встретить далеко от бродов. Они должны застать городища пустым, но будут искать броды во вздувшемся весеннем Вардане, чтобы нагнать беглецов с их пожитками и прорваться на равнины, ведущие к ущельям – проходам меж снежных гор, ведущим к торговым путям Востока. Потому я поведу наших лучших воинов им навстречу, чтобы как можно дольше терзать их в степи у правых крутых берегов Вардана. Пусть они гоняются за нами, думая, что мы всё равно приведём их к бродам. Оставшиеся воины уведут женщин, детей, стариков через настоящие броды на левобережье на далёкие и недоступные восточные галечные переправы. И пусть каждый народ – меоты или сарматы – там решит – куда они уйдут – на юг к горам, или на север к Танаису. И ещё... Оставшиеся там воины должны будут похоронить погибших в сражении с готами на нашем золотом кладбище сармат... Я их поведу в последний бой. Кто пойдёт со мной?!..

Казалось, яростный грозный животный рёв желающих остаться погребёнными у родных курганов выплеснет Вардан на плоские луга левобережья, всполошив выводки грациозных оленей, расфуфырив разноцветной тревожной гармонией перья многочисленных фазанов, настороженность горящих зеленой глаз камышовых котов и испуганный всплеск идущих вверх по Вардану на нерест огромных осетров, поднявших на заводах тревожные стаи белоснежных цапель и лебединых стай. Нет, не хотели сарматы и меоты уходить от этого единения с богатой и щедрой природы.

Вечером перед уходом отряда Хубана на перехват готов жрица призвала скептуха в свои покои. Он и раньше здесь бывал по делам общины. Но сегодня на Метее не было подвязанной серебристой лентой на лбу накидки, скрывающей волосы, а рядом сидела, удивлённо тараща на него глаза, маленькая лохматая собачка и мелко дрожала от его грозного заключённого в блестящий доспех вида. Метeya улыбнулась и прижала собачку к своему лицу, сверкнув из-под её лохматости не только глазами, но и тёплой извиняющейся улыбкой любящей женщины, но не статусной владелицы воли всего племени:

– Сегодня перед тобой уже не жрица. Я отпустила свой народ в свободный путь. Нет больше в этих местах ни сармат, ни аланов, ни сирако-меотского союза. Так велели боги. И я могу стать той женщиной, которая всю жизнь любила тебя...

Кроме её вьющихся шелковистых волос, он ничего не видел и почти ничего не слышал, никак не переставая так неприлично долго гладить их. Разве что... Как сладко шелестят в ушах звуки дорогого материала, падающего с её плеч платья, как аромат её дыхания покрывает всё его тело, тонкими пальчиками низвергая на пол его гремучие доспехи. Ой, как же они грохотали! Как торжествовали свободой обнять любимую женщину, благодатью освежить свои пересохшие давней любовью губы в её влажном поцелуе и тонуть..., тонуть..., тонуть в ней!... Осознавая только на пике яркими вспышками неведомый до этих коротких мгновений божественный полёт над всем сущим и уже не важным кроме этого обоюдного взрыва радости, переходящей в такую непривычную нежность... Она всё ещё удивлялась восторженными прикосновениями её полукрытых губ его крепкой смуглости, рельефности мышц у колен... А он рисовал и рисовал лёгким скольжением пальцев по её телу с отчаянной

надеждой оставить этот рисунок в своей памяти... навсегда! Ну, хоть на кончиках пальцев!

Он вздрогнул, когда она неожиданно заговорила, боясь потерять это хрупкое единение ощущений:

– Хубан, завтра твои псы-охотники из сармат будут праздновать выбор Артаксис своего заслуженного жениха. Вчера именно она догнала и сразила вооружённого готского переводчика, убившего охрану и сбежавшего в степь. Я знаю – она может выбрать тебя. Сделай её короткое воинское счастье. Пусть оно будет таким как у нас... в таком не долгом, но на всю жизнь полёте...

На следующий день, перед тем, как жители собирались покинуть родное городище, грянул этот весёлый и торжественный обряд выбора мужа сарматкой убитой в бою трёх врагов. Артаксис с отрезанной ею головой готского переводчика под одобрительные крики прошла по длинному коридору торжествующих соплеменников прямо к своему скептуху Хубану и решительно бросила к его ногам добычу, всё ещё хранившую дикую гримасу отчаяния и неприятия своей смерти от дротика этой воительницы.

– Ты заслужила право выбрать себе любого жениха, кроме царя, а его-то у нас и нет! – грустно улыбнулся Хубан, уже сожалея, что не царь. Её жаркий взгляд так и буравил его душу. А он не знал – как может теперь после вчерашнего её осчастливить.

О, женщины! Разве в их любви возможна незаметная для них фальшь?! Она всё поняла и красноречивый взгляд сарматской разведчицы – не повезло так не повезло – устремился за спину Хубана. А там стоял неприкаянно слегка покалеченный непрошибаемым готом и такой несносный противник женщин-воинов Гадар Копьеносец – весь в синяках и ссадинах, из распухшего глаза у него текла слеза, а кадык пытался загнать внутрь какую-то непереносимую горечь утраты.

Неужто тот гот порвал ему и новую кожаную куртку? – подумала по-женски практичная Артаксис о горькой слезе Гадара и вдруг сразу поняла – та горечь утраты о ней... и по ней, такой привычно несносной и теперь для него казалось уходящей. И тут же вспомнила, как он раз за разом кидался безуспешно на того Гербера, пытаясь освободить её, как чуть не отгрыз в отчаянии ему нос... И вдруг она заметила болтающуюся из края его уха длинную нитку: "О, боги! Ведь я так и не дошла ему оторванный кусок!" Она сама не поняла, как это у неё вдруг всё решилось:

– Я выбираю себе в мужа Гадара Копьеносца! И пусть это засвидетельствуют боги и люди!

И тихонько добавила, так чтобы услышал только скептух:

– И пусть только попробует мне отказать – оторву второе ухо. А ты свободен, Хубан.

Ещё никогда не хохотал так открыто и радостно всегда серьёзный сарматский скептух. Поводов для радости в ту ночь хватало, чтобы заполнить из меченой греческим виноделом именным клеймом-печатью амфоры и наполнить огромный бронзовый сарматский котёл вином с далёкого острова Эллады – Хиоса, доставленным через Боспор в специальных деревянных по-гречески изящных судах – понынешнему – "амфоравогах". Вином, которое и греческие цари пили только по великим праздникам.

И пошли по рукам ритоны – славные кубки в виде рога, сделанные из серебра, или из рогов буйволов, но обязательно украшенные, нередко золотом. Очень ценили сарматы добрую чашу, из которой можно было красиво выпить. Потому носили её часто на привязи у груди, в постоянной готовности.

Этот праздник достался отряду Копьеносца дорогой ценою – навсегда остаться на правом берегу, прикрывая, как можно дальше до последнего всадника-сармата, брод от готов Германариха. Но они восприняли его радостно. Ведь это завтра. А сегодня... Пусть завтра смерть! Ведь достойная смерть воина – это благо и почётный путь к возрождению к новой жизни на этих берегах. Пусть – через века. Потому сармат в душе всегда жил сегодняшним днём... и даже одной ночью. Всё мужское общество шумело праздником, поднимая наполненные чаши за новобрачных, но не забывая прислушиваться к звукам в их закрытой наглухо кожаной шатре-кибитке. И как ликовали сарматы, вторя стону сарматки. Знай наших! Нет такой силы, которая бы сломила желание сармата к женщине и наполненному до краёв ритону!

Только два дня сарматка-воин походила в жёнах, восхищая недавних соратников своей новой, подчёркнутой женским платьем, статью. И не раз при её виде у друзей по отряду краснели уши при воспоминании – кто-то неудачно громко высказавшись, забыл... м-да, кто-то вытаскивал её, не церемонясь, за зад из-под упавшей лошади. А кто-то не обратил внимания, мочась в кусты, кому принадлежит рядом торчащий шлем... м-да, а оказывается –

женщине, божественно красивой в своей новой роли избранности небом и мужчиной.

Через два дня она, вопреки традициям, вновь надела панцирь и шлем, оставшись с мужем на правом, счастливом для них двоих, берегу. Верные псы Хубана долго провожали взглядом с высокого кургана своих братьев, сестёр, детей и жён, уходивших через брод на левобережье – на спасительный далёкий от готов и засухи предгорный юго-восток.

Хубан решил увести отряд в степь, навстречу лавам Германариха только после того, как вместе со своим воинами чуть изменил подкопом русло вздувшейся реки. Она стремительной силой обмыла возвышающийся берег, и тот огромным оползнем двинулся вниз, обрывая натопанную дорогу к броду высоким обрывом. Когда бурная жёлтая вода сделала стремительный вираж, отыскав свой всё разрушающий путь, скептух и вожак собрал своих воинов, чтобы с кручи под музыку бурной реки с хрустом и грохотом ломающихся деревьев и падающих с гулом берегов отдать должное священному мечу скимитару. Политый кровью жертвенного барашка клинок взметнулся в небо в руках Хубана, провозглашая победу воды, сметающей кручи. Скимитар, как водится, заговорил голосом скептуха:

– Сарматы, вы ждали от меня наставления?! Вот оно, смотрите на эти потоки, запомните, как эта жёлтая стремнина ищет свой витеватый путь, оставляя каменные громады, державшие берега посреди безжалостных вод. Где теперь эти казалось непоколебимые преграды? Они покорно сползли вниз, потеряв свою силу и величие некогда могучих круч. Они смыты и разъединены на островки. Вот так и мы будем воевать готов. Врезайтесь туда, где удалось сделать хоть самый маленький подкоп. Оставляйте в стороне сильных, размывайте их в слабых местах и они сами сползут к вашим ногам, чтобы соединить наши потоки в единое русло вашей победы. И пусть они попробуют догнать нашу стремнину всадников! Не останавливайтесь ни на мгновение. Ведь для того у вас будет по три лошади, чтобы мчаться без усталости и остановки, лишь перепрыгивая на новый свежий круп. На то мой вам последний приказ.

Взметнувшийся в руках Хубана окровавленный жертвенный меч, казалось, зажгётся лучами солнца под возгласы тысяч голосов:

– Хварно! Хварно! Хварно! – что означало восхваление Богов за ниспосланную ими благодать в ратном деле...

Те последние два дня перед уходом были прекрасными и для Хубана и Метей. Она тоже собиралась уехать к роксоланам на Танаис, но только после того как со своим небольшим отрядом выполнит последний долг перед погибшими в сражении с готами. Они прощались без малейшей надежды на встречу. У него не было шансов выжить бегством от готов через брод. У неё... А Метей знала, как выполнить свой долг жрицы перед своим народом и любимой женщины перед единственным своим мужем.

Очень удивился Ватар-Буйвол – предводитель готов, когда на его войско понеслись малым числом сарматы Хубана. Удивился, но не испугался. Хорошие воины, готы моментально перестроились, готовя разительный отпор пехотой, ошестившейся по фронту конной атаки копиями и луками, закрываясь от сарматских стрел с головой под огромными, как и их мечи щитами.

Сарматы не знали мощи пеших воинов врага. А те успевали уничтожать и калечить лошадей и всадников, отнимая у них силы и сноровку. Рубиться сверху вниз, натываясь на копыта, уворачиваясь от стрел, – утомительное дело. Сарматы несли потери, а Буйвол снисходительно улыбался, предвидя скорую расправу. Нет, не пехотой, а атакой своих лучших тяжёлых, всё сметающих всадников с флангов, ещё до того, как закончится время жить и делать своё дело пешим ратникам.

Хубан направлял удары своих конников, точно улавливая слабые места по ходу боя. Поэтому вторая лава сармат неожиданно затормозила перед пехотными рядами готов и понеслась, разделяясь вдоль них в разные стороны, не принося ущерба, но тем совершенно запутав конницу готов на флангах. Те, пытаясь настичь то одну, то другую группу всадников, рассыпались из сжатого и управляемого кулака на мелкие группы.

Вот тут-то и появился, как из-под земли, Копьеносец с отборными псами, вооружёнными длинными крючьями. Его удар по пустому, рассредоточенному вслед за растекающимися по сторонам сарматами центру пехотинцев, был разительным и коротким, разрывая крючьями тела и пробивая узкую кровавую стонущую под копытами сарматских лошадей брешь. Копьеносец просачивался сквозь ничтожную ранку в громадное тело готского войска, врываясь во внутренний организм жадным до крови разрушительным клинком. До самого обоза кибиток с продовольствием, скарбом и женщинами с детьми никого не жалели псы

Хубана и Копьеносца на своём пути. И лишь после этого обессиленные, потерявшие многих лучших всадников, сарматы ушли почти без сопротивления обескураженных дикой резнёй врагов. Готы ещё целую ночь и день, и снова ночь гонялись за хвостами сарматских невысоких, но крепких лошадей конной гвардией самого Ватара-Буйвола, оставляя за собой убитых, чужих и своих. Злоба готов на этих всадников, жалящих смертью тут и там, уже переросла всякие мерилы жестокой войны, превратившись в почти эротическое желание смерти упрямым сарматам. Но не сразу, а лишь в конце пиршества мучительной мести.

На заре следующего дня сармат загнали к броду, о котором Ватар-Буйвол был уже хорошо осведомлён, пытая пленных. Да и разве скроешь переход реки населением целого городища. Хубан на это и рассчитывал. Потому приказал уходить остаткам своих всадников по вытоптанной прямо к броду дороге на полном скаку, но так, чтобы плотно подпустить к себе гвардию готов, повизгивающую от близкого пиршества дикой расправы.

Всё правильно поняли сарматы, пролетая с гиком мимо кургана-святилища и кургана-жертвенника, на которых ещё недавно вершила беседу с небом Метей. Они-то знали – дорога к броду кончалась обрывом. С него, отрываясь от земли, навстречу облакам неслись сарматские конники, радуясь нескольким мгновениям полёта над родным Варданом.

Копьеносец с озорством догнал у обрыва свою жену и, лихо вольтижируя, перехватил её на мягкую короткую попону своей лошади, отороченную по краям золотом так искусно, чтобы не потревожить того, кто восседает на ней.

Она ещё успела оценить драгоценно-торжественную роскошь и мягкость их последнего ложа, глубоко вдохнуть запах чужой крови впитавшейся в кожу рукоятки его меча и конского пота, соединившегося на сырой тёплой попоне в одно целое – дух сарматского мужчины. Они летели в долгом последнем поцелуе прямо в небо. Летящий впереди Хубан умер чуть раньше молодожёнов..., с удовлетворением, что выполнил наказ Метей – сделать короткое воинское счастье Артаксис в таком недолгом, но на всю жизнь полёте... Смерть оставила скептуху короткое осознание счастья содеянного, освободив от козней злобных грифонов видеть смерть близких ему людей и лошадей – своих воинов – лучших всадников в мире.

Последнее, что видела Артаксис, – это чёрный отчаянно блестящий вполоброта к хозяину – Гадару глаз его лошади, опьянённый чужой кровью, ещё дымящейся паром на попытках и боках. В нём светилась радость и невысказанный вопрос: "Ну, как? Я ведь не оставилась у обрыва, не подвела тебя за твою любовь ко мне".

Летели с кручи и падали, погибая, в едином порыве ветра сарматы. Но зато за ними вслед сыпались вниз, как горох, и волки Буйвола, слишком поздно пытавшиеся затормозить, сметаемые, к тому же, плотным напором сзади.

Говорят, сам Германарих подъехал к куче растерзанных давкой на берегу своих воинов и покачал с удивлением головой, обращаясь к одному из своих военачальников Ватару-Буйволу:

– С сарматами не надо воевать. Их стоит жестоко проучить и принять в готское царство. Мало ли, кто ещё придёт на эту землю.

Нет, не пошли готы через вздувшийся Вардан, над курганами которого ещё продолжали лететь грешные души сармат. Да ну их, с их тайнами... И дайте им боги что угодно, только не упокой, которого не любят их кочевые воинственные души!

Метея-жрица со своими верными псами-воинами после ухода готов, обескураженных самопожертвованием сармат, выполнила свой долг перед своим народом и любимым теперь уже навсегда Хубаном – воином и мужем. Она не плакала над его истерзанным телом, а гордилась, что несёт в себе живой плод их любви, сберегая ласковым волнением души все его прикосновения, собиравшие с её тела в каком-то величественном ритуале обожания великие награды настоящей мужской любви.

Через несколько лет она проводила с опустевшего правобережья Вардана на Танаис к родственникам из роксолан совсем юную дочь Раксимоду, сохранившую манящую неукротимый нрав и манящую лёгкую смуглость отца, да мудрость и красоту матери, а сама осталась с несколькими особо приближёнными воинами – последними из гордых прикубанских сармат – сираков. Тех самых наследников великого сарматского царя Гатала, воины которого когда-то ходили в далёкие восточные края. Там его почитали как миротворца, некогда державшего всех иных царей Малой Азии своим не большим, но лучшим в мире отрядом всадников в страхе, а заодно и в примирении, как раз там, где ныне граница истерзанной Си-

рии и Турции. Вот такие наши предки – несгибаемые и никем не побеждённые, жили на Кубани-Вардане!

В тот день после расставания с дочерью Метея вошла на царский курган, где был погребён простой скептух Хубан, чтобы разделить теперь вечную радость – быть вместе навсегда. Вернувшись в дом, Метея надела лучший наряд жрицы, вызвала охрану и довела им волю богов, согласно которой её путь жрицы закончится сегодня ночью, а с ним и никчемная жизнь. Потому её следует захоронить со всеми подобающими её статусу почестями в давно заготовленной катакомбе семейного кургана, рядом с Хубаном.

Когда охрана удалась, Метея взяла большое круглое бронзовое зеркало, посмотрела на себя обновлённую незабываемой любовью мужчины и рождением дочери. Счастливо улыбнувшись, жрица улеглась на такое памятное теперь для неё ложе любви. Большое круглое, сияющее праздничной медью зеркало, зафиксировало отражением ещё раз её обновление. Она с благодарностью положила его себе на грудь, прямо у счастливого сердца, а на него тут же, скрутившись калачиком, улеглась и верная собачка, разделяя благодать хозяйки. Они тихо и счастливо заснули на пути к богам. Утром их нашли уже мёртвыми. И в таком же единении захоронили в курганной катакомбе...

Вместо послесловия:

128 сармато-меотских поселений нижнего Прикубанья уничтожили готы в конце II – начале III века. Но по исследованиям И.С. Камеицкого городища восточного высокого правобережья Кубани выстояли нашествие ещё 50 лет, до середины III века. Их жители остались непобедимыми, оставив свои дома по велению своего сердца и предвидению своих жриц и скептухов, а не по воле врага.

Много веков спустя великий кубанский археолог Н.В. Анфимов раскопает на высоком правобережье Кубани странный сарматский курган того самого судьбоносного III века, не вписывающийся в устоявшиеся каноны погребений. В нём, давно задернованном к середине того столетия новыми слоями земли, а следовательно возвышавшемся над уже много десятилетий как заброшенным древними жителями городищем, нашли новое впускное погребение знатной и богатой, в изысканно сплетённых золотом ожерельях и гривнах и иных парадных украшениях, сарматки. Она пришла наверняка издалека, через 50, а может и более

лет после того, как отсюда ушли последние жители этих мест. Как будто из прошлого вернулась хранящая некую святую память сарматка. Пришла живой с единственной целью – умереть именно здесь, чтобы быть погребённой именно в этом кургане давно потерянной цивилизации. Вот просто пришла и умерла, найдя упокоение там, где свершилось когда-то некое таинство верности сарматскому воинству и единственной любви. И кто знает – какое поколение наследников Хубана, Метеи и Раксимоды – последних из настоящих могикан – сохранили эту верность дерзким предпочтениям сармат – отчаянно драться за своих и свои земли, почитать погибших и погребённых с почётом в курганных богатых катакомбах героев, пить из дорогих золотых ритонов заморское авторское уникальное вино, а если умирать, то в золоте и в полёте к богам вместе со своими лошадами и на последнем вздохе любви к своим прекрасным женщинам.

После засух III века – ровно в 400-м году, на Вардан (Кубань) пришло обледенение, замёрзло даже Чёрное море. А за ним в степи вторглись с востока дикие лютые племена гуннов.

Вы спросите: "Куда ушли сарматы, оставив непобеждённые нетронутые врагом городища?"

Отвечу вам:

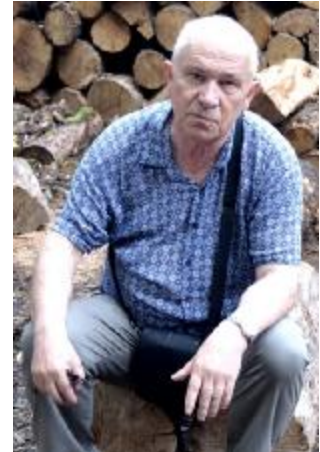
– Да прямо в небо, с которым умели договариваться с надеждой о возрождении – реинкарнации в родных, некогда обжитых местах своего Золотого кладбища!

* * *

Не спрашивайте –
кто там лежит в курганах?
Каким народом их здесь нарекли?
Где их столица, чтобы ей гордиться?
Где кованы их славные клинки?
И, как весенняя гроза,
взывает их под образа рогов оленных?
Антеннами смущая небеса,
им суждено раскидисто ветвиться
в торжественном металле жезла жрицы.
В том жезле и краса и тайный код –
икона истины нетленной,
тома звериной мудрости
неписанных традиций.
И в радость здесь лежащим –
умереть в сраженьи!
Им – всадникам лихим,
с богами есть о чём договориться,
чтоб "смертью смерть поправ",
воспрянуть к новому рождению!
В том вера их, надежда, и любовь,
и Божье проведенье...
Потом..., когда-нибудь..., через века...
прийти на эти берега...
Опять живым... Быть может, не надолго...
И не навсегда...
Хотя бы иногда... Хотя бы иногда...
Скрижали тех неписанных страниц
от нас уж далеки.
Сарматы и меоты – то только ваши тайны,
и той гряды курганов погребальных,
что молча смотрят в звёзды у реки,
ледея в глубине оленный жезл сакральный.

НИКОЛАЙ ИВЕНШЕВ

Краснодарский край

Ивеншев Николай Алексеевич родился в селе Верхняя Маза Ульяновской области. Поэт, прозаик, публицист. Печатался в журналах "Москва", "Наш современник", "Дон", "Родная Кубань". Сборник газеты "Литературная Россия".

Лауреат различных российских и международных конкурсов, а также диплома "Серебряное перо Руси". Лауреат литературных премий, среди которых краевая литературная премия им. Е. Степановой (за последнюю книгу трилогии о героях войн "Заслон", куда кроме неё вошли книги "Земные звёзды" и "Взвод"), Международная премия "Душа прикоснулась к душе" (2004), премия имени Антона Дельвига (Москва, 2007).

Николай Ивеншев – заслуженный работник культуры Кубани, режиссёр Поэтического театра "Мельпомена", член Союза писателей России.

КОМАНДИРСКИЙ ЗАВОД

Рассказ

1.

Василий Куприянов почесал бровь:

– Ты, дурья башка, понимаешь, кто тебе руку жал?! Что это была за птица?

Иван тряхнул головой, мол, куда мне, и усмехнулся.

– Понимаешь, якорь те в нос, куда ты сейчас подымешься, в какие верха маханешь?! У меня у самого кровь в жилах кипит. И я тебя уважаю, как старшего брата.

– Это почему так? – отвернулся от соседа Иван Букреев. Ему было неловко.

– А тут и понимать нечего. Кто ты был? Голь и чудо в заплатках. Так?.. Шелишпёр. Ни кола, ни двора. Всей живности – жаба в дырявом хлеву, тока что трактор чужой. А что трактор, от него не укусишь, железяка.

Букреев опять усмехнулся:

– Зачем его кусать, он и сам лягнуть может.

– Вот-вот. А кусать ты будешь. Но не железяку. Заставлю. Тэк-тэк... Завтра поросёнка порешу, половину тебе топориком отмахну, чтобы каждый день вы с Манькой да детишками не хреном с редькой давились, а нормально

харчевались, котлетками. Тэк-тэк... И ничего за это не возьму. Ещё и требухи доведу. Героев труда обслуживать надо, как в ресторане. Был когда-нибудь там?

– Не доводилось. И зачем? Чай, не बारे!

– Побываешь. Тебя в Москву отправят, как пить, показывать будут. Вертеть с разных сторон. На выставку. Ты ж сельский стахановец. И Маньку захватишь. Бабы по ресторанам жуть как любят ходить. Ничё им не надо. Ресторан да потребкооперацию. Чулки ей справишь из шёлка. А жабу?.. Лягуху оставишь в сарае. Пусть тоскует, квакает. Ждёт.

– Не, с собой жабу заберу, для смеха, – Иван отмяк и улыбнулся вполне простодушно.

– Чё ты, Василь, выдумываешь. Сказки баишь...

– Ты, якорь те в нос, счастья не понимаешь! Это кто часы тебе заводил? Кто? Я спрашиваю! Именные часики со звоном кто тебе на ход ставил?!

– Командир какой-то...

Куприянов вывалил толстый язык:

– Командир! Эх ты, дурьнда! Этот командир почти целой армией командовал, беляков со свистом рубил, как моя Дунька капусту. Ты знаешь, из чего у него одёжа-то шита, штаны? Голифе. Думаешь кожаные? Ха-ха-ха... Креп-

ко ошибаешься. Из стальных ниток. Волк не загрызет, не то что пуля... Ванюш, а скажи, зачем они тебе?

– Кто зачем? Что зачем? Штаны?

– Часы!

– Подарок же... И потом я по ним уже наловчился... На работу подыматься. Ночью просыпаюсь, гляжу.

– Хе, на работу. Я тебе своего бойцового рыжего петуха принесу, так горланит, мёртвого разбудит. Хочешь петуха? Горланит, на Отрубном слышно. Сильней Маньки Осьмушки.

– Не, не хочу. У меня на всякий случай Машка есть. Она тоже зевластая. К чему это ты? К чему турусы развёл?

– Трусы! Не буду крутить. А вот чё скажу... В лоб. Выкинь ты эти командирские часы. Беду принесут! В печку их, на растопку. Сейчас начальников, бывших, врагами объявляют.

Куприянов оглянулся, убавил язык. Он у него, как тесьма в лампе, то больше, то меньше:

– Может, и правильно. Заедаются командиры. И норовят сразу сигануть в шпионы. Мол, за границей веселей. Рестораны чище. И чулки для их баб-то из крокодиловой кожи. На золоте и серебре там не жрут, а кушают. Выкинь часики. Иль мне отдай. На хранение. Я найду им место. У меня не найдут. Я поросю прятал, так шиш им. Нюхали, крандашом по столу стучали. А шиш с маслом!

– Нет! – набычился Иван Букреев. – Я их за труд получил. Что мне эти командиры?! – А то! Часики-то заразные. Фокус простой. Кому часики дарят, значит, вербуют.

– В шпионы что ль? Кто у нас сказочник?! Я или ты? Проспись, Василь. Мне неколи, слегу к повети пригнать надо, а то зимой завалится, придавит кого.

– Ты чё? Опасности не понимаешь... Отдай их мне на хранение. Целы будут. И ты будешь цел, и механизм твой.

– Чё пристал. Я сказал уже. Сказал?! Твёрдо.

– Тэк-тэк... Тогда дай мне их в руках повертеть.

– Василь, не зли меня! Я трактор свой, Пелагею свою, в чужие руки не пускаю. А тут, эка механизм какой нежный. Отдать? Тебе? Тебе?! Руки-то у тебя в сраке. Ты их живо раскурочишь.

Пелагеей Иван Букреев звал гусеничный трактор "Катарпиллер".

– Не знаешь ты меня, Букреев, эх, не знааааешь. Зазнался. Покажи хоть издали.

Иван Букреев отступил от соседа метров на десять и осторожно вытянул из кармана луковицу часов.

– Там и надпись есть? – сипло спросил сосед. У него сел голос.

– А как же. Ударнику труда Ивану Букрееву. Вооо, как на конфетке. С финтифлюшками.

– Не знаешь ты меня, Иван, для тебя ведь стараюсь. Ты, это, якорь те в нос... Детишков вон сколько у тебя. Наплодил... Дурное дело не хитрое. Ну, детишков-то ладно. Завтра поросю срубим. Я от своих слов не отказываюсь.

Букреев, соседу показалось, дразнил, качнул часами, к которым была прикреплена витая жёлтая цепочка.

– Лады, прячь сокровище! – вяло просипел Куприянов. – Завтра свежатинкой лакомиться будешь. Сказал – отрубил.

– Ага, держи карман. Не буду.

– Тетеря, ты не понял. Сквороду готовь на мясо.

– Ещё как понял. Нам не надо.

– Чё ты занекал? Гордыня заела?

– Сказал, не надо никакой свинины. Мы уж как-нибудь сами.

– Знаю, чем кормят в столовой-то вашей общественной, скотским колобом. Разобьют и – в кастрюлю. Лузга одна.

– Ничё. Зато питательно. Чем мы лучше скотов?! Скоты натуральные.

Отказ от мяса задел Куприянова.

– Пойми, Ваня, я же от всей души. Мы ведь с тобой вместе в козны играли, пока скотину не всю забрали. И ты мне, было дело, поддавался, жалел. Ты меткий, Ванюш, но с часами точно промажешь.

Лицо у Букреева стало багровым. Он замахал тёмной ладонью:

– Да, я меткий. Принесёшь мясо, я тебе окна лопатой повыбиваю. Знай!

– Ты чё? Ты чё?! Чё, белены объелся?! Вот и делай добро людям. Зазнался ты, Иван Букреев, жизни не чувствуешь. Ударник! А ты спроси свою Машку да детеньшей, хотят ли они мяса свиного, с салцевичем, жареного, спроси, якорь те в нос.

Иван взял себя в руки:

– Извини, отлынь. Ты нынче как репей, то часы ему, а то мясо девать некуда. Мне, вон, слегу обтесать да воткнуть её, крыша на дворе жахнется.

– Лады, пойду я. Вольному воля, спасённому рай.

Василий поморщился и, сам уже не понимая зачем, ляпнул:

– И рыжего кочета не хочешь? Тэк-тэк.

Он увидел, как блеснули глаза соседа и быстро распахнул калитку, штакетины на которой были перевязаны ржавой проволокой.

* * *

Когда Иван Букреев ладил слегу, подсовывая её под сырые, твёрдые, как листовое железо, пласты старой соломы, на ум пришла поговорка: "Осина не лесина, коза не скотина, а баба – не человек". Чего она прилипла, как в бане лист. Баба не человек. Ерунда это. Со зла придумано. Его Мария была человеком. И человеком лучше его самого. В сто с лишним раз лучше.

Но вот осина, действительно, не лесина. Лезла она под пласты туго. Вертишь-крутишь, вилами поднимаешь, всё равно ни в какую. И кувалдой надавал, и сам вис, щель расширял. Чуть пупок не надорвал. Похэкал, погекал. И всё же победил, легло брёвнышко. Ещё бы свежей соломки накидать. Может, у бригадира, у Василича выпросит. Как ударнику, дадут, куда денутся. Он усмехнулся про себя: "На выставку! Повертят". Копёшку одну и надо-то. Всё равно ведь в поле солома сгниёт. Сколько он этой соломы запахал. А домой не велят, подрыв это. И всё же, несмотря на удачу с осиновой жердью, что-то как дрелью сверлило. Надо домой.

Ребятишки были на речке. Там еще вода не остыла. И то, осень лишь заглянула к ним, не вошла.

Мария возилась с чугунами. И мыть-то нечего, и возиться-то не с чем. Кабак да бурак. Бурак да кабак. Думал удивить:

– А жмот-то наш, завтра пороса колет, обещал мяса отрубить. За так.

Мария присела на табурет.

– Даааа! Ты про кого?

– Про кого-кого, про Куприянова. Шабра.

– Жмот. Истинный жмот, – только и могла она вымолвить. – Зачем? Они же... У них же зимой снега...

И заморгала.

– Детишек наших пожалел, мол, по соседски, по-родственному.

– Правда что ль?

– Чистая!

– Крестись.

И Иван было поднял пальцы, обернувшись к приклеенному к простенку мятому портрету Карла Маркса, да опомнился:

– Ты чё, очумела?!

Жена потрясла головой:

– Не понимаю. Мне мамка всегда говорила. Богатые – жмоты. Ммм... И чё, всамдель принесет? Не верю я. Чего-то хочет от нас кулачина.

– Не... Я отказался.

– Как?

– А вот так.

Тихо стало, даже ушам больно.

– Богатые жмоты...

– За так сулил. За спасибо.

Жена вскочила с табурета и опять мотнула головой и замахала пальцем у Иванова носа:

– Неее, я знаю, что ты чудачина-простофиля... Но... Нооо... Но... Не но неее... – она захлебнулась словами. – Но-не... Щчастье само прёт, как твой трактор, а ты от него чухаешься!

И зачатила:

– Я бы это мясо у портнихи Анюрки Козловой выменяла на отрез для штанов, ведь Вальке-то нашему в школу идтить, чё он голый туда за парты-то. К доске вызовут. А он жопой вилять, без штанов. Ты того. Свихнулся всамдель. А из клочков, клинышки выйдут, для одеяльца.

– Выкрутимся, Маш! – только сейчас Иван понял, что сморозил лишнее про соседскую щедрость. – Перебьёмся, Маш! Может, что за трудодни дадут. В прошлом году ударникам сукна выделяли по полторы метры. В дырках, правда, моль немного того, покусала. Но бабы, та же Анюрка, сообщают: выкроить можно. Бастон какой-то. Из Америки, как моя Пелагея. Как трактор.

– Жди... Думаю вот что, – Мария шумно втянула воздух. – Тебе награду продать придётся. В городе. Ювелиры какие-то принимают. Я узнала. Платят дюже гоже. Отвезёшь! Как пить дать, отвезёшь. Это там, за лесопилкой.

– Ты, Марусь, сама того, у самой шарик за ролик зашёл, кто подарок-то вручил? А? Он от командира Красной Армии! – Иван тоже

шмыгнул носом. – Я сам чую, что мясо-то Васька не просто так хотел, а за часы. Ну, жмот, тот спрячет. Он мастак. А ювелиру твоему продам – так мигом пульнут, куда Макар телят не гонял.

– Ну, и чё? Посадят. И чё? Не рассыплешься. Ради детей. Посидишь, маленько, не убудет от тебя. Там, грит, харч жирный, на гусином жиру. Отдай часы жмоту. Зачем они? Игрушка. Тики-таки. В бирюльки что ль баловаться?

– Не, Маш, я за них ответственный. Приедет тот командир на лакированной легковушке и спросит: "Иван, как мои часы? Ходят?". Что я ему скажу? Убежали, мол?

– Держи карман, приедет... Нужен ты ему... Ты, вот что, дурака не валяй, а шуруй сейчас к жмоту. Скажи, что от свинины не отказываешься. Берёшь! Потом, мол, весной расплатишься. Сестра должна с Сибири приехать, Катерина всегда не с пустыми руками... Гостинцы. Орехов привезёт, зубчиков этих мелких.

– Нет, не пойду я, – зло отрубил Иван.

Но сам стал вяло собираться. Штаны белой щеткой почистил. Руки сполоснул под ручкомойником. Надо бы язычок у него подточить. Болтается. Машка, её не поймёшь, подошла к нему и тёплой ладонью примяла вихор. Да, она победила, как он осину ту оструганную.

Сосед встретил его хорошо, будто и не было у них никакой размолвки. Василий топором таял махорку в узкой, тёмной колоде. Жирные листки табака липли к лезвию топора, и всюду пахло крепко, одуряюще. Приятно.

Василий дёрнул весёлой губой, будто ждал его.

– Знал, что вернёшься, знал, что придёшь. Часы принёс?

– Я ведь сказал. Неее, моё слово – кремень.

– Хорошо, хорошо, Тэк-теэк... – Куприянов черпнул ладонью рубленую, жирную смесь. – Дух стоит, чуешь? Хочешь нюхнуть? А скажу вот как. Часы твои, заразные, мне нужны, как Жучке пятая нога. А признаюсь тебе, соседушка, я проверить хотел на жмотность. Корку с тебя снять.

– Проверил?

– Не совсем. Так-то жмот. Но... мягкий. Я ж вижу, как вы с Марией крутитесь. Жилы

рвёте. И думаете, что я кулачина какой, что меня на каркалык надо. Сдать на органы...

– На какие ещё органы?

– Им. На мыло. Они ведь из крестьян мыло варят.

Иван вздёрнул губы.

– А я чужую душу понимаю. Завтра мясца отрежу. Ну, не полсвиньи. А солидно. Я ж этого поросёнка прятал, рисковал. От переписи уберёг. Приходили с сельсовета, так Райка моя три дня поносила потом.

Ивану Букрееву почему-то стало стыдно за свои прежние мысли о соседе. Так вот. Никогда не надо думать дурного. Люди по чертежам построены. Как его Пелагея. Иван обрадовался ещё и тому, что ничего не надо объяснять, валиться на колени. Сосед сам понял и сам простил.

– Хочешь, я тебе долото отдам, ну то, с царским клеймом, что от деда осталось? – заглянул в жёлтые, добрые глаза соседа Букреев.

– Неее, не надо мне долота. Тем более с клеймом. Ты, Ванюш, дурак что ль, и не лежишься? Возьми, вон, в чулане балакирь молока детишкам, от козы. Корова-то у меня в колхозе на танцах. А козу разрешили. Поблажка. Ты подальше бы от этих клейм. Подальше, Ванюша! И Мария твоя царские песни поет.

2.

За пятьдесят лет Василий Куприянов изменился полностью. Старость меняет человека, и всё же черты угадать можно. Следы молодости остаются и в старике. Глаза линяют? Но... те же глаза. Угадаешь их. Голос. Ужимки и прыжки. Походку. У Василия Куприянова от прежнего молодого мужика остался лишь язык, спрятанный за жестко приваренные из железа зубы. Он, как зашёл с порога, так сразу сунул в руки соседа поллитру. Блеснул своей зубной сталью и язык вывалил:

– На!

– Зачем? – моргнул глазами Иван. – Я не уважаю.

– Держи, держи зелье. И я тоже. Печёнка села, отпил. Цистерну высосал. Сядем, чокнемся, погутарим. А это – для блезиру.

– Чё командуешь?! Дома командуй. Посидеть можно. Проходи, Василь Коньсенсинич. Погутарим. Чё-то нынче темнеть стало с обеда.

– Некем командовать, – Куприянов потоптался у порога. – Один кот за мной числится. И то весь день на печке дрыхнет. Глаз откроет,

усом шевельнёт. Во, жисть! Как у мистера! А ты, вон, облысел, яйцо яйцом.

Василия на фронте контузило. Ходил он вроде пьяного, сам подшучивал – "кренделями". Шагнул к покрытому клетчатой клеёнкой столу, смахнул с плеча извёстку. За стену чиркнул всё же.

Иван Букреев застучал стаканами.

Сосед откликнулся:

– Да не мой ты их! Зараза к заразе не пристаёт. Да и пить не будем.

И просипел:

– Эх, пить будем, да гулять будем, а смерть придёт, умирать будем. Отпились.

Коленка у него дёрнулась.

– Огурчика солёного порежу. На дубовом листе огурец-то. Хлеб у меня, правда, чёрствый.

– Посидим. А то живём рядом, а как не родные: здравствуй – до свидания. Кака – к каке.

– Силы не те, чтобы разговоры разговаривать.

– Дюже стары. Уже все там, на станции, а мы скрипим. Уцелели.

– Дак, примим по единой...

– Как это?

– За себя и за того парня. Ты чё пришёл, надо чё? Струмент какой?

– Разливай, чокнемся хоть. Даааа... Мало осталось нашего года.

– Не стало. Меня, вон, в школу пригласили, к доске выставили, думали, фронтовик: "Расскажите, Иван Денисович, страшно там было?" Сообщаю: "Страшно!" И вру. Вру им, как в кино. Куда на попятный! Чё малым скажешь? Не будешь же про хозяйские прохари молоть... Разливай!

Василий Куприянов остановил свою дергающую коленку.

– А ты не думал, Иван, что судьбы у нас одинаковые. Как два ореха. Я на фронте пушку тягал, ты бревна – там, – Куприянов показал на занавешенное окно, словно в пропасть. Где тяжельше, и хрен знает. Цццц!

Иван отщипнул от горбушки, пожевал:

– Ну, я-то не жалюсь. Мне там хорошо было. Честно тебе скажу. Очень даже... Гмм... хорошо... – он долго поглядел на соседа. – Собаками травили. Но с бушлатом подфартило, не каждая собака его брала. А как подумаешь, что мужики-то все на фронте, дэк и темячко

почешешь. Дааа... хорошо... там... Голодно, но жить можно.

– Что интересно, – оживился сосед. – И на фронте тоже лучше, чем сейчас. Счас – тьма! Ночи африканские. Что я такое буровлю? Ляжешь на койку, думаешь, вспоминаешь, вроде ничего и лучше в жизни не было. Может, от того, что смерть кругом, а ты – живёшь. Орёшь во всю глотку. Ааааа-аааа-а! За Ррррродину! Да и вот у убитого... У Ганса, у фрица обрыбится – так банку консервов вытащишь, шнапсу. И, надо же, Денисыч, никакой грипп не брал. И знаешь, шабер, они умирали как-то... Ну, как скульптуры делались убитые. Камни.

– Судьба у нас, ты прав, одинакова, Василь Коньсиньсиныч. Ты свою Дунярку в землю закопал. И моя Мария туда же за ней... Под дёрен. Одни. Скоро сами сдохнем.

– Давай ещё чокнемся, – шмыгнул носом Куприянов. – Я не употребляю, а вроде рябит. А ехали туда как? Говорят, не каждый доехал?

– Куда ехали?

– Куда, куда? Закудахтал. Туда!

– Это да. Тут тяжело. На других тяжко было глядеть. Баба одна рожала, а потом ребёнка-то... На рельсу. Как кочерьяжку капустную швырнула. Но человек привыкает... Жулик он и на чистых простынях, шёлковых, ворочается. А мы – в соломе, на голых досках, в телятнике. Вонница такая, мёртвых выноси. А приехали в голую степь. Голодные. Волки. Друг дружку готовы слопать. Прибыли тайгу подымать... Ждём, губы кусаем. Глядь: подогнали... Бочку. А наливать баланду не в чего. Раздатчик половником вертит, серчает. Вот те фокус. Хоть в рот лей. У кого-то было во что. А у меня – лишь два бустыла, руки. Вот в пригоршни-то и плескали баланду. Она – огонь. Очередь ревет, ногами топают: "Давай, земля, шуруй дальше, не в сортире!"

Букреев вздохнул.

– Ну, нас-то потчевали дюже. Даже жирную сёледку... Потери когда были, рады-радешеньки. Две порции – в одно горло. Там, знаешь, Вань, животом живёшь. Одним животом. Да, якорь те в нос. Кишками. Пока меня не контузило. Ну, и шутки там были. Весело, короче, – Куприянов повертел бутылку. – Гммм, на берёзовых почках. Врут! Тоже клоуны.

Иван поднял на соседа глаза, дёрнул лысиной:

– Куда без шуток, – и мелким голосом пропел матерную частушку: – "Мимо тещино-го дома я без шуток не хожу..."

Остальные слова были сплошь мат на мате. Букреев замолк, застыдился.

– И у нас были. Чё порю, чепуху какую-то... Попал к нам доходяга, то ли он учитель, то ли выше. Потеха одна. Кличка, погоняло "Пардон". Он извинялся так, вроде по-французски. Сунет кого костлявым локтем: "Пардон!". А уж коли Пардон боялся чего, газы выпускал. Его из-за этого из одного барака в другой совали. Охрана потешалась. Одни нос затыкают, другие за живот хватаются. Смешно. Пердун, мол, а не Пардон. Иные с кандибобером кликали: "Пэрдун". Тоже весело. А счас подумаешь... Звери! И я такой же. Тоже ржал. Тоже подхохатывал.

Василий Куприянов нахмурился, залез в карман пиджака, черпнул оттуда горсть тёмной пыли:

– Табак. Нюхаю! Курить врачи запретили. Вот нюхаю. А, помнишь, какая у меня махра была? Что у чёрта в аду. Злющая! Насквозь продирала. Я вот чё пришёл? Расспросить, сопоставить – где лучше. У вас там, в Сибири, или у нас с орудием на плече. Или вот, – он опять унял колено, – в миру.

– В тылу.

– Я селёдочку кушал, а тут – жмыхом снедали. Всё не решаюсь спросить. За что тебя-то фуганули?..

Иван Букреев опять пожевал корку. Увидел, как у соседа вывалился наружу мясистый язык.

– Будто не знаешь? Ты же всё и угадал. Надо было тебя послушать, выкинуть эти часы в речку. Или тебе, чтобы сховал.

– То-то...

– А я на них любовался. Бирюльки! Мария так говорила... Ну, молодой, глупый, чё возьмёшь? Дурень! Я потом узнал, что этого командира, что мне часы заводил, у него фамилия была Контра, раньше меня взяли. Ну, не из-за фамилии же. Это у них там, в городах, как в кино показывают, на чёрных машинах. Будто дворян. А у нас по-сельски. Чтобы сами приплюхали. Мне повестку из военкомата почтариха принесла. Оттуда, из военкомата, и забрали. Двое. В зелёных рубашках. Один папиросы курил "Казбек". С конём. "Угощайтесь", – грит. Я – ему: "Не балуюсь". А он как взглянет! Забалуешься тут. Помню, клянчил я,

чтобы на Машку с детками взглянуть перед смертью, боле ничего не хотел. Они лишь головами взбрыкивали. Да вот еще трактор, "Катарпиллар", сказал этому, чтобы передал бригадиру, чтобы Кольке Кутнаеву отдал. Он к технике лучше, чем к жинке. Так эти, в расстёгнутых рубахах, потные, опять регочут.

– Били?

– Не без того. Как без этого. Били гоже. Гоже! – Иван взглянул на чисто побелённый потолок с таким видом, словно битёе наслаждением было. – Я потом узнал, у древних китайцев научились. Разум теряешь. И не больно. Как тюк соломы делаешься. Я ведь их тоже понимал. Народ надо на строительство поворачивать, а он в шпионы норовит.

– Командир твой, Контра Дмитрий Иович, не шпион был. Герой гражданской. Потом я в газетке читал...

– Вообще, правильно сделали, что дубасили, и на фронт тебя погнали, пушку тягать, тоже правильно. Закалились. И вон того ж учёного, хоть Пердуна, сунь в клеть, он от нечего делать оружие для страны накумекает...

– Ну, уж это ты брось! – осерчал Василий Куприянов. – Я, вообще-то с тобой по душам пришёл поговорить, а ты чё-то хитришь, власть жестокою хвалишь. Я читать на досуге приучился. И даже вот, стихи. Некрасова. Слухай: "Люди холопского званья, сущие псы иногда, чем тяжелей наказанье, тем им милей господа..." Мы ж холопы. Поголовно. Рабы! И по сию пору. Давай хлебнём водочки-то по глотку, ничего с ней, моей печёнкой не случится.

Иван помолчал и взялся за стакан:

– Можно. Гхम्म.

Пить водку ни у того, ни у другого не получалось. Не шла.

– Раньше лебедем пролетала, счас – стальным шилом. Ладно. А я-то что, Иван Денисович... Если я тебе признаюсь, что это я... Если признаться...

– Что ты?

– Я на тебя... Ну, как это сейчас говорят... Настучал. Сдал тебя. Как вычитал в газете "Правда", что того командира, Контру, посадили, я ноги в руки и – в город. Там – заявление с кляксами. Помню, как в конторе эти-то... морщились. Брезговали. Для них, наверно, чудно было. Хотя для своей шкуры, чё не делаешь. А я не для шкуры. Постой, дай договорю. Постой, не влезай! Я... ммм... Мстил.

Да, не маши ты рукой. За отказ твой мстил, за часики с цепкой!

– Врёшь ты всё, Васёк, – морщины на лице у Букреева стали толстыми, лысина стала синей. – Мне показывали листы. Врёшь, как сивый мерин. Этот командир не одному мне часики дарил. Там про тебя ничего сказано не было.

– Ну, это понятно. Но, запомни! Я тебя, клянусь, сдал! И себя вместе с тобой тоже сдал. Сука я! Но перед могилой хочу сказать... По молодости вроде ничё. Сдал и сдал.

Язык у него стал чуть не во всё лицо, глаза жёлтые, злые.

– Нечего было с часами кочевряжиться! – и издал нечто вроде смешка. – Они у тебя?

Букреев напрягся:

– Домой припылили, Мария отдала. Может, в музее они. Или у них. У них! Хэ-хэ-хэ.

– Не лыбься. А фокус не хочешь? Как в цирке.

– Давай! – двинул бровью Иван Букреев. И допил свою водку одним махом.

Василий ловко сунул руку во внутренний карман пиджака и так же ловко, как большую, головастую рыбину, выдернул оттуда луковичку часов.

Замолчали оба.

– Вот как старость-то подгрребла, так я стал думать. Ночью, проснусь. Ни в одном глазу. Околою ведь скоро. Не знаю, есть ли тот свет. Не ведаю. Наверно, нет его. Очень уж легко на фронте люди умирали, словно, вон, в московском метро, с одной ветки на другую. Был в метро-то?

– Нет. Не довелось.

– И каждую ночь меня словно распиливают, словно сверлят. Буравчиком жалит, до сердца достаёт. Как на допросе с того света... Я не знаю. Что это? В церкву ходил, священнику признался. Поп, точно лоб толоконный, мягко проблеял: "Бог простит". Поверил попу, а паралик не отпускает. Жрёт. Точит. К тебе вот пришёл. Винюсь! Может, на коленки встать? Да лоб – в смятку!

Букреев подошёл к окну, отодвинул занавеску, поглядел в темноту.

– Темно там... Пришёл. И хорошо. Не наговаривай на себя. Может, ты хотел только – сдать меня. Хотел, но не... А не поехал туда. Я знаю, ты не по-е-хал. Верю, не ездил!

– А часы?

Василий подкинул тяжёлый оладий часов на ладони:

– Хотя вру, – он деланно, сухо рассмеялся.

– Купил их на рынке, на Рашпилевской. Там всяким шмотьём, ложками, плошками торговали, бюстами разными. Деньгами советскими.

И опять хохотнул.

Букреев остановил:

– Чё ты ваньку валяешь! Темно на улице. Тьма. Как там... Ну, давай! Гляну.

Букреев присел к столу, принял часы, повертел их, к уху поднёс.

– Ходят! Цок-цок. Вооо... Ходят! Всё переходили! И хлад, и глад...

Сосед подхватил:

– Командирский завод! Нас не станет, а они фурычат. А они, как пионер-герои.

– Нееее! Это не мой механизм. Тон у них не такой. Я этот тон до мелкой детали помню. У моих такой твёрдый тон, а этот с тонким дребезгом. Хотя часы точь-в-точь. И надпись почти что та. Но тогда все штамповали под одну гребенку. Как и сейчас. Время-то нечего винить, оно всегда одинаково. И меня ты, Коньсиньсиныч, никуда не сдавал. Ты водку-то назад забирать будешь?

Лицо у Василия Куприянова забегало: то тёмное оно, то белое, то, вообще, в полоску, как шлагбаум на бывшей ферме, куда Иван силос возил.

– Да. Часы другие. Не те часы! А я ведь именно твои хотел. И вот тогда началось, тоска эта, горе, – он скривил губы, вроде улыбки. – А водка? Чего ещё? Чего ещё надумал. Слей в бутылку, через воронку, себе на компрессы. Кости погрей.

Он с трудом поднялся и, шатаясь, побрёл к обитой войлоком двери.

ВЛАДИМИР РОМАНОВ

Краснодар

Романов Владимир Васильевич, член Союза писателей России и Международного Союза писателей и мастеров искусств, член правления Краснодарского регионального отделения СПР, родился в в Пермской области. Выпускник факультета механизации Ставропольского сельскохозяйственного института (1977). Автор поэтических сборников "Мелодия души", "Решает миг, но предрешает час", "Ступени к самому себе", "Возьми мои книги", "Вся жизнь – торги", "Однажды", а также сборников прозы "Флэшка", "Осколки памяти или Витюшкины истории" и других.

ДЕЛА ЛИТЕРАТУРНЫЕ

(Глава из 2-й книги романа "То, что живёт в нас или утрачиваемые иллюзии")

Утром, чуть свет, позвонил Уранов. Владислав, только что вышедший из ванной, не услышал вибрации мобильного, а последовавшая за этим мелодия в утренней тишине прогремела иерихонской трубой. Романцев схватил телефон с прикроватной тумбочки:

– Влад, доброе утро. Не разбудил?

Владислав, прижимая трубку к уху, быстро проскользнул в кухню, плотно прикрыв за собою дверь:

– Доброе утро, Григорий Никитич. Я-то на ногах, а вот Рита ещё спит.

– Ну, извиняй. Дело не терпит отлагательств. Надо бы сегодня встретиться.

– А что случилось? Нынче вроде только среда – до воскресенья ещё четыре дня.

– А вот как раз до воскресенья и надо нам с тобой одну тему обсудить. Ты вечером ко мне не заглянешь? Заодно и с компьютером поможешь – у меня что-то "Опера" себя странно ведёт.

– А что такое? – Романцев, будучи относительно продвинутым пользователем, периодически просвещал семидесятилетнего литературного шефа в премудростях работы с персоналкой.

– Да вчера с утра всё было нормально, а потом вдруг перестала поиск выполнять: надо было мне фотографии тематические найти, так она страничку нужную по запросу отыскала, а фотографии, такая-сякая, раскрывать не захотела...

– Ну, так надо просто браузер обновить, и все дела.

– Ты, Влад, мне говоришь так, как будто я что-то в этой китайской грамоте понимаю...

– Ладно, к вечеру подбегу, наладим ваш интернет, – Владислав дал отбой.

Когда они познакомились лет восемь назад, Уранов, будучи на тот момент известным писателем с послужным списком в семьдесят с лишком книг, уже работал с компьютером, но в качестве текстового редактора использовал "Лексикон" в ДОСовском варианте. Романцев предложил ему перейти на современный офисный комплект с "Wordom", аргументируя это тем, что писатель по своей неопытности создаёт трудности издательствам, с которыми сотрудничает – там уже давным-давно такие программы не применяют. Григорий Никитич возражал: мол, у него все архивы набраны в устаревшем "Лексиконе", а файлы, соответственно, были поименованы восьмибуквенной абракадаброй. Мрак, одним словом!

Убеждать пришлось долго, порой дело доходило до ссор, но зато потом, лет пять спустя, обычно не щедрый на похвалы писатель, осво-

ив азы работы с новым, гораздо более удобным редактором, оценил романцевское упорство по достоинству.

Возглавляемое Урановым литературное объединение существовало в городе уже более десяти лет. Заседания проводились два раза в месяц по воскресеньям на первом этаже двухэтажного дома Григория Никитича в комнате, выделенной хозяином под библиотеку. Обычно собиралось сюда от десяти до двадцати человек любителей "изящной словесности". Приезжали не только городские, но также люди из соседних сёл, а частенько и представители литературных объединений из других районов. В этих случаях в библиотеке размещались с трудом, поскольку приехавших набивалось в не столь великое помещение, как латвийских шпрот в банке. И тогда становилось по-настоящему жарко не только от плотно сидящих друг к другу людей, но и от споров, перемежающихся весёлыми шутками, чтения стихов и прозы (стихов было больше) и напористого обсуждения услышанного.

Вечером, как и обещал, Владислав явился к Уранову. Солнце уже садилось, было предсмеречно, но пока светло. Крыши домов и голые ещё тополя на противоположной стороне улицы, постепенно теряя сочность цвета, чёткими контурами обозначались на фоне закатного с редкими, подсвеченными падавшим за горизонт светилком облаками неба. Открыв давно знакомую калитку, он прошёл через двор и вошёл в дом. Своих тут встречать было не принято. Разувшись в прихожей и повесив куртку на вешалку, Романцев по крутой деревянной в два марша лестнице сразу поднялся на второй этаж к писателю в кабинет, вдоль стен которого стояли не раз им рассмотренные стеллажи, от пола до потолка заполненные образцами литературных трудов хозяина. Григорий Никитич, как всегда нахохлившись, сидел за компьютером и что-то набирал на клавиатуре в желтоватом свете настольной лампы на высоком пружинном штативе.

Поздоровавшись, Уранов без вступлений уступил Владиславу место за столом, и пока тот подключался к интернету и управлялся с поиском сайта с переустановкой "Оперы", начал излагать:

– Влад, не мне тебе рассказывать, какие у нас проблемы с отделом культуры нашей администрации...

– Тут вернее было бы сказать – отсутствие всяких проблем, – откликнулся Романцев, поставив обновление браузера на загрузку, – поскольку какие у нас взаимоотношения с администрацией? Раз в год видим нашу "культурную даму" на мероприятиях, на которых просто нельзя не быть. Вот и всё.

– Ты знаешь, когда я начинаю об этом думать, то прихожу в недоумение, – Уранов поворожался, удобнее устраиваясь в стареньком кресле за спиной Владислава, – Ведь из нашего района вышли известные на всю страну писатели и мы, строго говоря, стали продолжателями их дела. Я вот тут терпел-терпел да на днях написал статью в нашу газету, и вчера её опубликовали. Там я описал, что наших литераторов ценят не только в нашем регионе, но и во многих других местах России, а вот в нашем городе этих людей почти не знают. Местное телевидение и радио ими не интересуются, жителям о них не рассказывают. Но наши-то потомки через сто лет вспомнят, надеюсь, не самых богатых предпринимателей города, не самых высоких чиновников, а лучших писателей, скульпторов и художников-земляков. Именно эти люди принесут ему славу – это я тебе уже самого себя цитирую.

Ты же знаешь, что я несколько раз обращался в отдел образования с предложением, чтобы наши поэты и писатели выступали в школах на уроках изучения родного края, чтобы наши краеведы рассказывали учащимся о своём родном городе, о районе и даже предложил составить график посещений членами объединения различных городских и районных школ.

– Я, Григорий Никитич, когда пытаюсь осмыслить сложившуюся ситуацию и не только у нас, а в целом по стране, исходя из того, что вижу по "ящику", выуживаю из интернета и своих собственных ощущений мира, тоже прихожу в недоумение от того, как люди, которые по должности обязаны видеть всё, не видят очевидного. Что там говорить, за девяностые годы многое, а в особенности культура, пришло в упадок. В одном из последних фильмов, которые иногда скачиваю, главный герой говорит о том, что у нас основным гаджетом является газовая труба. Я это в том смысле, что, насколько мне известно, проблема-то родилась не сейчас, не в пресловутые девяностые – тогда она лишь обострилась. Если вы помните, проект "Газ – трубы" родился где-то в нача-

ле семидесятых, согласно которому в Европу начали поставлять газ в обмен на трубы, изготавливаемые в Германии. Насколько этот проект был эффективен для Союза, оценивать не берусь – злые языки говорили, что там всё было "по нулям", но подчеркну лишь, что проблемы начались ещё тогда...

– Ты, Влад, куда-то не туда завернул, – поморщился Уранов, – я тебе о проблемах наших, а ты бы ещё времена царя Гороха вспомнил!

– Может, вы и правы, я лишь хотел обозначить, откуда ноги растут. Сперва, в шестидесятые-семидесятые, доведя страну до состояния сырьевого придатка Европы, допустили "низкопоклонство перед Западом". Тут "железный занавес" свою, впрочем, не только отрицательную, роль сыграл. А потом, уже в девяностые, вообще ножки свесили, превратив всё с подачи американского "дяди" в общероссийское "купи-продай". Какая уж тут культура, коли народу вбивается в голову принцип обогащения!

Если же включить элементарную логику, то понять ситуацию можно, и здесь не только вина заокеанского дядюшки. Нехорошую шутку сыграл бывший советский аскетизм и, соответственно, на этой почве идеализация западных ценностей. Плюс к этому – тотальная закрытость всего и вся. В стране, к примеру, про Новочеркасск 1962 года откуда узнали? Правильно – из сообщений "голосов"! Вот теперь и расхлёбываем полной ложкой заваренную кашу. Ведь, насколько мне известно, писателей не слишком жалуют не только у нас в районе, но и выше, я имею в виду нашу региональную писательскую организацию.

– Кто б возражал! – Григорий Никитич тяжело вздохнул, – Бюджет там – кот наплакал, и тот каждый год подрезают. Существует вроде бы какая-то система грантов, но лично я ни одного из них не видел. Мало того, если раньше писатели размещались в центре города в Доме писателей, то несколько лет назад их лишили этого вполне приличного помещения и забросили на окраину, в трёхкомнатную квартиру на первом этаже девятиэтажки, куда и доберётся-то не каждый!

– Вот и пиши тут книги! Я, как и вы, да и как все, кого знаю, издаёмся только за собственный счёт...

– Мне-то иногда издательства заказы подбрасывают, но я к этому шёл лет десять, пере-

бирая множество вариантов. И ведь издательства-то берут и платят только за то, что, по их мнению, однозначно будет продаваться. А что у нас продаётся? Литература по медицине, популярные штучки да всякое криминальное чтиво – читатель нынче стал, как бы это поприличнее сказать, малотребовательным, что ли...

– Вот если у кого-нибудь ума хватит "Войну и мир" перевести в комиксы, тогда...

– Ага, тогда и язык не нужен – мычать будем! – Уранов саркастически усмехнулся.

– Ну вот, "Опера" ваша работает – я всё проверил. Можете пользоваться, – Романцев отвернулся от экрана монитора и глянул в окно, – Ух, ты! Уже темно – засиделись мы с вами, а дома Рита меня, наверное, потеряла...

– Спасибо, Влад. Что б я без тебя делал! Но подожди ещё чуть-чуть. Я тебя домой отвезу – мы о главном-то ещё и не потолковали.

– Ладно, давайте ещё минут двадцать поговорим, – Владислав немного помолчал, словно взвешивая то, что собирался сказать, – Я вот о чём постоянно думаю – о качестве литературного труда. Сейчас у нас пишут все, кому не лень. И издаются тоже. Помните, лет шесть назад к нам навевывалась одна девица? Таланта – ноль, зато амбиций на десятерых хватило бы. Книжку стихов своих в хорошем переплёте издала тиражом аж в тысячу экземпляров! По-моему, до сих пор она пылится в нашем книжном магазине – никто покупать не хочет. Тут даже писатели с именем на тысячу экземпляров не всегда решаются, так – триста, пятьсот... И ведь спонсор на издание этой макулатуры нашёлся – не за свои кровные расстаралась. А почему такое происходит? Да просто некому в своё время было ей сказать, чтобы занималась графоманией в домашних условиях и не лезла больше никуда...

– А ты сам-то помнишь, с чем к нам пришёл и сколько открытий для себя здесь сделал? Не знал, как правильно ритм в стихотворении построить. Но, надо сказать, достаточно быстро научился, а теперь уже мастером стал. Других уму-разуму учишь да так, что отдельные "ученики" от тебя шарахаются, как от чумы...

– Да ладно – за одного битого... Учителя хорошие подобрались, да и стыдно плохо писать, когда тебя каждый раз на молекулы разбирают. Тут ведь так: умный да упорный поймёт, а обидчивый да бестолковый если и перестанет бумагу марать да в интернет всякую

чушь выкладывать, так от этого никому, в том числе и ему, хуже не будет. Раньше, в пору СССР, вон через какие фильтры надо было пройти, чтобы тебя напечатали! А сейчас... Научился четыре строчки рифмовать – ты уже поэт! Сколько у меня этой дарёной макулатуры на полке стоит, а почитать – кот наплакал. Своё же, даже уже изданное, каждый раз как читаю, фильтрую и всё равно "косяки" нахожу.

Вот вы недавно ещё одну статью "О поэзии и стихосложении" написали. Так вот, статью эту я бы в виде листовки раздавал каждому новичку, приходящему к нам. Помните, у Данте, кажется, применительно к аду было написано: "Оставь надежду всяк сюда входящий" – это я не в виде параллели, а чтобы человек задумался, за что он берётся и какие при этом могут быть последствия – не для него, а для читателя неискущённого, который всю эту "лабуду" за литературу принимать будет. У нас и так сейчас всё упрощается и опрощается, особенно в музыке. Вместо мелодии приличной рэп да хип-хоп в моду вошли, песни – от текстов уши вянут! А ведь хорошая музыка душу чище делает, – Владислав не на шутку разволновался, – Главное, лично для меня в поэзии – мысль, оформленная в этакую джазовую композицию, где вокруг центральной темы накручивается мелодия импровизации. И чем тоньше она, тем совершенней произведение. Такое случается не часто, а если случается, какое это наслаждение! Хотя бы малые зёрна того же самого я пытаюсь и у других найти. И безмерно радуюсь, когда нахожу. Вот послушайте:

В простецкой шляпе чёрно-белый блюз
свингует и раскачивает души,
объединяя музыкой в союз
цветные наши голоса и уши.

Забрызганный слюною микрофон
и звуки, улетающие в вечность,
и нотный стан со знаком "бесконечность",
и саксофон гитаре в унисон.

Экспрессия, не тронутая ржою,
где грех от сбоя ритма не большой,
и белый голос с чёрною душой
поёт за чёрным с белой душою.
В их текстах не хватает падежей,
но слог такой тебе и мне угоден,
и почему-то в памяти моей
всплывает надпись:

"Наконец, свободен"...

Это я написал после того, как в очередной раз пересматривал на DVD документальные фильмы Мартина Скорсезе об истории блюза. Какие там имена: Рэй Чарльз, Би Би Кинг, Том Джонс...

– Эх, Владик, любишь ты вернуть что-нибудь этакое! А "Наконец, свободен" – это Мартина Лютера Кинга что ли вспомнил?

– Ну да. Это ж после убийства в 1968 году на его надгробии было высечено "Свободен, свободен, наконец, свободен".

– Что-то у тебя всё больше к политике сводится.

– Так у нас теперь за что ни возмись, всё в политику упирается. Вот на днях объявили об очередном нобелевском лауреате по литературе. Вы наверняка об этом слышали и знаете, что премию получила Светлана Алексиевич.

– Конечно, слышал. Только радости от того, что в кои-то веки премию дали русскоязычной писательнице, нет.

– Вот и я о том же. Специально даже справочку подготовил о наших нобелевских лауреатах, – Владислав вынул из сумки сложенный вчетверо листок бумаги, – Смотрите, что получается. В 1933 году премию получил Иван Бунин. Получил как представитель Российской империи, находящийся в эмиграции, с формулировкой "За строгое мастерство, с которым он развивает традиции русской классической прозы". Казалось бы, какие тут могут быть сомнения? Иван Алексеевич – великий писатель. Одна фраза из его рассказа "Роза Иерихона" чего стоит: "...Нет разлук и потерь, доколе жива моя душа, моя Любовь, Память! В живую воду сердца, в чистую влагу любви, печали и нежности погружаю я корни и стебли моего прошлого...". Только кажется мне, что не напиши Бунин свои "Окаянные дни", вряд ли нобелевский комитет вспомнил бы о нём.

– И не было бы повода Михалкову снять свой "Солнечный удар", – Уранов опять поворочался в кресле, словно ища точку опоры.

– Михалков как всегда неподражаем и талантлив: соединил бунинские дневники и одноимённый рассказ, задав себе и зрителю весьма актуальный вопрос "Как мы это допустили?"

Но вернёмся к Нобелю. Итак, идём дальше. 1958 год. Премию получил Борис Пастернак, уже как советский писатель, и звучала формулировка вручения так: "За значительные достижения в современной лирической поэзии, а также за продолжение традиций великого русского эпического романа". Вроде бы тоже

неплохо: лауреат – поэт и переводчик от Бога. Только не будь им написан и издан за рубежом "Доктор Живаго", не видать бы Борису Леонидовичу премии как своих ушей. А уж какую травлю ему на Родине устроили за эту книгу, в результате чего Пастернак умер!

На очереди у нас 1965 год и Михаил Шолохов. Нобелевская премия "За художественную силу и цельность эпоса о донском казачестве в переломное для России время". Тут вопросов нет. Шолохов никуда не эмигрировал, известный русский советский писатель, признанный классик отечественной литературы, Герой Социалистического Труда да плюс к тому ещё и академик. Впрочем, роман-то "Тихий Дон" был у нас, как известно, воспринят вначале неоднозначно. А как же иначе, ведь там столько страниц посвящено белому казачеству! Как тут не взвыть отечественной критике. Но здесь Иосиф Виссарионович вмешался, одобрив роман к печати. Вот вам пример дальновидности руководителя государства по отношению к писательскому труду, о чём я не устаю говорить в последнее время, хотя меня сложно упрекнуть в пиетете к вождю народов. Однако, объективности ради, вынужден признать, что Сталин в этом вопросе вообще вне конкуренции. Наверное, поэтому Шолохов стал первым и единственным советским литератором, получившим Нобелевскую премию с согласия советской партийной власти. Кстати, оказывается, на церемонии вручения Шолохов нарушил этикет, не поклонившись вручавшему награду королю Швеции. Злые языки утверждали, будто сделал это Михаил Александрович нарочно, чтобы продемонстрировать всему миру, что казаки кланяться никому, кроме своего народа, не собираются. И здесь опять же прослеживается тенденция: не будь у Шолохова романа о белом казачестве, не стал бы он Нобелевским лауреатом. Роман-то переведён на множество языков, а вот я что-то не припомню, чтобы таким же успехом за рубежом пользовалась его "Поднятая целина" – роман, что там говорить, конъюнктурный.

Следом идёт 1970 год и Нобелевская премия советскому писателю Солженицыну "За нравственную силу, с которой он следовал непреложным традициям русской литературы", после чего травля писателя, и так бывшего костью в горле у власти на родине, набрала полную силу. В 1971 году были конфискованы его рукописи, а в период по 1972 год включитель-

но все отечественные издания Александра Исаевича были уничтожены. Наконец, публикация в 1973 году в Париже "Архипелага ГУЛАГ" переполнила чашу терпения советского руководства и в 1974 году он был выдворен из СССР. И снова тенденция: не будь "Архипелага", не было бы Нобелевской премии по литературе у Александра Солженицына. Художественные достоинства литературного творчества Александра Исаевича я здесь не рассматриваю.

Ну, с Иосифом Бродским, получившим премию в 1987 году уже в качестве гражданина Соединённых Штатов "За всеобъемлющее творчество, пропитанное ясностью мысли и страстностью поэзии" всё более или менее ясно. Не стань Иосиф Александрович одним из знамен диссидентства на всяческих "голосах" типа "Радио Свобода", "Голоса Америки", "Немецкой волны" после знаменитого и громкого судебного процесса, в результате которого поэта отправили в ссылку за тунеядство, а через несколько лет и вовсе выслали из СССР, не видать бы ему нобелевки. А тут, поднятый в Америке на щит, он вмиг стал лауреатом престижнейшей награды и великим русским поэтом.

Однако самое поразительное заключается в том, что все эти неприятности и даже премия эта самая случились у него, как оказалось, из-за совершенно сумасшедшей любви! Это, пожалуй, самая загадочная страница в биографии Бродского. О ней до недавнего времени знали только биографы, литературоведы да самые близкие друзья. Женщина, которую Иосиф любил всю жизнь, по-прежнему живет в Петербурге, но никогда и никому не даёт интервью, неизменно отвечая досужим журналистам: "Читайте стихи, там всё написано". И правда, у Бродского видишь сплошные посвящения "М.Б."

И таким вот образом добрались мы до 2015 года и премии Светлане Алексиевич, живущей сейчас в Белоруссии. А до этого жила она несколько лет по вполне объяснимым причинам в Европе, в самой Германии. И получила она шведскую премию "За многогласное творчество – памятник страданию и мужеству нашего времени", хотя многие не без оснований ожидали, что награда достанется японцу Мураками. Всё вроде бы по делу: написала документальную книгу "У войны не женское лицо", посвящённую воспоминаниям женщин о Великой Отечественной войне, потом были

"Цинковые мальчики" – неоднозначная вещь об афганской войне и, наконец, в качестве апофеоза чернухи "Время секунд-хэнд: Конец красного человека". Это самые известные, а были ещё не менее мрачные "Чернобыльская молитва" да "Последние свидетели"...

– Ну и что ты хочешь всем этим историко-нобелевским экскурсом сказать?

– Только то, что для Запада Нобелевская премия, выданная русскоязычному литератору – всего лишь жупел, которым в очередной раз пугают обывателя: смотри мол, вот она, звериная пасть России – не важно, советская она сейчас или уже нет. А тут ещё новоиспечённый лауреат называет себя "совком" и ничего хорошего о России, в которой в советские времена получала не одну премию, сказать не хочет. Имидж у неё такой – нести людям только уже порядком поднадоевшую чернуху.

– А если это правда?

– Обличать, Григорий Никитич, много ума не надо. Особенно, когда в струю попадаешь, держа нос по ветру. А ты попробуй свечку в конце тёмного тоннеля поставить. Мы в наше время являемся свидетелями наступления момента истины. Это как в фотографии прошлого века: снимок спроецирован на фотобумагу, закреплён фиксажем и вот, в ванночке с проявителем всё явственнее выступают истинные черты нашего бытия – такого, какое оно есть на самом деле. А что до бытописания, так это словно граница между эротикой и порнографией, о которой можно спорить бесконечно, привлекая в качестве арбитров психологов, искусствоведов и прочих спецов-словоблудов. Она, эта граница, трудно различима, но перейди её, весьма условную, и ты получаешь возможность быть обвинённым в подмене искусства грязью – так что лучше этой темы вообще избегать...

Применительно к Алексиевич достаточно точно сказал президент Белоруссии по поводу

её жёсткой критики в адрес своей родной страны: "...родину, свою землю, как и своих родителей, свою мать не выбирают, потому что она такая, какая она есть"...

Какое-то время в кабинете висела гнетущая тишина. Потом Уранов, тяжело вздохнув, произнёс:

– Ладно, давай всё же вернёмся к нашим "баранам". Тебе, конечно же, известно, что у нас глава района новый недавно появился. Что из себя представляет, не знаю – для меня он пока что кот в мешке. Вот и отправляйся к нему с нашими проблемами. Ты мужик боевой, палец тебе в рот не клади – язык, я в этом только что ещё раз убедился, подвешен в нужном месте. И о толстом нашем журнале вернуть не забудь – у тебя интересные вроде бы мысли были по поводу распространения его через библиотеки. Валентина Ильинична "Литературный калейдоскоп"-то, считай, за свой счёт тащит – когда-никогда добрые люди, в том числе и ты, помогут.

И ещё один момент. Доберёшься до главы, затронь в разговоре вот такую тему. Помнишь, ты как-то высказывался о том, что власть может при желании грамотно использовать писательский труд, поскольку литератор, если он в достаточной мере владеет пером, может конструировать в своих произведениях ситуации, которые развиваются в нужном направлении и заставляют читателя верить в написанное. Ты тогда ещё Союз писателей сталинских времён в пример приводил. Да и сейчас вон, только что Иосифа Виссарионовича к месту вернул. Идёт?

– Хорошо, согласен. Когда идти?

– Запишись к нему на приём на ту неделю. А теперь давай я машину выгоню и тебя отвезу, а то жена вот эту мятущуюся поэтическую персону ещё, не дай Бог, без ужина оставит. Кому ты, такой исхудававший, нужен будешь?

ГЕННАДИЙ ПОШАГАЕВ

Краснодар

Пошагаев Геннадий Григорьевич родился в Краснодаре. В 1979 году Г. Пошагаев принимал участие в VII Всесоюзном совещании молодых писателей в Москве, по итогам которого два столичных издательства выпустили его книги

Член Союза писателей России с 1992 года. Лауреат муниципальной литературной премии им. А.Д. Знаменского. Автор девяти книг.

ЛЮБИМЫЙ МУЖ

Рассказ

1.

В это утро полноватому и незлобивому Павлу Семёновичу было лень вставать. На жену, полугречанку, с разбросанными густыми волосами на подушке, и не взглянул, лежит на боку в кружевной ночнушке, чернявая, соблазнительная, словно любовница какая. Ну и пусть отсыпается, не станет её будить, хотя по времени и пора бы, ведь договаривались пораньше съездить на дачу... Казалось бы, так и жить-поживать, однако, Павел Семёнович ленился в последние дни, а ко всему взял привычку покряхтывать, располнел заметно, потому смешил знакомых и родственников, советовавших ему придерживаться диеты, обижался на замечания Нинель, краснел от беспомощности, если жена срывалась и выговаривала при гостях.

А гости и рады поддержать красавицу-жёнущку, с подмигиванием, еле сдерживая смех, шуточно подкалывали смущённого хозяина, присоединяясь к поучительно-едким, ироничным замечаниям Нинель.

– Да как же так, Павел! – подтрунивал кто-нибудь из присутствующих. – Жинка вон какая царница, глаза чёрные и сама изящная! Про таких с гибкими талиями романсы пели в старину, а ты... Что ты бормочешь! Живот отъел, глянь, брюшина висит, пугаешь людей... Не-ет, так дело не пойдёт, давай-давай физзарядочкой займись, не позорь Нинельку...

Безобидному добряку оставалось лишь оправ-

дываться, пожимая оплывшими плечами, покорливо соглашался с неприятными подстёгиваниями: да вот, мол, когда женился, никак не думал, что облысение так ускорится, теперь вот обнаруживается, какая жёнущка у него молодая, а он не очень-то отвечает... конечно, похудеть бы ему не мешало.

2.

Павел Семёнович смирился с тем что стареет на глазах у близких, знакомых, возможно и отчаялся бы человек, ранимый и тихий, если б..., если б не одно неординарное увлечение, захватившее его. Однажды он сообщил жене, какое утешительное хобби его воодушевляет, уносит от обыденной жизни в неземные дали.

– Знаешь, Нинель, я действительно в какие-то дни чувствую, как меня всего ломит. Ведь и старше тебя намного, и вот упадок сил, понимаешь..., нет стимула, порой ничего не хочется делать-доделывать, и как-то подумалось: а не попробовать ли вести дневниковые записи? Насколько мне известно, многие на склоне лет занимают себя воспоминаниями, пописывают нечто такое, накручивают...

– Ну-у... – протянула Нинель, и скептически повела дугообразной тоненькой бровью, не решаясь прервать рассуждения странные. Но спохватилась, поспешив остудить благой порыв, супруга: – Во-первых, необходимо иметь способности к изложению своих мыслей...

– Согласен! А вот послушай! – взбодрился муж, не давая себе остыть. – С прошлой недели попытался кое-что, и, по-моему..., я тут насочинял...

Не без волнения, открыв толстую тетрадищу с красной обложкой, усаживаясь поудобнее на диване рядом с женой, откинулся к спинке и принялся читать:

"Подойдя к берёзке, я обнял ствол дерева и почудилось: прижимаю к себе любимую..."

– Ха-ха-ха!! – неудержимым смехом прервала чтение Нинель. – Ой, ну ты... – И вновь весёлым колокольчиком расколыхал её смех, глаза утирает платочком, недоумевает: – Это как же..., ты хоть думаешь, что пишешь? Глупо сравнивать ствол березки с любимой...

Павел Семёнович сник, но унывать не спешил, тряхнул облысевшей головой и, воодушевившись, попытался продолжить чтение.

– Дай закончу... тут я обрисовал ещё и другую сценку, ты только послушай, пожалуйста...

– Павлуша, родненький, – остановила она мужа, – а не пора ли собираться и спешить на дачу? Опоздаем на автобус... Или забыл?

– Ах да... – Павел Семёнович кивнул, с огорчением посмотрел на часы, – согласен, но при условии, что дослушаешь полстранички. Представляешь, вчера перед сном сподобился...

– Хорошо-хорошо! побыстрее только... – Стоя перед зеркалом трюмо, Нинель торопливо приводила тёмные, густые волосы в порядок. – Потом, ты же не забыл расписание, если на рейс тринадцать ноль-ноль не попадём, следующего ждать придётся уже к вечеру...

Кивнув, муж продолжил:

"Слышно, как бешено за окном шумит ветер, раскачивая провода. Диван скрипит подо мной, бессонница одолела, что-то тревожит, я злюсь на погоду. И думаю, внушаю себе: надо спать! Спать и ни о чём постороннем не думать, не забивать голову ерундой! И возникает вопрос: а когда же жить и любить ту..."

– Какую ту?! – встрепелась Нинель. Обернувшись к мужу, покосилась на довольно обширную лысину сочинителя. – Ну-ну, я слушаю..., забавно узнать, о ком это ты...

– Да не-ет, – смутился Павел Семёнович, теребя себя за ухо, – ну, это как-то... накатилось само собой, фантазии...

– Читай-читай! Не отвлекайся, время идёт, пора бежать на вокзал, на автобус, – построжала супруга, оправляя на себе платье, суженное в талии.

– А вот ещё, значит..., я тогда лучше вот это озвучу... – Павел Семёнович, помяв под рубашкой мягкий живот, перелистывая тетрадь, внимательно всмотрелся в текст, и брови лохматые слегка подпрыгнули. – Хотя бы вот, например: "Духота настолько невыносимая, что начальница почтового вагона сбросила с себя шерстяную юбку и кофту,

собираясь забуриться в служебное купе и отдохнуть до следующей станции. Но передумала, прошлась туда-сюда по канцелярии, подошла к окну. Проводник давно дрых. В темноте проносились поля, овраги, выкатился в небо месяц. Вот надвинулись чёрные, высокие тополя, мокрые от дождя, промелькнули мимо. Подступило низенькое кирпичное здание вокзала. Поезд остановился. Однако никто из сменщиков не явился, и начальница не знала теперь, кому выдать корреспонденцию и посылки: похоже, проспала работнички, и это её вконец расстроило. Не находя себе места от возмущения, она машинально сдавливала свои упругие груди..."

– Стоп-стоп! – недовольным окриком перебила жена. – К чему это ты затвердил: "упругие груди..." С чего это ты взял? Ты что, видел у этой женщины, какие у неё груди? И по-моему, ты никогда не работал на железнодорожных маршрутах...

– Я же объясняю: из головы, позволил себе пофантазировать, и вот, пожалуйста. Ну а раз видится так, почему бы не обозначить реально...

Нинель холодно замерла перед зеркалом:

– Что-нибудь бы другое... Плетёшь несуразное, да и пошло. Не узнаю тебя...

– Да господи... Ну почему?! – Павлу Семёновичу едва удалось убедить жену в обратном, сослался опять же на воображение, мол, разыгралось в голове, и никуда не денешься. Обычное сочинительство.

Молча взяли с собой садовые инструменты, сумки с едой и поехали на дачу. В пути не разговаривали.

А там, на даче, соседи не дали повозиться на грядках, нагрянули в гости. Бутылку вина прошлогоднего, наливки вишнёвой принесли, какой-то праздник отметить надумалось им, а заодно обещанной капустной рассады доставили. И Павел Семёнович после опробования вкусной наливки разогрелся, подмигнул, обведя лукавой ухмылочкой гостей, решил услышать непредвзятое мнение дачников о своих творческих занятиях. Тотчас извлёк из внутреннего кармана старого пиджака тетрадь с красной обложкой. Извинившись, попросил послушать отрывочек из своего сочинения. Нинель сразу же насторожило это заявление супруга, с укоризной впиалась в мужа взглядом, казалось, прожгла им насквозь, тем не менее, Павел Семёнович всё же решился зачитать отрывочек:

"Взгорячившись близостью юной попутчицы, сидящей сбоку, которую обидел жених, он рукой слегка коснулся её обнажённого плеча, и заплаканное личико девушки ожило от горячей руки, тонких пальцев, так напомнивших некстати лягушачьи лапки, что у неё мурашки поползли к коленям..."

Оторопевшие дачники, взглянув на хозяйку, потом на сочинителя, и разом, как сговорившись, разразились хохотом, который также резко оборвался. Одна лишь Нинель не смеялась, муж тоже выглядел серьёзным, Нинель словно окаменела, застыв точечками смоляных зрачков, и долго не осмеливалась пошевелиться. И всё же, придя в себя, попыталась сказать мужу что-то хлёткое, но настолько была оглушена взрывным смехом соседей, что, всплыв, вскочив из-за стола, схватила сумочку и, не попрощавшись, покинула дачу, словно подхваченная порывом ветра.

Теперь, разумеется, было не до веселья, неловко поспешили из домика на воздух. Помялись, надеялись, что хозяйка одумается, вернётся...

Задумались дачники над другой проблемой: как-то уж не совсем справедливо устроено само их существование, все смертные – что хорошие, что плохие, одинаково те и другие стареют. Надобно, чтоб добрые, порядочные, отзывчивые, совестливые подольше не старели. Понятно, если говорить о творцах и создателях, им требуется простор и время, свобода, им некогда заниматься собой... Эх, было бы воображение!

Конечно, Павел Семёнович чувствовал себя виноватым перед женой, но упорствовал, твёрдо придерживался своего мнения: что хочу, то и пишу, а эти вот ограничения – нравятся или не нравятся – раздражали автора, не терпящего "цензуры". Так ведь и жить намного теперь интереснее, действительно это как отдушина, когда в голову набивается чертовщина всякая, что хочется воссоздавать комические сценки, и некогда думать о подступающей старости с её немощью, не гнетут мрачные мысли о будущем, что ждёт всех нас забвение и одиночество.

3.

Десятки лет Павел Семёнович трудится на оптовой базе завскладом, куда не так и просто было устроиться. Незаметно обзавёлся приятелями, общаясь с ними, они немало заинтересованы в дружбе с радушным хозяйственником, частенько использовали добряка в своих личных целях. И всё бы ничего, да пожарные проверяющие зачастили, грозились составить акт по части нарушения противопожарной безопасности: просроченные огнетушители и отсутствие багра. Приходилось угождать, как-то умамливать этих пройдох, шёл на уступки, вместо взятки помогал проверяющим приобретать дефицитные товары. С пожарными – ладно, а вот дружки

вконец опостытели, устал от них: покоя нет, то и дело, навеваются, кому когда взбредётся, склоняли к выпивке, и он по доброте, на пьяную голову поддавался их просьбам, шёл на поводу у наглеющих. Порою жарко беседовали, братались, льстили заведующему, сбивали с толку мягкосердечного хозяина склада. Улучив момент, Павел Семёнович доставал из планшета заветную тетрадку в красной обложке, зачитывал друзьям свои записи:

"Лохматый, с густыми бакенбардами комик, забывая сдёрнуть с головы парик по окончании спектакля, частенько у себя в гримёрке мог лицезреть существо женского полу, с усохшими глазами и с унылым, поблёкшим выражением лица, неряшливо одетую.

– Опять вы в этом несуразном платье маячите передо мной! – сердился комик. – Что за ерунда, Никитишна! Ну-с?! Что... или нет чего-то более подходящего надеть на себя?!

– Милый Арнольд, да вы же сами намекали, помните... Вспомните! Я не забыла, что нравлюсь вам именно в этом платье...

– Кошмар! Так то ж когда было! Сколько времени минуло с той поры!

А было это ещё до войны, когда он любил эту дамочку в те далекие юные годы..."

Слушавшие дружки неодобрительно комментировали:

Ничьяк, натуралистично! – заметил один из приметно окосевших приятелей, хмыкнув брезгливенько. – Ты, Павлуша, что-нибудь о героическом заверни, воспой драму! А это..., это и по телеку американцы показывают, у них на один и тот же манер, на разные лады демонстрируют порнушки... Не сердчай, от сердца чистого, как есть, говорю...

Ещё никогда Павел Семёнович не выглядел таким разочарованным. Правильно, в общем-то, рассудили хитрецы-дружки, убеждавшие, мол, на кой смысл тратить энергию мозга на накручивание ерунды, не лучше ли лишний раз глотнуть водочки да укатить на рыбалку!

Домой Павел Семёнович приплёлся в унынье тяжёлом, будто бултыхнулся головой в бочку с болотной жижей.

– Да что с тобой, Павлик, писака ты мой дорогой?! – не узнавала его супруга.

Молчит, а Нинель волнуется:

– Не заболел ли?! Давай температурку померяем!

– Вроде бы и нет её... – просипел Павел Семёнович нехотя и продолжил с побряхтыванием усаживаться на диване поудобнее. И наконец, признался, что его мучает. Директор базы "катит на него бочку", распорядился вывесить у входа в складское помещение листок, распечатанной на принтере, так

сказать, "Распоряжение". В нём чёрным по белому прописано: завскладом штраф полагается за "непристойное поведение" в размере пятисот рублей! Следующая строка штрафного преискуранта ввергла Павла Семёновича в ступор. Штраф всего, правда, в 300 рублей за "выход на работу с небритым лицом"... Читая подобное распоряжение, как было не расстроиться завскладом...

– Так я и не ругаюсь, бреюсь... – посетовал он, глядя на Нинель.

– Не обращай внимания, не бери в голову, – подавляя горечь досады мужа, утешала чернявая полугречанка.

Лицо Павла Семёновича вытянулось, едва успокоительница не удержавшись, сделала замечание ему, что, мол, надо последить за собой. Раскраснелся, на одутловатых щеках выступили пятна, почувствовал, что насколько широка Россия, крупнейшая страна, да, к сожалению, он в ней всего лишь маленький винтик, не более. Мелковат, да! А хотелось бы замахнуть, самоутвердиться в чём-то замечательном! Глянул Павел Семёнович на себя в зеркало и не узнал: опухший, нос какой-то баклажанный, с красными прожилочками, в переплетениях и разрывах. Похоже, с печенью беда назревает, в боку покалывает. Ну, и задевало до обиды, что знакомые комплиментами обволакивают лъстиво Нинель, а о нём ни слова доброго, лишь подшучивают, едко подковыривая о том, кем же он доводится полугречаночке.

Опечалился Павел Семёнович, понимая, что не за горами пенсион по возрасту, в то время как женушка ничуть не изменилась, словно её и годы не берут – по-прежнему цветёт. Не давая опускать себя, Нинель глядит на него с укором, понимает, что переживает, пропадает человек, и охватывало её жалость – не знает, как помочь ему обрести, найти себя в его годы. И ведь не слепой, видит, как о нём заботится любимая, однако её хлопоты убивали его морально, подчеркивая разницу во внешнем виде. Жена, казалось, молодеет, а муж неумолимо стареет. Стоит Нинель забыть и с кем-нибудь из мужчин невинно пококетничать, как у Павла Семёновича начиналось сердцебиение, охватывала ревность. Едва переносил он счастливый её смех, задержавшаяся в ней молодость, блеск завораживающих смоляных глаз приносили ревнивцу невыносимые страдания.

– Да что с тобой?! – испуганно встрепенётся она, приглядываясь к мужу, и раздраженно повышает голос: – Можешь ты объяснить?!

В общем, пал духом Павел Семёнович. Пробовала жена воздействовать лаской, применяя шалости, чтобы взвеселить, пробудить в нём былое удалство, но бесполезно. И тогда, переменявшись,

впадала в другую крайность: вдруг перевоплощалась в больную, притворялась немощной, стала покашливать, носила платья старомодные, оставшиеся ещё от матери-покойницы, висевшие в шкафу – никак Нинель не находила времени выбросить их на мусорку. Перестала губы кровавыми делать, обычно накрашивала их помадой когда-то для соблазна, и, подражая мужу, жаловалась ему на боли в суставах, охала, держась за бока...

Конечно, видел Павел Семенович в её действиях нарочитость, обман. Он обижался, кричал на притворщицу, запретил придуриваться, мол, этого ещё не хватало, и чтоб была такой, какая есть... Поворчав, сказал, что больше не потерпит кривлянья. Короче, запретил жене входить в роль пенсионерки...

Как-то грустно сознаваться перед самим собой, что молодость давно прошла, и он быстро угасает, а Нинель по-прежнему цветёт, сияет... Обидно, до пятидесяти не дотянул, а его поддевают, интересуются, случайно не на пенсии, уважаемый?! Нет, гаркнет Павел Семёнович в ответ, до известной даты ему ещё пахать и пахать лет десять! И где бы ни появился – в трамвае, в автобусе, а к нему чрезмерное уважение проявляют чуткие пассажиры. Привскакивают, глядишь, с мест, кто-нибудь и приглашает присесть. Возмущало его гуманное отношение горожан к старым, немощным людям...

Как-то, едва вошёл он в троллейбус и полез рукой в карман вынуть деньги – чего медлить, думает, надо оплатить проезд. Однако подошедшая крупная телосложением кондуктор демонстративно, как показалось ему, обошла стороной Павла Семёновича, не потрудились даже поинтересоваться, что у него на проезд, какой такой документ готов предъявить? Видимо, настолько была уверена, что дело имеет с пенсионером-льготником, что и дожидаться не стала, когда лысоватый мужчина покажет удостоверение.

Этот эпизод здорово огорчил Павла Семёновича, дома высказал Нинель что, мол, какие же лодыри эти кондуктора, не требуют деньги за проезд, вроде бы пусть малозначительная ситуация, вместе с тем наводит на осуждение, и остается одно: набраться хамства и разъезжать бесплатно. В самом деле, а что?! А ничего, ровным счетом!

Встревожился Павел Семёнович и с завистью посматривал на резвую, похотывающую супругу, которая перестала подстраиваться под него. И словно очнулся, передёрнувшись от её журчащего смеха, махнул рукой: на кой, думает, ему

хандра стариковская, когда есть у него такая шикарная принцесса, есть чем гордиться! И в этот вечер муж уговорил послушать одну сценку, записанную буквально, на ходу, и жена не противилась, наоборот, заинтересованно откликнулась на просьбу. Не скрывая безразличия к писательству, всё же решила сделать автору новых записей приятное, что-то вроде сюрприза, хотя в глубине души была по-прежнему убеждена в бесполезности этого занятия – вряд ли что умного услышит она от него. Но при всём этом не отказывалась кокетничать, легкомысленно и в шутку соглашалась оценить труды Павла Семёновича. Пусть читает, раз нашло на него – главное, оградить мужа от хандр.

Не без волнения, Павел Семёнович засуетился, перелистывая тетрадку исписанную, одолеваемый сомнениями.

– Такое, вот, дело..., ага, – бормотал себе под нос, выбирая что-то для прочтения.

"Женщина, между прочим, удивительное существо, имеющее способность распространять всякие небылицы, опережая по этой части прытких телевизионщиков, редакторов газет, опытных журналистов. Во всяком случае, отстают от сплетниц, пускавших слухи с удивительной и мгновенной быстротой. Несомненно и то, что болтливые женщины испытывают трудности с придерживанием языка, а подчас поражают размерами этого чувствительного органа. У одной, например, стрекотуньи, сам тому являюсь свидетелем, язык вываливался наружу настолько длинный, что когда сообщала она товаркам: о происшествии, выглядывал изо рта больше положенного чуть ли не в полтора раза, и это не предел".

Павел Семёнович вздрогнул, он ещё никогда не слышал, чтобы жена так хохотала. Его прошибла испарина, он глянул на неё, увидел, как она изводилась безудержным хохотом, махая на него руками: может, не так выразился, но это его стиль, манера гротеска. Он не отрывал прищуренного взгляда от чёрных, сияющих глаз хохочущей супруги, вновь закатившейся смехом.

– Не боюсь, говори... Ну?! – разрешил нахмурившийся писатель услышать критику.

– Расколыхал ты меня, любимый! Не обижайся, Павел... Ну, конечно, неправдоподобно, чтобы язык у женщины вот так высовывался! Оскорбляешь, и никакие мы не сплетницы...

– Послушай, жёнушка... В писательском деле невозможно без фантазии. Вот и вводим этот приём, многие пользуются им... Ну, раз не одобряешь...

– Читай, Павлуша! Ещё хочу послушать, – смеясь, жена невольно залюбовалась мужем, как он осанисто выпрямился и сосредоточенно перебирал листочки:

– Тогда слушай:

"Над хутором сгустились тучи, кругом глушь, темень. По двору в резиновых сапогах неспешно переступала молодка, её загорелые ноги привлекли моё внимание. Я вздрогнул, когда она подошла со стороны спины и стукнула меня по затылку черпаком: "Опять ты тут крутишься, подглядываешь! Ишь, уставился..."

– Читай, читай, не останавливайся! – хохотала Нинель, зажимая рот, придерживая на голове разметавшиеся от хохота волосы...

– Да что-то настроения нет, – вдруг передумал муж. – Ерунда всякая находит.

– Ну, зачем же так категорично, тем более, прошу. И ты не прав. Главное, не бросай сочинять, продолжай, Павлуша! Придёт вдохновение, не ленись... Ну и рассмешил! Давно так не было весело...

Кажется, Нинель по-настоящему уверовала в творческие способности мужа. Они долго пили чай, и он читал ей что-то ещё, и она опять смеялась... Вечер прошёл умиротворённо, в обоюдном согласии.

– Не бросай, Пашенька, – твердила жена, – пиши и не обращай внимания на меня! Я рада за тебя, честное слово..., дорогой ты мой фантазёр!

Они обнялись и поцеловались.

ЕЛЕНА НИМЧУК

Краснодар

Елена Нимчук прозаик, секретарь ЮРТО "Серебро Слов", ведущая на радио "Серебро Слов" рубрики "Разрешите представиться".

СТАРИКИ

Рассказ

Рома уже устал уговаривать Ивана Кузьмича и спросил напрямик:

– Дед, ну ты чего?

– А ты чего? – зло переспросил Кузьмич. – Тебе девок мало? Ты бы ещё на бабке женился!

– Да Катя всего-то на год старше! Ей двадцать четыре, а выглядит на восемнадцать. Не скажи я, так вы бы и не заметили!

– И ребёнка не заметили?

– Лёха – классный малый, ему только шесть будет в ноябре.

– "Классный малый", – передразнил дед. – Да только не твой! Вон сколько девчат тут сохнет по тебе. А ты нашёл городскую фифу, да ещё с прицепом.

Внук слушал деда и жалел, что приехал без предупреждения. До сегодняшнего дня он был уверен, что старики примут любой его выбор, но такого откровенного презрения с их стороны не ожидал. Роман просто не узнавал их, всегда добрых, душевных, безгранично его любящих. Поначалу Катю с сыном они встретили, как и полагается гостеприимным хозяевам, но как только узнали, что внук хочет жениться на ней, их словно подменили. Бабушка, поджав губы, стала молча накрывать на стол, брезгливо отказавшись от предложенной помощи гостю, а дед, психанув, и вовсе выскочил во двор.

– Деда, подожди! Как ребёнок, ей богу... Куда побежал-то?

Иван Кузьмич с досадой отмахнулся:

– Дела у меня.

Подыскивая занятие, старик увидел сына Кати играющего с их псом.

– Дедушка, а мы с вашей собачкой подружались! – радостно сообщил Лёша.

– Какой я тебе дедушка? – грубо огрызнулся старик.

– А кто? – опешив, спросил мальчик.

– Иван Кузьмич, вот кто! – разозлившись на себя за резкость, дед взял удочки с рюкзаком и быстро пошёл со двора.

– Иван Кузьмич, а можно мне с вами на рыбалку? – старик повернулся на жалобный голос Лёшки, – Я никогда не ловил рыбу. Ни разу, честное слово.

– Пошли, – неожиданно для самого себя смягчился Иван Кузьмич. – Только мать предупреди.

Распираемый от счастья Лёша заскочил в дом, объявил, что идёт на рыбалку и выбежал.

– погоди, сынок! – мать пошла было за ним, но Роман, поглядев в окно, остановил её:

– Катюш, ничего с ним не случится. Его деда с собой взял.

– Сбежал, окаянный, чтоб ему жить сто пятьдесят лет! – бабушка в сердцах махнула рукой, опрокинув кувшин с молоком.

– Я уберу... – соскочила Катя с места.

– Не тронь, – всхлинула старушка.

– Василиса Ильинична, миленькая, – Катя присела перед ней, взяла её морщинистые руки в свои. – Вы отдохните. Я всё уберу.

Заметив, что мир восстановлен, Роман молча вышел во двор. А Катя принялась вытирать стол, приговаривая:

– Ну, прям, как Верочка Андреевна... Та тоже, когда разволнуется, так сразу глаза прячет, чтоб слёз никто не видел...

– Какие слёзы? – обиженно обернулась к ней старушка. – Ещё чего не хватало! У самой-то почему глаза на мокром месте?

Катя смущенно улыбнулась.

– С детства это у меня: если вижу, кто-то плачет, и сама плакать начинаю. Верочка Андреевна пытается отучить, да всё без толку.

– Да кто такая, это твоя Верочка Андреевна?

– Долго рассказывать...

– Уж говори, коли начала!

Старушка искоса наблюдала за девушкой. А та, окончив уборку, вымыла тряпку, подвинула табурет и села, теребя длинную косу.

– Расскажу... История моя обычная. После детского дома поступила в университет и познакомилась с парнем – ласковым таким, внимательным...Олегом звали. Встречались мы в квартире его бабушки, когда та на дачу уезжала. Но как-то она рано вернулась и... в общем, застучала нас.– Катя виновато посмотрела на старушку, но ожидаемого презрения не увидела. – Вспомнить страшно, что было! Ругала она нас обоих, на чём свет стоит. Я тогда перепугалась до смерти. Она такой злокой мне показала, – улыбнулась Катя воспоминаниям.

– А что потом?

– Да что... Поначалу – ничего. Потом поняла, что беременна. А Верочка Андреевна, как узнала, то потребовала, чтоб Олег со мной расписался. Он поначалу не возражал, но вмешались его родители и... понеслось. А закончилось всё тем, что Верочка Андреевна забрала меня из общежития, прописала к себе. Так и живём втроем.

– Олег-то сына признал?

Катя покачала головой:

– Да где там! Отказную оформил, а я подписала. Не нужен Лёшке такой отец!

– А с Ромочкой как познакомились?

– На работе. Я долго отказывалась встречаться, сразу сказала, что у меня ребёнок. Он молодой парень, умный, красивый – вся жизнь впереди. Но что тут поделать? Полюбили мы друг друга.

Василиса Ильинична долго молчала, обдумывая что-то. Наконец, тихо промолвила:

– А Рома рассказал тебе, что его отец, сынок наш, в аварии погиб? Мать-то его сразу устроилась: вышла второй раз замуж и, когда родила новому мужу двоих детей, то Ромочка лишним стал. Мы его к себе в деревню забра-

ли. Здесь он школу окончил, а потом в город поехал, учился заочно и работал. С друзьями квартиру снимает, куда он приведёт вас после свадьбы?

– Не знаю, – опустила голову Катя, – может, Верочка Андреевна примет нас...

– "Примет"! – проворчала Василиса Ильинична. – А мы-то на что? Вон, какой у нас дом – просторный, крепкий! Рома недавно крышу починил, новый сарай отстроил...

Старушка не успела договорить. В комнату вбежал счастливый Лёша, а следом улыбаясь, вошли Иван Кузьмич и Роман.

– Мама, мама! – затараторил малыш, – А дедушка сказал, что мы завтра рано утром пойдём на рыбалку. Сегодня ветер, поэтому рыба не ловилась.

– Лёшенька, так сегодня вечером мы в город поедem.

– Не хочу в город! Хочу с дедушкой на рыбалку!

– Сынок, ты...

– Вот что, милые мои, оставайтесь с ночёвкой, завтра-то воскресенье, – предложила Василиса Ильинична. – Здесь воздух чистый и еда своя, с огорода, а что в вашем городе?

Лёша бросился обнимать старушку:

– Василиса Иль... Ильи, – запнулся мальчик.

Та ласково погладила его по головке.

– Зови меня просто – бабушка... А теперь, все за стол!

– Хозяюшка, – обратился Иван Кузьмич к супруге, – жить тебе сто пятьдесят лет! А про хлеб-то ты забыла!

– Звучит, как наказание, а вроде пожелание хорошее, – недоумевала Катя.

– А каждый из них, Катюша, хочет уйти туда, – Роман показал рукой в потолок, – первым. Как малые дети, ей-богу.

– Ой, и вправду хлеб не принесла! – Василиса Ильинична бросилась было на кухню, чтобы скрыть навернувшиеся слёзы.

Иван Кузьмич дрогнувшим голосом про-
басил:

– Сиди, уж... бабушка! Сам принесу.

ЛЮДМИЛА ЧЕКМЕНЁВА

Ейск

Чекменёва Людмила Алексеевна – руководитель Народного самодеятельного коллектива поэтов, писателей и композиторов города Ейска "Парус". Член Международного Союза писателей и мастеров искусств.

ТРИ ЯБЛОЧКА

Рассказ

Светлана вошла в тёмную, заставленную ящиками у стен прихожую. Невыносимый аромат закружил голову. Ей хотелось яблочка. Прямо сейчас вонзить зубы в сочную мякоть и грызть, грызть его... "Да что такое, я никогда так не хотела яблок, – подумала она. – Это же не для меня. Бабушка Толика запасает их для себя на всю зиму, нельзя брать без разрешения".

Но яблоки так предательски пахли, что у неё закружилась голова, а задрожавшие от неуёмного желания руки сами влезли в щёлку ящика и схватили завернутый в газетную бумагу заветный плод. Быстро войдя в свою комнату, она съела его немытым, даже серединку с семечками.

Последнее время с ней творилось что-то непонятное: разум говорил одно, а делать хотелось совсем другое. Вот как сейчас. "Неужели ЭТО произошло? Вчера на работе тошнило непонятно почему. Сегодня стащила яблоко, – размышляла она, переодеваясь. – Свекровь не одобрит".

* * *

Она боялась беременности. Не потому, что ей страшны были муки родов и хлопоты с появлением маленького, хотя она знала, что это будет непросто. Дело было не в этом. На всю жизнь, наверное, запомнилось ей первое знакомство с родителями мужа. Мама Анатолия была замужем второй раз, а сына воспитывали бабушка и дедушка, поэтому в начале знакомства ей трудно было разобраться в речевых тонкостях: бабушку он называл "мама",

а родную маму – "мать". Знакомство с бабушкой прошло легко: Анна Сергеевна, безумно любившая внука, готова была любить кого угодно, лишь бы это было приятно внуку. Стоило ему сказать: "Мамуля, это моя любимая Светочка", – как бабушка улыбнулась и сказала: "Добро пожаловать, Светочка, будем знакомы".

А вот перед знакомством с настоящей мамой, пока они шли к крепкому старинному дому в конце города у моря, девушка с удивлением отметила волнение парня, которое он пытался всеми силами скрыть. Это волнение передалось и ей. Будущий свекор – отчим Анатолия – радушно встретил их в прихожей, снял со Светланы скромное пальтишко и пригласил в комнату с накрытым столом, блиставшим в свете включенной люстры хрустальными вазочками и кобальтовым чайным сервизом. Растерявшись от этой роскоши, Светлана осторожно присела на предложенный стул. Будущему свёкру девушка пришлось по душе, хотя её бледное миловидное лицо и особенно большие карие глаза выдавали неподдельный испуг. Всеми силами она старалась скрыть свою растерянность, но на стул присела уже не стройная высокая красавица, а согнувшаяся школьница, плохо подготовившаяся к экзамену. Анатолий с виду казался непринуждённым, но его всегда самоуверенное артистичное лицо было слегка напряжено. Инстинктивно Светлана почувствовала незримую поддержку со стороны отчима – этого крепкого пятидесятилетнего мужчины, и ей стало как-то спокойнее.

Будущая свекровь, крепкая, статная, холёная женщина, смотрела на неё суровым испытующим взглядом. "Взор точно прокурорский, – отметила про себя Светлана и решила: А ка-

ким он должен быть, она же и вправду прокурор". Ей очень хотелось понравиться этой суровой тётке, от которой шёл холодок недовольтва и недоверия.

– Знакомьтесь, это Светлана, – представил девушку Анатолий.

– Здравствуйте, вас Светлана зовут? – услышала первый вопрос гостя.

– Ну, ты же знаешь, мать, как её зовут, – попытался вмешаться Анатолий.

– Наливай, Ниночка, чай. Светочка, давайте я положу тортик вам, – засуетился Александр Валерьевич, зная вспльчивый нрав супруги и приемного сына.

Но полудопрос-полубеседа все-таки продолжались весь вечер.

– А кто ваши родители, Светочка? – почти ласково спросила Нина Васильевна.

– Папа служил по контракту, теперь работает продавцом в охотничьем магазине, а мама санитарка в лаборатории, – простодушно отвечала она, уплетая тортик и не замечая реакции на свой ответ.

– Так вы решили с Толиком пожениться? А как вы собираетесь жить? – задала свой очередной коварный вопрос мать-прокурорша.

Светлана растерялась. Никаких конкретных планов насчёт свадьбы они не обсуждали. Единственное, о чём полусуто сказал ей Анатолий на третий день знакомства, что она обязательно будет его женой. После этого прошло уже полгода. Конечно, знакомство с родителями что-то значило, но... Вопрос прозвучал так, словно это она настаивает на свадьбе. Ей хотелось объяснить всем, что ей торопиться некуда, что её приход неправильно истолковали. Она удивленно взглянула на Анатолия и испугалась, сама не зная чего, у неё так и не хватило смелости сказать что-то в свое оправдание. Она боялась обидеть кого-либо из присутствующих своей резкостью.

– А представь себе, появится ребёнок. Что вы будете делать? Анатолию надо учиться. Он всего на третьем курсе, да, вечернее отделение, да, он работает. Но появление ребёнка не даст ему учиться. Значит, прощай образование? – с каким-то надрывом продолжала мать.

Светлане было обидно, досадно. Эх, если бы она не была такой трусливой! Встать бы и уйти! "Хоть бы не разреветься. Гордость у тебя есть, Светка! Я же никогда не говорила о свадьбе. Почему она с такой неприязнью об мне?" – кружились в голове суматошные мысли. Роскошный тортик потерял вкус и не лез в горло.

– Вот ты сейчас на каком курсе?

– На первом, – виновато выдавила из себя Светлана.

– А ты вообще поставь крест на высшем образовании! Как учиться с ребёнком?

– А я перейду на заочное, – попыталась защититься гостя.

– Нина, ну хватит об этом, пусть девочка хоть чаю попьёт, – попытался перевести разговор Александр Валерьевич.

Внезапно Анатолий, почти не участвовавший до этого в разговоре, вскочил с места и сказал:

– Всё. Пойдём отсюда, Светка. Попили чаю. Спасибо.

* * *

Спустя полгода свадьба всё-таки состоялась, как и мечтал Анатолий, в августе. Надо сказать, что он ощущал себя во многом баловнем судьбы, потому что мать, очевидно где-то в глубине души чувствовавшая свою вину за то, что бросила его своим родителям, всегда покупала ему самую лучшую одежду и ссужала деньгами по первому требованию, поэтому работать он не любил. Этот эгоистичный хулиганистый красавчик, за которым увивались девчонки на работе и в институте, сумел показать мужской характер и настоять на своем.

Родители Светланы – простые скромные люди – отказали ему, когда он предложил сыграть свадьбу без согласия его матери.

– Надо, чтобы все, как у людей, – сказала мама Светы, – засылай сватов, будем думать о свадьбе.

Позже Светлана случайно узнала, что Анатолий умолял, стоя на коленях перед своей строгой матерью, чтобы она и бабушка стали его посланцами в сватовстве любимой девушки.

* * *

Беременность для Светланы становилась испытанием. Они уже почти три месяца счастливо жили в маленькой комнатке в квартире бабушки и дедушки Анатолия. Что же делать теперь? Бабушка Толика сразу после свадьбы предупредила, что ребёнок в этих стенах не нужен, он будет беспокоить пожилых людей, особенно дедушку, который еще работал и приходил домой усталым.

Ребёнок! Это маленькое хлопотное счастье, которого ждут тысячи семей. Она сидела в комнате, не зажигая свет. Скоро придёт с работы Анатолий, надо сказать ему. В книгах и фильмах она много раз читала и видела, как реагируют любящие мужчины на подобное известие. Что скажет Анатолий? Она прислушивалась к себе, стараясь почувствовать тайное движение внутри ещё совсем плоского живота.

– Эй, привет! Что сидишь в темноте?

Вспыхнул свет, и на пороге комнаты появился улыбающийся муж.

– Что-то случилось? Ты заболела?
 – Ты знаешь, я сегодня украла у бабушки яблоко в прихожей.
 – На суд! – дурашливо закричал Анатолий, – тебя будет обвинять любимая свекровь!
 – Может, и будет, – прошептала Светлана.
 – Толя, ты скоро будешь папой!
 – Не понял...
 – Балда, у нас будет ребёнок, представляешь?
 – Здорово, – закричал Анатолий, схватил Свету за уши и чмокнул в нос. И тут же тон слегка изменился: "Здорово, конечно, но надо подумать, как быть".
 – Что за шум? – постучавшись, заглянула бабушка.
 – Мама, у нас будет ребёнок! – закричал Анатолий, обнимая бабушку, потерявшую дар речи от этого известия.
 В большой матрёшке с этого дня стали появляться три небольших яблочка от Толика.

* * *

Через неделю, когда мужчин не было дома, неожиданно в комнату к Светлане вошли свекровь Нина Николаевна и бабушка Аня.
 – Светлана, нам надо с тобой поговорить, – начала разговор Нина Николаевна. – Мы знаем, что ты ждёшь ребёнка, а это касается всей нашей семьи. Как ты планируешь жить дальше?
 – Почему я? Мы с Анатолием, – опять растерявшись робко проговорила невестка.
 – За всё несёт ответственность женщина. Ты же понимаешь, насколько вы разные люди. Ну, проживёте год-два. Зачем тебе этот ребёнок?
 – Почему год-два? – прошептала Светлана, ошарашенная напором.
 – Сейчас для вас главное – получить высшее образование, – вступила в разговор бабушка. Как бедный мальчик будет учиться и содержать семью? Это невозможно!
 – В общем, так, Светочка, у меня подруга – прекрасный специалист, лучший в городе акушер-гинеколог. Завтра она тебя ждет. Сделаешь аборт. Больно не будет, она уколет, и всё быстро закончится. И не нужно со мной спорить. Я желаю вам только хорошего, – безапелляционно заявила свекровь.
 – А Анатолий что скажет? – прошептала окончательно сражённая страшными словами опешившая Светлана.
 – Он возражать не будет.
 Напор был такой, что Светлана опомнилась только после ухода родных мужа. Она словно впала в какой-то ступор. Не хотелось

шевелиться, думать. Ноги были ватные, а где-то внутри рос большой холодный комок. Не хотелось даже плакать. Она очень желала, чтобы её приняли в эту семью, никогда не спорила, не возражала, старалась помочь, чем могла, бабушке и дедушке. А оставалась чужой, временной женой для любимого сыночка и внука. Ею просто пренебрегают, они хотят убить её ребенка!

Медленно, как во сне, она встала с дивана, побросала в сумку первые попавшиеся вещи и вышла из дома. Куда идти в беде? Конечно, к маме и папе.

* * *

Только дома, в маленькой квартирке, где никому не было тесно и где дружно жили мама, папа, бабушка и сестричка, только здесь она дала волю слезам.

– Прекращай реветь! – сурово сказал отец. – Нам внук или внучка не помешают. Оставайся дома.

– Да у вас места для себя нет, а тут я и ребёнок, – пыталась возразить Света. – Вы ещё за свадьбу долги не отдали, а тут я опять вам на голову, – плача причитала она.

– Убить ребенка, своего, законного, – это не по-людски. Проживём, оставайся, – отозвалась заплаканная мама.

– Всё. Разговор окончен, – поставил точку отец. – И ещё хочу тебе добавить, дочь, никогда ничего не проси у этих людей, не унижайся. Спрашивай у меня. В чём смогу, помогу.

Анатолий появился у родителей Светланы в тот же вечер. Но на уговоры вернуться к бабушке у неё хватило сил отказать, и молодой муж впервые понял, что его тихая, покорная жёнушка имеет твёрдый характер. Вначале он еще пытался уговорить её вернуться, а потом перестал.

Через месяц он пришел за Светланой, с загадочным видом пригласил погулять и пообещал сюрприз. На автобусе они приехали на окраину города с новостройками. Только один дом стоял среди непролазной строительной грязи, но был уже явно заселён. Они поднялись на второй этаж. Жестом фокусника Анатолий распахнул дверь в малюсенькую комнатушке общежития.

– Заходи, хозяйка, это наш дом теперь!

Он признался, что пошёл работать на стройку, где ему дали эту комнатку в семейном общежитии.

На пустом подоконнике комнаты стояла матрёшка с тремя яблочками.

СВЕТЛАНА МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО

Краснодар

Макарова-Гриценко Светлана Николаевна – поэт, прозаик, публицист, секретарь Союза писателей России. С мая 2004 года возглавляет краевую писательскую организацию. Главный редактор журнал "Краснодар литературный".

Светлана Николаевна – заслуженный деятель искусств Кубани, лауреат Саратовской губернаторской литературной премии им. М.Н. Алексеева (2008), Международной литературной премии им. В. Нарбута (2014), Всероссийской православной литературной премии святого благоверного князя Александра Невского в номинации "Проза" (2015), кавалер Золотого ордена "Служение искусству", других общественных и ведомственных наград.

**ПРО ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ
В ЦИФРОВОМ МИРЕ И ВТОРИЧНОЕ
ОДИЧАНИЕ**

Начну с цифрового мира. Хотя уверена, в двадцатом году двадцать первого века уже никому не нужно объяснять, что это такое. Всё же вспомним известное утверждение Пикассо и немного перефразируем: литература – это ложь, которая говорит правду. И ведь не поспоришь! На самом деле именно писатели первыми и намного раньше цифровых времён представили нам это самое цифровое время в ярких художественных образах. Давайте вспомним роман Чернышевского "Что делать", с идеей стеклянных домов и полной прозрачностью общества. Ленин говорил, что этот роман "рано читать тем, у кого молоко на губах не обсохло". В этом же ряду роман-утопия Евгения Замятина "Мы", который уже сто лет повествует о тоталитарном обществе будущего, управляемом по математически выверенным формулам. Аксиомой и в одном, и в другом произведениях звучит – свобода и счастье несовместимы. Даже двери и полы в романе Замятина тоже стеклянные.

В 1949 году Джордж Оруэлл выпускает свою знаменитую книгу (запрещённую ныне в Китае) "1984", и, думаю, совсем не случайно

выходит она параллельно с окончанием работы над рукописью "Властелин колец" Толкиена. У Оруэлла прозрачность жизни общества обеспечивает телеэкран, который работает в двух направлениях: и на приём, и на трансляцию. Однако суть цифрового мира, на мой взгляд, идеально ёмко и образно удалось определить именно Толкиену: око Саурона на башне. Оно неусыпно наблюдает за каждым живым существом Средиземья. И, главное, оно устремлено не просто в пространство, а в глубину сознания. Под взглядом Саурона теряется собственная воля, оно блокирует самооценки и делает людей не только послушными и управляемыми, но глупыми и недалёкими. По своему виду око Саурона напоминает глаз с масонской дельты, изображённый на каждом долларе, и словно неколебимо запечатлевший "Тебе не скрыться...".

Всевидящий глаз есть и у христианской религии. Существует старообрядческая икона "Божественное око". Это прообраз Страшного Божественного суда, на котором откроются все поступки и мысли каждого. Но люди решили создать свою систему. И вот сегодня, чтобы приучить наших детей к уже далеко не утопическому прозрачному миру существуют телешоу и телепроекты "За стеклом", "Большой брат", зрители смотрят и не подозревают, что и

сами окажутся в этом просвеченном и пробуренном оком Саурана мире. Уже внедряется сканирование детских лиц в школах. Зачем? Ведь оно не защитит ни от террористов, ни от проноса опасных предметов, ни от конфликтов внутри школы, ни от опасных травм. Выходит, что главная суть проекта – приучить к правилам и реалиям жизни в новом прозрачном цифровом мире?

Я не считаю себя замшелым консервативом, отрицающим технический прогресс и подвергающим остракизму всё, что может нести в себе цифровизация, поверьте. Сама по себе цифра – это только средство. Как использовать её, зависит от человека. К сожалению, обманываться не приходится. Понятие воли и свободы в создаваемом на наших глазах цифровом пространстве исчезает вовсе. Власть нуждается в тайне. Индивид превращается в товар. К внедрению в нашу жизнь прозрачных стен и дверей, несомненно, толкает торговля. Количество денег, которые тратят дети с 12 лет и младше, в скором будущем в Америке будет составлять триллион долларов. Вот и представьте себе жизнь под стеклом на фоне ювенальной полиции. И только попробуйте отказать ребёнку, требующему купить ту или иную игрушку, попробуйте таким образом травмировать дитя... Последствия не заставят себя ждать.

Теперь из цифрового мира, из мира стекла и пластика, повсеместного электричества и ТВ-комфорта, давайте обратимся ко временам страшным, диким, древним, доисторическим. В традиционно-упрощенном понимании мы привыкли видеть древних людей, как распущенных, злобных тварей, в среде которых царят полный половой беспорядок, кровавые культы и дикие суеверия, идолопоклонничество и жажда насилия. Это видение очень соответствовало марксистской – и либеральной – концепциям об исторической изменчивости человечности, о непостоянстве смыслового содержания этого понятия. Увы, оно мало соответствует исторической правде. Труды антропологов доказано, что стадия промискуитета, полового беспредела, не есть первичное состояние человеческого стада, что она уже вторична для человеческих племён, и она же – противоестественная, созданная под влиянием демонических религиозных культов. Человеческие жертвоприношения не свойственны

древним общинам, они появляются много позже начала истории, и появляются не сами по себе, а в ходе развития демонических мистерий. Ранние общества вполне гуманны, словно бы не вышли из животного стада. Даже преступников-душегубов там не казнят и не приносят в жертву, а изгоняют. Причём, не являются исключением и древние племена и культуры мезо-Америки, о которых мы знаем сегодня как о претерпевших наиболее сильное демоническое влияние, так вот у Ацтеков, Майя и Инков жертвоприношения людей вошли в практику не от начала государственности, а много позже. "До установления господства тольтеков в жертву приносили чаще всё же не людей, а животных. Известно, что дикие индейки, собаки, белки и игуаны считались вполне подходящими приношениями для богов майя" (См. М. Ко, "Майя", М., 2001, стр. 207).

"Таким образом, "демонические культы" появлялись не совместно с организацией городов-государств или укрепленных поселков, они возникали совершенно независимо от вещественной стадии развития той или иной культуры. Теории об их "особой" нравственности, об особых моральных мерках для каждой эпохи безосновательны. Добрые люди древности были не менее добры, чем добрые люди нашего времени, и злые люди древности были не более злы, чем наши злодеи. По сути, нет ни одного вида злодейства, которое ушло бы в прошлое вместе с изменением и развитием материальной культуры. В XX веке человечество тешило себя иллюзиями, что мы "переросли" жестокие способы казней и пытки, но, как показывает 21, мы ничего не "переросли", и в иных душах не меньше тьмы, чем в душах кутиев или гуннов" (А. Леонидов-Филиппов "Демонические культы: шёпот преисподней").

Нельзя не вспомнить в этой связи слова Генриха Лейбница, сказанные в XVII веке: "ЗЛО ПУБЛИЧНОЕ удваивается". Да и как не вспомнить это его утверждение в наш цифровой век, с нашими ТВ и Интернетом, напичканными сценами насилия и разврата.... **Публичное зло удваивается!**

По словам писателя и учёного Александра Леонидова, "демонизм, очевидно, имеет опору

вне человеческой природы, поскольку обладает унифицирующей однородностью проявлений, стабильный и сильный вектор воздействия на всю человеческую историю. Ключевым направлением демонизма является деятельность по уничтожению материальных носителей информации, памяти и сознания, а также препятствование их нормальному функционированию. Демонизм становится прото-основой ряда религий, идеологий, социальных практик. **Именно это даёт основания не относить демонические практики, встреченные у примитивных племён Африки на счёт "животности", близости к природе, наследием до-человеческих стадных отношений".**

В XIX веке учёные-этнографы изучали демонические культы на примере бесчеловечных ритуалов у народов западного Банту, это большие этнические группы, проживающие, практически, по всей территории Африки. Совершенно непонятное для нормального человека стремление мучить своих соплеменников, упиваться их страданиями и паническим ужасом, их смертью от пыток, причём, безо всякой разумной хозяйственной надобности. Как утверждает Деникер, именно эта жажда мучений стала в конце XIX века одной из ГЛАВНЫХ причин вымирания народов, например, во французском Конго.

Решусь предположить на примере антикультурного развития народов Банту, что человеконенавистничество и вторичное одичание грозит и христианским народам, если они забудут заповеди Спасителя, который, придя в мир, уберёт нас от шёпота преисподней, имеющей конечной целью всеобщую смерть человеческого рода, того самого шёпота, от которого не были защищены народы в Африке.

Людоедство и садистские ритуалы возникли не в седой древности, произошли не от "бескультурия" и темноты. Народные легенды многих европейских стран повествуют о "золотом веке", за которым, увы, последовало отступление от данных Богом заповедей, произошла демонизация общества и порча нравов.

Ведь у тех же народа Банту исследователи с огромным удивлением обнаружили подтверждения их версии легенды о "золотом веке". Выяснилось, что в исторически обозримом

прошлом Банту жили в справедливом государстве Бу-Шонго. В котором правили мудрые властители, избирались делегаты от разных ремёсел, даже от женщин и от рабов. Именно эти делегаты играли роль противовесов и в составе советов ограничивали власть правителя в пользу различных социальных слоёв. "Моральный кодекс Бу-Шонго" – пишет Деникер – "стоял на высокой степени развития". Кстати, существует и европейская легенда о "золотом веке", который мы уже миновали. Относя поначалу эту легенду к выдумке, учёные склонны теперь поменять своё мнение и признать его существование во времена былые.

А теперь снова вернёмся в XXI век и посмотрим, как может продвигаться у нас идея каннибализма. Вернее, как в окне Овертона невероятное становится нормой. Я лишь схематически обрисую, наверняка, многим эти технологии уже знакомы. Итак, в вожделенном цифровом сказочно-прекрасном далёком от дикости цивилизованном мире существует свобода слова. И почему бы не поговорить о людоедстве? Особенно учёным, например, на этнологическом симпозиуме по теме "Мистические культы африканских племён". О каннибализме, оказывается, можно говорить вполне предметно и респектабельно. Окно сдвинулось. Одновременно с околонучной дискуссией в ИНЕТЕ может возникнуть "совершенно случайно" "Общество радикальных каннибалов". И все мировые СМИ об этом сообщат, расскажут о "плохих радикальных каннибалах". Табу снято, тема десакрализована. Следующее движение Окна – перевод темы из радикальной области в область возможного. На этой стадии цитируются "учёные". Ведь нельзя отворачиваться от знаний. А тот, кто откажется обсуждать каннибализм – лицемер и ханжа. Осуждая ханжество, людоедству обязательно заменят название. Нет больше людоедства и каннибализма, они слишком оскорбительны. Теперь их обозначают, как антропофилия, например. Параллельно с игрой в имена вытаскиваются все факты легитимные из истории и мифов. Мать напоила своей кровью жаждущих детей, античные боги поедали всё подряд... и проч. Главная задача этого этапа вывести поедание людей из-под уголовного преследования. Затем Окно Овертона двигается из области воз-

можно в область рационального. Создаётся "поле боя" за проблему: "пусть каждый решит сам", "пусть определит, кто он – антропофил или антропофоб", "не скрывайте проблему", "а есть ли в антропофилии вред?" "Учёные" и журналисты доказывают, что человечество на протяжении всей своей истории поедало друг друга. Антропофилия массово проникает в новости и ток-шоу. Выясняется, что многие великие – антропофилы...

И вот кто-то уже съел свою жену, потому что жизнь заставила. А если быть объективными, то антропофилы – хорошие люди, у них высокий IQ. "Она хотела быть им съеденной, потому что это была Великая любовь..." Начинается подготовка законодательной базы... Слава Богу, пока этого у нас нет. Но уже есть Грета Тунберг, уже есть призывы употреблять в пищу трупы людей, уже кричат датские школьники, предлагая поедать младенцев ради спасения Земли, ради спасения несчастных животных. Кстати, закон о защите животных был принят Гитлером в Германии, Гитлер любил животный мир, особенно собак. И как тут не вспомнить: "Если заговорили о любви к животным, жди бесчеловечные времена"... Вы не поверите, дорогие друзья, Окна Овертона, эта технология, работает даже при её осознании. **Воздействие на подсознание оказывается через базовые потребности человека.**

1. Толерантность.

2. Эвфемизм, т.е. замена неудобного термина на нейтральный, не несущий эмоциональной нагрузки. (Оцените: *душегубубийца-киллер*)

3. Принадлежность к стае.

4. Иллюзия авторитета.

5. Законно – значит правильно.

Цель технологии получить новый нужный вектор развития. Вы скажете, ну зачем же сгущать краски? В 20-м году XXI-го века нет никаких антропофилов и антропофобов. Не надо их придумывать. А что есть сегодня? Какой уже точно и определённно существующий вектор предлагается нам в первой четверти двадцать первого века? Вот здесь, поверьте, я уже приближаюсь к теме чтения, детского чтения, хотя я от неё не отходила и надеюсь, что моя логика угадывается. Давайте поговорим не о книгах. Давайте поговорим о кино, именно здесь новый вектор прослеживается, конечно

же, наиболее ярко. Потому как, ну кто в XXI веке читает книги? А фильмы смотрят все! Итак, лучшим фильмом 2014 года кинокритики США назвали драму "**Прощай, речь**". Это "нечто" престарелого франко-швейцарского режиссера Жан-Люка Годара признано лучшей картиной по версии Национального общества американских кинокритиков. В основе кинокартины история о замужней женщине, одиноком мужчине и собаке. Фильм демонстрировали на Московском кинофестивале. Режиссёр, как известно, признан классиком французской "новой волны", которую характеризуют всё более тупые спецэффекты, адресованные явным дебилам да изыски элитарных "киномастеров", прячущих собственную пустоту за непонятностью, а вернее даже за бессмысленностью. Так вот "Прощай, речь" снята от лица собаки, свидетеля развивающейся любовной истории, – и претендует стать иконой стиля нового кино. "Прощаясь со словами, с привычным логоцентричным кино, Годар предлагает вместе с ним проследить за рождением другого, непереводаемого и универсального языка, на котором он по-прежнему говорит едва ли не лучше всех, кто сегодня называет себя кинорежиссером" – пишет журнал "Кинообозрение". Про фильмы, предшествующие картине "Прощай, речь", с которых зрители уходили из зала на десятой минуте, восторгающаяся Годаром "Газета.ру" всё же не смогла не заявить следующее: "Руководствуясь линейной логикой, понять что-то в этом киновареве было решительно невозможно".

И вот теперь, наконец, поговорим о текстах. Прежде всего: ключевой вопрос нашего с вами бытия заключается в иерархии текстов человеческой культуры, которую и порождают приоритеты. Именно расстановка текстов, определение, какие из них важны, сверхважны, помогает понять, что является абстракцией мышления, а что можно смело отнести к бреду.

Литературные тексты – не зеркальное отражение действительности, в этом случае они были бы лишены смысла и совершенно бесполезны. Литературные тексты – это осмысление происходящего вокруг, осмысление состояния общества, общественных процессов. Это создание ярких художественных образов, способных воздействовать и на ум, и на сердце человека, конечная цель литературного творчества – разговор о главных смыслах человеческого

бытия. Конечно, разговор этот не может и не должен быть примитивным. Литераторам нужны символы, аллюзии, метафоры, парадоксы и т.п., но они не могут становиться самоцелью, процесс создания литературного текста не должен заканчиваться на создании необычного "инструментария", ведь перечисленные ранее приёмы и являются инструментами писателя.

Но именно "инструментарий" может стать миной замедленного действия. Как отличить метафору, аллюзию, символ, парадокс, паллиатив – от бреда? Где грань, за которой сложное абстрактное мышление становится лишь подобием мышления и превращается в полную нелепицу?

Не секрет, что сложная метафора, перенесённая в условия иной страны, иной культуры, не только покажется бессмысленной, но и будет таковой. Например, англичане, если хотят обвинить кого-то в трусости, говорят, дословно, "показать белое перо", а русские умеют "водить за нос". Разве это не сумасшествие, если без всяких объяснений перевести это с языка оригинала?

Но метафора – только часть смысла. Ещё более значимо и жизненно важно для нас, повторяю, та самая соподчиненность текстов относительно друг друга в рамках общей культуры. Если будет потеряна иерархия текстов, мы не сможем понять разницу МЕЖДУ АБСТРАКТНЫМ МЫШЛЕНИЕМ И БРЕДОМ!

Для пояснения этого научного закона очень наглядна детская песенка про старичка-лесовичка, который зацепился за сучок и просит детей ему помочь спуститься на тропинку. Здесь иерархия текстов строго соблюдена, самым приоритетным выступает контекст традиционного христианского гуманизма европейской цивилизации. Именно по этой причине мы с вами понимаем, почему и зачем старичку-лесовичку нужно помочь, а не, скажем, высмеять его нелепое положение, съездить в качестве добычи или просто обратить на него внимание.

Смысл детской песенки очевиден только тому, кто находится в контексте христианской традиции человечности, хотя о ней ни словом не упомянуто. Да и не должно: главные тексты культуры действуют как бы за кадром текущих текстов, они присутствуют по умолчанию. Ес-

ли бы их выпячивали – они были бы не главными текстами, а полемическими. Далее в песенке выступает приоритетность народного фольклора. Как вымышленная фигура "старичок-лесовичок", ничем не отличается от, например, "старичка сортирного". Но о последнем нет и не может быть речи! Народный фольклор почитаем у всех народов и доминирует над авторской выдумкой.

Итак, суть ясна: приоритетные тексты умолчания – всем знакомые и всеми признанные авторитетными – не дают сказке превратиться в пустословие. Если этот культурный контекст убрать – то разделение произведения искусства и бессмыслицы исчезнет, между ними встанет знак равенства и станет символом разрушения всей нашей культуры! Поэтому, прежде чем давать в руки малышу новую книгу, обязательно определите, какой текст стоит по умолчанию? Присутствует ли в книге самый главный контекст: европейская христианская традиция? Ведь на самом деле свободная с виду фантазия художника или оратора должна быть очень жёстко ограничена обсуждаемой нами иерархией текстов. Если бы дети вместо помощи бедняге Лесовичку обругали бы его или ударили палкой, или равнодушно прошли мимо, то гневу, возмущению родителей не было бы предела. И это справедливо! То же самое случилось бы, если бы вместо Лесовичка выдумали бы "Говнючка", и он вылезал бы перед детьми прямо из сортира в соответствующем виде. Впрочем, в наш цифровой век уже и этим не удивишь, ведь во Франции создан цикл детских передач, героями которых являются человеческие фекалии...

Ну, а что случится, если иерархию разрешат нарушать? Или если главные тексты вдруг станут "не всем известными"?

Здесь уже точно не до шуток, потому что в этом случае мы получим духовную катастрофу. Вслед за распадом иерархии текстов – начинается распад мышления. Утраченный безусловные и необсуждаемые ценности человек – довольно быстро перестаёт быть человеком. Ведь даже и речь человеческая – продукт иерархического сопряжения, согласования. И слова тоже разные. Есть главные – которые всем нужно знать. Есть жаргонизмы, термины – которые не всем знать обязательно. Есть и глоссология, (а кроме неё шизофазия) –

бессмысленное звукоиспускание, которую не нужно знать никому...

Дорогие друзья, пожалуйста, обратите внимание на эти слова, когда вы открываете детские книги. Сейчас их издают авторы за свои деньги в любой типографии. И шизофазии там более чем достаточно. Почему-то считается, что чем нелепее будут эти самые шизофазии и вредные советы, тем круче! Шизофазии сегодня наводнили даже школьные учебники. При этом уродуется язык, смешиваются "кони, люди" да ещё и приправляются частенько англицизмами...

Хотя иерархия текстов, конечно же, актуальна для всех возрастов, но, согласитесь, особенно страшно её разрушение в детских книгах. Итак, что стоит во главе угла детского чтения? Христианская традиционная мораль с чётко оформленными понятиями добра и зла. Теперь давайте ответим на вопрос: формирует ли эти понятия самая продаваемая, самая популярная в XXI веке книга для детей "Гарри Поттер"? Кстати, вы не задумывались, почему так победно прошла она по континентам, городам и весям? Даже если действительно именно эта книга – выдающееся произведение для детей, которое перевели на 67 языков мира, как смогла писательница Джоан Роулинг (кстати, её частенько называют домохозяйкой) настолько ярко заявить о себе, получив баснословные тиражи и гонорары? Ведь литературные критики уверяют, что в наше время, родись второй Гоголь, о нём вряд ли узнали бы... А не реализована ли с помощью этой книги та самая технология Окна Овертона? Ведь в "Гарри Поттере" нет добрых и злых. В ней рассказывается о своих и чужих. То есть, в этой книге преподносится уголовная этика. Свои – хорошие, чужие – враги. Снискав мировую славу, писательница была уверена, что именно она занимает верхнюю позицию писательского пьедестала, возглавляет либеральное литературное крыло. Но, двинув Окно Овертона в разрушении христианской морали, она сама ощутила последствия. Джоан Роулинг столкнулась с ожесточённой критикой после того, как публично поддержала уволенную сотрудницу лондонского Центра глобального развития Майю Форстейтер, высказавшую сомнение, что мужчина может стать женщиной. Роулинг тогда опубликовала в Твиттере серию ироничных сообщений. В итоге ЛГБТ-

сообщество обрушилось на Роулинг с обвинениями. И писательница в числе 150 литераторов, журналистов и общественных деятелей, среди которых и российский оппозиционер Гарри Каспаров, вынуждена была подписать открытое письмо, осуждающее ограничение открытых дискуссий и бойкот публичных персон за выражение частного мнения о какой-либо социальной группе. Поняла ли Джоан Роулинг, что "Гарри Поттер" отыграл своё, предназначенное ему, действие? Теперь Окно Овертона двигают другие, рассказывая уже не про колдунов и магов, не про рецепты их снадобий, не про их заклятия, с которыми всегда боролась церковь, а про любовь мальчика к мальчику и девочки к девочке. Разрушение христианкой морали перешло на новый этап. Какова конечная цель? Довести нас до состояния демонических африканских племён? И, в конце концов, привести к вымиранию? Пожалуйста, вспомните об этом, когда будете рекомендовать школьникам книгу "Гарри Поттер".

В этой связи не могу не сказать о тлетворном влиянии литературы и перспективности именно литературы в технологии Окна Овертона в продвижении демонических идей. Потому что литература – поле битвы за сердца людей, невидимая война добра со злом, которая ведётся испокон веков, не затихая ни на минуту. Литературу лишь в малой степени можно определить, как изысканно-утончённое искусство для услаждения изощрённого слуха эстетов, но в главном своем предназначении – это средство для управления массами. С её помощью удобно формировать неокрепшие души, управлять умами, вести развитие общественной мысли в нужном направлении. Причём, и управление и влияние не кратковременно, оно имеет долгосрочную перспективу. Именно поэтому многими даже не замечается. Слово, особенно слово написанное, зафиксированное, обретшее плоть, может стать стимулом к действию – пробудить у человека желание изменить действительность. Писатели – властители дум. А уж детские писатели – вдвойне. Они говорят с нашими детьми, что называется, с глазу на глаз. Литература – самое интимное искусство, разговор между писателем и читателем, самый длинный и доверительный разговор о самом главном, должен быть о самом главном. Так о чём писатели говорят с нашими детьми? Душесозидательный ли это разговор? Или только стремление вы-

дать за шедевры плоды своего патологического воображения?

Настоящее творчество всегда позитивно, всегда ведёт к душевному преобразованию, нравственному совершенствованию. Оно всегда зовёт к свету и Богу. Даже если Раскольников убивает старуху-процентщицу и идёт на каторгу, это путь очищения и просветления. Это путь, который открывает для нас русская классическая литература. Конечно, мы должны понимать её как камертон.

Я много лет работаю в писательской организации и уверенно могу заявить, что вдохновение бывает не только от Бога, но и демон делает человека вдохновенным. Дурное семя – дурное племя, – давно сказано в народе. Дурное вдохновение – дурные и плоды его.

На невероятную высоту взгромоздили у нас Серебряный век. А ведь весь он – "Любовь, исполненная зла", как утверждает Станислав Куняев в своей одноимённой книге, посвящённой веку декадентства, веку модных тогда упаднических мотивов и воспевания суицида. «"Голубая речка / Обещает мне / Тёплое местечко / На холодном дне..." (Г. В. Иванов). "Пробочка над крепким йодом, / Как ты быстро перетлела. / Так вот и душа незримо / Жжёт и разъедает тело..." (В. Ф. Ходасевич). Куняев, например, убеждён, что и гибель Цветаевой – это результат той самой отравы, которую она получила от Серебряного века.

*Вскрыла жилы. Неостановимо.
Невосстановимо хлещет жизнь.
Подставляйте миски и тарелки.
Всякая тарелка будет мелкой.
(М.И. Цветаева)*

Вот она пишет:

*Дурная мать! – Моя дурная слава
Растёт и расцветает с каждым днём.
То на пирушку заведёт Лукавый*,
То первенца забуду за пером...
("Памяти Беранже")
(* Лукавый с большой буквы)*

И ведь это не просто слова, вспомните про её старшую дочь Аню, которую она считала недостойной такой матери, как Марина Цветаева. Девочка погибла...

В тексте не спрячься. Это мне давно объяснили, и я полностью согласна. В цифро-

вом нашем веке очень много детских самоубийств. Тем не менее, Серебряный век для века XXI в нашей стране – просто эталон, о нём снимают фильмы, его тиражируют в СМИ. В противовес социалистическому реализму. Но вот парадокс: в советский период, практически, нет, не создаются произведения, разрушающие сознание, их почти нет. Поэзия и проза советских писателей полна света, надежд, жизненных перспектив. В ней нет ни убогого нытья, ни декадентской тоски, ни убийственного уныния. Русская литература советского периода учила добру и жизнелюбию, учила любить труд, призывала к подвигу и самопожертвованию, она не искала смысл жизни – она его утверждала. И самое главное, она давала положительных героев, как пример для подражания. Детям было на кого равняться. И стремясь быть похожим, ребёнок, юноша, читающий человек хотел становиться умным, добрым, справедливым, честным, решительным, благородным. Он хотел быть героем и становился героем.

Буквально на днях в Краснодаре, в библиотеке братьев Игнатовых мы подводили итоги краевого литературного конкурса, и ведущая спросила одного из участников, на какого литературного героя он хотел бы быть похожим. Парень долго собирался с мыслями и, наконец, неуверенно произнёс "на "Горе от ума". На главного героя пьесы он бы хотел походить, так, увы, и не вспомнив его имя. Чацкий нравится школьникам цифрового века, он дерзкий, он обличитель, он ниспровергатель XVIII века, консервативного и отсталого, по словам Чацкого. Но теперь-то мы знаем, что в век Екатерины Россия приобрела международный авторитет, приросла землями, благодаря усилиям тех, кого осмеивал Чацкий. А в веке XIX-м люди, очень похожие на героя пьесы, запустили огромные разрушительные процессы, которые привели страну к революции... Но кстати, предпосылки Серебряного века с его манией величия гения непонятого всеми были и в веке XVIII-м. Вспомним Сумарокова и его бессмертное: "Иди душа во ад и буди вечна пленна. О, если бы со мной погибла вся Вселенна". Я работаю в семинарах с молодыми и начинающими, поверьте, это сказано на все времена...

Не могу не назвать имена советских писателей, которые помогут школьникам осознать

себя русскими людьми. Это произведения Михаила Пришвина, Ивана Соколова-Микитова, Михаила Шолохова, Льва Кассиля, Аркадия Гайдара, Василия Шукшина, более близких к нам по времени Виктора Астафьева, Валентина Распутина, Василия Белова, Владимира Чивилихина, Николая Носова, Анатолия Алексина, Владислава Крапивина, Виктора Драгунского. Из поэтов – и вовсе можно назвать целую плеяду – Алексей Ганин, Сергей Марков, Николай Рубцов, Алексей Прасолов, Николай Тряпкин. Ну и для самых маленьких – Агния Барто, Корней Чуковский, Самуил Маршак, Сергей Михалков. Вот эти имена – компас, камертон, маяк для нашего цифрового века.

А как "аукаются" ошибки писателей? Наверное, они дают о себе знать не просто через годы. Они влияют на целые поколения, формируя их. Недаром И.В. Сталин назвал писателей "инженерами человеческих душ", он нисколько не сомневался, что их произведения могут быть мощным идеологическим оружием. И такое оружие было взято государством под контроль. Кстати, о пользе цензуры, как вы помните, писал ещё Пушкин. Ну, а Сталин, как известно, всячески покровительствовал писателям, создав для них особые условия жизни в Советском Союзе. В этом смысле Иосиф Виссарионович был в высшей степени мудрым человеком, потому что понимал: если в руках врача – жизнь человека, то в руках пи-

сателя – душа человеческая, которой... можно управлять.

Дорогие друзья, мы с вами прекрасно понимаем, что управлять детскими душами намного проще, потому что здесь работа идёт с чистого листа. Подводя на сегодня итог сказанному, я теперь уже прямым текстом выделю главные мысли, в правильности которых я вас убеждала: к сожалению, мрачные романы-утопии сбываются. К сожалению, технический прогресс не может нам гарантировать, что демонические культуры исчезли навсегда, человечество переболело страшными болезнями и нашло противоядие. Увы. Пока симптомы очень тревожные, вторичное одичание грозит и цифровому веку. Поэтому мы с вами должны твёрдо и чётко понимать, что такое хорошо и что такое плохо. Мы должны уметь увидеть в предлагаемых детям текстах истинные цели и задачи, которые поставлены авторами. И мы должны уберечь наших детей от их пагубного влияния.

Закончу я словами Джозефа П. Овертона, рассказавшего нам о самой технологии Окон: "Но лично ты обязан оставаться человеком. А человек способен найти решение любой проблемы. И что не сумеет один – сделают люди, объединённые общей идеей". Эта идея – сохранение наших детей и сохранение России. Воспитание достойных, психически здоровых людей.

СЕРГЕЙ ЛЁВИН

Анапа

Лёвин Сергей Александрович – поэт, прозаик, публицист, член Союза писателей и Союза журналистов России. Родился в г. Котовске Тамбовской области. Окончил филфак Тамбовского госуниверситета имени Г.Р. Державина.

Лауреат молодежных премий в области культуры губернатора Кубани и главы города-курорта Анапа, лауреатом фестиваля, посвящённого 200-летию со дня рождения Ф.И. Тютчева, и призёром московского литературно-художественного журнала "Дети Ра" в номинации "Проза". Финалист журналистской премии "Искра Юга" (ЮФО) в номинации "Лучший блог", лауреат премии "Золотое перо Кубани".

ЛАЙКОБЕСИЕ

Для начала – случай из жизни. Семья с сыном девяти лет ехала летом по Анапе в переполненной маршрутке, мальчику от тесноты и духоты стало плохо, и он прислонился к стеклу. Сердобольные пассажиры кое-как распахнули окно пошире, а девушка, над которой стоял, едва не падая в обморок, ребёнок, всё это время продолжала перелистывать картинки в Инстаграме и ставить лайки. Что характерно, никто не сделал ей замечание: вроде делом занята, смотрит на экран внимательно, пальчиком тычет осознанно – работа мысли налицо.

Время селфи

Раньше говорили: "Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты". Сейчас психологический портрет легче лёгкого нарисовать, изучив страничку человека в одной из популярных социальных сетей. Алгоритм элементарный, открываешь и анализируешь. Например, если обновления происходят часто – значит, объект исследования как минимум жив (количество аккаунтов умерших людей никто не считает – возможно, цифра получится пугающей).

Смотришь дальше: есть личные фотографии – значит, настоящий человек, не фейк. Подписи к фото тоже имеются. Без ошибок – грамотный пользователь, славно. А если встречаешь "расхищает", "в букволальном смысле", "смешён", "без страшный" и т.д. – что ж, уровень образованности налицо. И это не мёртворожденный интернетный "олбанский", в котором слова искажаются осознанно и целенаправленно. Это незнание простейших норм родного языка, невежество, за которое автору, впрочем, не стыдно.

Каждый пост – личностная зацепка, чёрточка характера, штрих к портрету. Поэтому я френдленту формирую так: подписываюсь на пользователей, которые любопытны творчеством, гражданской позицией, нетривиальным мышлением, и игнорирую тех, кто делает бесконечные перепосты со страничек знаменитостей или тиражирует рецепты приготовления овсяной каши и коктейля из яйца. А ещё без сожаления отписываюсь от людей, внезапно выкладывающих рекламу БАДа для снижения веса и аргументирующих: "Я сам долго не верил, но попробовал, и получилось! Обращайтесь – всё расскажу в подробностях!"

Ещё, не колеблясь, удаляю из друзей девушек, вся лента которых состоит из селфи –

этакого апофеоза самолюбования. Мне вообще сложно понять, как можно раз за разом усердно фотографировать исключительно себя любимую: вот я в Париже с губками уточкой и загадочным взглядом из-под чёлки, а сзади, если присмотреться, "Мона Лиза" на стеночке висит.

Живущий на Кубани поэт и прозаик Николай Ивеншев точно подметил:

*Время селфи,
и все застывают навек,
чтобы сняться кому-то на память.
Но учтите:
там выветрился человек,
а осталась одна пилорама.*

Ещё несколько десятилетий назад люди преимущественно фотографировали природу, свою семью и друзей, пейзажи. Как правило, это был удел профессионалов. Из-за трудоёмкости процесса проявки и затратности печати фотографией занимались единицы. Сейчас, благодаря телефонам со встроенными камерами, каждый сам себе фотограф, концентрация часто – тоже на себе. Продолжается гонка за выигрышным селфи, ценность которого исчисляется лайками.

Лайк стал единицей измерения. Он, по сути, эквивалент денег, иногда в прямом смысле. Топовые блогеры Инстаграма время от времени запускают акции под названием "лайк-тайм", собирая тысячи "сердечек" и вознаграждая денежными призами одного из отреагировавших на свежий пост подписчиков, которого определит генератор случайных чисел.

Соцсети запрограммированы отзываться на лайки – от их количества напрямую зависит, у скольких пользователей поста появится в ленте. Здесь важен эффектный вид, экзотический антураж, эротическая составляющая: фото в купальнике, соблазнительная поза, провокационный ракурс, многообещающий взгляд. Приветствуется риск – чтобы застыть на краю обрыва или встать во весь рост на перилах моста, перекинутого через пропасть. Процент смертей – результатов неудавшихся селфи – тоже никто не высчитывал. Неудобная статистика. Нелайковая.

Собирая больше "сердечек", пользователь Сети радуется: его одобряют, он нужен, инте-

ресен, востребован. Однако это лишь видимость. В ленте твой пост – лишь один из миллионов. Да и пользователи всё чаще ленятся даже нажимать на лайк, то ли экономя силы, то ли торопясь посмотреть как можно больше публикаций и не отвлекаться по мелочам.

Неукротимая тяга к постоянной проверке своих страничек в социальных сетях сродни наркомании. Люди, уткнувшиеся в экраны смартфонов, везде: на улице, в транспорте, кино и театре. Они могут запросто угодить под колёса, врезаться в фонарный столб или испортить просмотр фильма мерцанием дисплея с соседнего места (их так и называют "светуны"). Но неудобство для окружающих их не заботит: многие ли наркоманы думают о боли, которую причиняют своим близким?

Человек человеку – коуч

Отдельное вызывающее стойкое отторжение явление в социальных сетях – т.н. коучинг. Учитель, мастер, наставник – нет, такое слово не годится. Надо, чтобы звучало иноземно, непонятно, не по-русски.

Едва создав аккаунт, часть блогеров примеряет корону коуча и немедленно начинает давать советы. Они знают всё о том, как быстро и безопасно для здоровья скинуть вес, что одеть на первомайскую демонстрацию, какой макияж выбрать, отправляясь на вечеринку и, конечно, как зарабатывать баснословные деньги, не прилагая усилий. Поучения, как правило, подаются с налётом лёгкого превосходства и обращением непременно на "ты". Текст характеризуется избытком заглавных букв (синдром Caps Lock), смайликов и восклицательных знаков. Коучам необходимо постоянно подчёркивать собственную значимость и исключительность: только они способны избавить читателей от любых проблем и предложить единственно верное решение самых сложных вопросов. "Научу, как воспитать счастливого ребёнка!", "Расскажу, как не развестись!", "Помогу жить с мужем долго и счастливо!". "У вас проблемы в отношениях? Муж вас бьёт? – Это только потому, что вы ещё не купили мои курсы!" – реальные примеры.

Читать такую претенциозную лабуду невозможно: умный и деликатный блогер (такие есть) напишет по-иному, да и зачем ему учить

кого-то очевидным для любого более-менее образованного человека основам этикета и другим жизненным премудростям?

Потому чаще всего доморощенные коучи, возомнившие себя ловцами сетевых человек, выпустив по 8–10 постов, убеждаются, что им больше нечего сказать, и либо начинают повторяться, либо перестают являть свою гениальность миру. Таких гуру-однодневок – легион.

Гораздо хуже, когда "авторитетное мнение" высказывает кто-нибудь из кумиров подростков, которым несложно промыть мозги. Например, рэпер Pharaoh заявляет: "Курю 20 натошак". Сомнительный пример для подражания, прямо сказать. Демонстрирует он и редкую непостоянность в суждениях: в 2017 году вещал: "Я в Луи, я в Гуччи – я лучший", а всего годом позже – "На мне нет Гуччи, на мне нет Луи". Возможно, за это время Pharaoh вырос как личность и сменил мнение на полярное, но у малолетних фанатов в голове – каша. А когда кумир провозглашает, что ты лох, если на тебе нет модного бренда, мальчишки и девчонки начинают требовать у родителей покупать им крайне дорогие брендовые вещи, без которых теперь никак. Никому не хочется быть лохом.

Подростки вообще самая уязвимая и легко ведомая аудитория. В настоящее время происходит тотальное увлечение школьников социальной сетью ТикТок. У неё более 500 миллионов подписчиков в 150 странах, причём в некоторых приложение свергло с первого места пьедестала ультрапопулярный Инстаграм.

Принцип ТикТока – короткие видеоролики, герои которых чаще всего кривляются под популярные мелодии или изрекают короткие, смешные или якобы глубокомысленные фразы, которые призваны найти отклик в сердцах массовой аудитории, реагирующей лайками и комментариями. Приложение породило так называемых "реакторов", которые выкладывают в YouTube саркастичные видеоразборы самых нелепых "тиктокеров", откровенно издеваясь над ними и, вероятно, травмируя и без того ранимую детскую психику. Причём эти разборы/разносы собирают миллионы просмотров.

Бурную реакцию получают "томбои" – девочки с прикидом "под мальчишку", которые

только и ждут, пока кто-то из комментаторов случайно или намеренно перепутает их гендерную принадлежность, чтобы начать дискуссию на повышенных тонах, переходя от обвинений к оскорблениям. Больше реакции – больше внимания, больше трафика!

Распространяется ТикТок со скоростью эпидемии. Наряду с подростками в его сети попадают взрослые люди, иногда реальные зеки, учащие желторотую молодёжь, как надо жить по понятиям. Чем в итоге обернётся это новое Интернет-помешательство, сложно даже представить.

Деноминация слова

Мы живём в жуткое время, когда на всех уровнях происходит тотальное обесценивание слова. Этот процесс нигде не освещается, практически не анализируется, всё происходит незаметно, тихой сапой. Такое впечатление, что государству нет до этого дела, и, что самое страшное, так оно и есть.

На курсах повышения квалификации руководителей СМИ настраивают: надо уходить в Интернет, осваивать социальные сети. Передовицей или блестящим очерком никого не удивишь. Выкладывать статьи целиком тоже не стоит – лонгриды не востребованы, всё должно умещаться в два-три предложения, иначе читатель устанет и перелистнёт страницу.

Современный человек быстро утомляется от чтения, ему нужна картинка посочнее, инфографика попроще, букв поменьше. Неудивительно, что среди социальных сетей пальму первенства у того же Фейсбука перехватывает Инстаграм, где в основе – фотография, а текст – необязательный придаток.

Единица измерения журналистского материала в соцсетях сегодня – отнюдь не текст, это смайлик и гифка. Оценка качества работы – не письма благодарных читателей, а количество просмотров и лайков.

О молодых поэтах в Сети судят не по мастерству стихов, а по тому, сколько пользователей на них подписано. Измеряются поклонники тысячами, в Интернет-среде это значок k. Чем больше у тебя k, тем ты успешнее и круче. Есть, k чему стремиться.

Тиражи печатных СМИ неуклонно падают. Поход на почту для оформления подписки

стал анахронизмом, газеты и журналы продолжают закрываться. Выживают, как правило, издания, имеющие бюджетную поддержку, размещающие обязательные к публикации нормативные акты. Но много ли у них реальных читателей?

Вырисовывается тревожная тенденция: даже в семьях, где родители-"старообрядцы" продолжают читать книги, дети не испытывают ни малейшего интереса к литературе. Они не в состоянии понять, как можно в принципе получать удовольствие от чтения, для них оно – неприятная повинность. Гораздо интереснее – заниматься "сёрфингом" в любимых соцсетях, устраивать прямые эфиры и опросы, постить и лайкать.

Пластмассовый мир, скрывающийся внутри смартфона, ярче, веселее, привлекательнее окружающей действительности. Соцсети агрессивно бьются за каждого адепта и неофита: приложения обновляются с завидным постоянством, предлагая свежее, модное, заманчивое. Листайте карусель, смотрите сторис, кликайте, комментируйте – всё просчитано так, чтобы пользователь ни о чём не задумывался, не уставал, чтобы ему никогда не было скучно.

А вы говорите – книги... Куда им, бумажным, неинтерактивным, архаичным, состязаться с этим дивным новым высокотехнологичным миром?

Интернет-зависимость стала повседневностью. Она вытесняет всё, что может помешать ей отвоёвывать у нас больше личного пространства. В первую очередь, потребность в чтении и живом общении.

Примечательна одна из сценок шоу "Уральские пельмени": встречаются две семьи, которые когда-то дружили, но давно не виделись. Вместо того чтобы поговорить за столом по душам, они достают смартфоны и листают, листают ленты, как зомби, механически обмениваясь пустыми фразами, лишь бы создать видимость беседы. Ионеско бы оценил! Дети уходят играть в соседнюю комнату, но не в настольный хоккей или дартс – каждый не отрывает глаз от планшета. "Пельменный" юмор не кажется таким уж смешным – он проецирует реальность.

Потому самым близким людям и друзьям в их дни рождения я стараюсь звонить, чтобы услышать родной голос. Потому вечерами после работы откладываю смартфон в сторону, чтобы видеть глаза жены и детей, а не перекручивать глянцевые картинки на экране. Потому с усердием и обречённостью Сизифа покупаю бумажные книги, хотя они уже с трудом помещаются на прогнувшихся полках. И своему четырёхлетнему сыну стараюсь больше читать вслух проверенные временем стихи и сказки.

Это мой личный способ борьбы с **лайкобесием**, попытка не превратиться в раба соцсетей и передать любовь к книгам по наследству. И я очень надеюсь, что этот метод сработает.

СЕРГЕЙ ТИМШИН

Краснодарский край

Тимшин Сергей Борисович родился года в городе Берёзовском Кемеровской области. Вырос в Крыму. Учился в Донецке в ПТУ. Служил в ВМФ. Окончил Иркутский агрометеорологический техникум, Уральский педагогический университет (социальный педагог-эколог), Московский гуманитарный лицей – литобъединение "Слово".

Член Союза писателей России с 2000 года. Автор 14 книг стихов и прозы, редактор и составитель более 25 книг молодых авторов, альманахов, антологий и коллективных сборников. Публиковался и издавался в России и за рубежом. Лауреат литературных премий, победитель и дипломант Всероссийских и Международных литературных конкурсов. Живёт в Калининском районе края.

ЗАРИСОВКИ В РАЗНОЛЕТЬЕ

(Из цикла миниатюр)

Горлинка сизокрылая

Спорхнула как с облака, села прямо предо мной на перила мостика, по которому перекачиваю через ерик свой велобайк – чуткая, трепетная, любопытная:

"Здравствуйте вам!"

Ну, как тут не замереть, не остолбенеть – в полуметре-то от чуда! Не дикая, ручная почти, лапками мягкими с коготками цепкими семени-скользит по ржавому металлу, балансируя. А я, затаив дыхание, рассматриваю красавицу. Глазки у неё блестящие, зоркие – две икринки чёрные, два мироздания непостижимых; клювик аккуратненький, остренький – гладколаковая; головка маленькая, быстро поворачивающаяся – флюгерочек на все 360 градусов, а на шейке дивной ленточка атласная, чуть темнее оперения серо-сизого – как есть ожерелье, природой даренное...

"Здравствуй, – отвечаю, – чудесница! Здравствуй, прелестная! – но молча, мысленно, чтоб не спугнуть. – С какой весточкой радостной ко мне?"

А весточка у горлинки сизокрылой одна: что пришло тепло долгожданное майское, что земля цветёт и плодоносит, что небо вечное солнечно и безбрежно, и что родиться и жить

на такой планете – хоть птицей, хоть человеком – вот чудо из чудес, Богом ниспосланное!

Ёжик запутался

1.

Утречком ранним, беззоревым, тёмно-синенебесным – явно дождь намечается, согласно прогнозу и на радость огороднику – выхожу к грядкам посмотреть, как прижилась рассада, чтоб те лунки, где увяли саженцы, засадить новыми. Но для этого надо ещё на рынок станичный смотаться до дождя – купить баклажанную рассаду, которую наметил в этот сезон высадить вместе с помидорами да перцами.

И вдруг внизу сетки огуречной – огурцы у меня растут "стенкой", то есть выются по специальной сетке вверх, а не по земле расползаются – вижу крупного ежа, запутавшегося в ней.

Ах ты, бедолага, угодил-таки в неволю!

Подхожу, присаживаюсь на корточки, решаю, как лучше и безболезненней для него и для себя освободить пленника. Ёжик, ощутив моё присутствие, сжимается в колючий игольчатый клубок – не дотронуться! Но носик грязненький, землицей испачканный, всё равно виден из-под иголок на мордочке волосной.

Да, попался намертво ночной охотник! Живо представляю, как всё произошло. Прочные синтетические нитки сетки, вплавленные в

квадратики-клетки, затянулись в районе шеи ежа. Носом-то и головой он пролез в клетку, а телу она по размеру своему пройти не позволила. Тогда ёж, естественно, подался назад, и сетка влезла под его иглы. Так сказать, пошла против "шерсти". И, чем больше он пытался вырваться из петли, тем сильнее запутывался...

2.

Чтоб поскорей освободить неудачника и не исколоть руки, я вернулся в дом, взял ножницы и прихватил фотоаппарат – снять на память. И, прежде чем перерезать нити капкана, сделал пару фотокадров. А освобождая ёжика, всё же срезал непреднамеренно несколько его иголок, желтоватых на кончиках, как хвоинки по осени: ведь сетка глубоко врезалась под них. Но, думаю, он не обидится за это на меня.

Вообще во дворе нашем ежи частые гости. Днём они прячутся где-то, а вечерами и ночью охотятся – на мышей в основном. Но повадились вычищать кошачьи тарелки, если в них остаётся недоеденное. Я заметил это и частенько подкармливаю ёжиков, наваливая кошкам побольше овсяной каши, которую им регулярно варит моя мама. Потчуются гости вечерние с удовольствием, не то, что наши привердливые кошки!

Так вот: оказавшись вне сетки, которую я благоразумно приподнял над грядкой выше ежиного роста, чтоб он повторно не попался в неё, ёж не бросился удирать во все четыре лапы, а, хитруля, продолжал лежать неподвижно клубком, забаррикадировавшись от меня и всего мира собственными колючками. Времени дожидаться, пока он "оживёт" у меня не было: утренний рынок текуч – разберут баклажаны, за которыми итак уже два дня сам охочусь!

Я оставил ежа и уехал. А когда вернулся с рассадой, место пленника, конечно же, было пусто.

"Ну и ладненько, – подумал я. – Доброго мая и вольного лета тебе, ёжик перекатный, а пока отсыпайся где-то в своём укрытии после пленной ночи!"

А ещё вспомнил стихи – не свои, а Пушкина, но почти по теме:

Птичка

В чужбине свято наблюдаю
родной обычай старины:
на волю птичку выпускаю
при светлом празднике весны.
Я стал доступен утешенью;
за что на Бога мне роптать,
когда хоть одному творенью
я мог свободу даровать!

Дятлик

– Пюфф-фа, пьюф-фа, пьюф-фа, пьюф-ф!!!

Громкий, отчаянный птичий крик заглушает очередную вечернюю трансляцию футбольного матча чемпионата Европы-2012. Это мама моя несёт со двора в дом крупного, уже оперившегося птенца-дятла. Но большим он кажется лишь в её маленьких старческих руках, которые, отчаянно крича, успевают кусать-щипать-клевать тонким длинным клювиком. Мать передаёт найдёныша мне и дятлик сразу замолкает.

– Вот, что значит мужские руки, – удивляется она, – сразу силу почувствовал и доброе сердце, и успокоился...

Я держу притихшее "живое существо", как выражается мама, говоря о любой твари божьей – мизерная ли букашка то, или слон-великан – взвешиваю в руке, оглядываю. Да, довольно взрослый птенец, сформировавшийся в полноценную птицу, ему на крыло вставать самый срок. Дятлик чуть крупнее ласточки и такой же лёгонький, тельце тёплое, худенькое под пёрышком, но лапки – с коготками цепкими!..

– Он в сарае нашем, где ласточки гнездятся, в угол забился, – объясняет мать, пока мы рассматриваем птенца-подростка, и рассуждает:

– Как же он туда забрался, откуда? А, может, его к ласточкам в гнездо посадить, чтоб накормили? (Любое существо живое она, прежде всего, стремится накормить-напоить). И продолжает:

– Д нет, не надо, тесно там ласточкам, своих желторотых полно...

Мама недавно нашла такого же дятлика на дорожке под густолистой сливой. Мёртвым нашла. Плакала, конечно, как и над убитой ласточкой, пойманной до этого нашим молодым котом Рыжиком. Убитую ласточку, отрубав у кота, отругав и даже хлопнув его по спине в отчаянии, похоронила где-то в закутке зелёного огорода. Туда же маме и вторую мёртвую птицу пришлось отнести...

На головке нашего дятлика-найдёныша, как и положено, малиновый беретик; крылья тёмные в белую крапинку; щёчки – пера светлосерого и такого же цвета грудка с животом; хвост упругий, сплошного чёрного тона. А глазки, что бисер чёрный, и клювик – довольно продолговатый и острый.

Вышли во двор, стали оглядывать наши владения по периметру, гадать, куда же определить птичку, чтоб кошки уличные не слопали, а прежде их – наш глазастый Рыжик. Ре-

шили повыше от земли посадить – на стройную калину, а то груша больно развесистая да низкорослая.

Перед тем, как доверить птенца дереву, попробовал напоить его, набрав в горсть воды из рукомойника. Сунул дятлика клювом в ложбинку ладони с водичкой. Он хлебнул раз, другой и протестующее затряс головой – аж брызги по сторонам полетели.

– Ну, не хочешь – не надо, глотнул и хватит, – не стал я продлевать экзекуцию. А как только на дерево посадил – ухватился, когтистый, за кору калины цепко, будто всю жизнь и обитал там, и – ловко, быстро, сноровко – вверх, вверх побежал-заскользил по стволу.

Ну, слава Богу, теперь в своей стихии, выживет!..

Не больше 15 минут ушло на определение дятлика. Португальцы за это время второй гол датчанам вколотили. Но я не жалею, что не увидел гола. Светло у меня на душе и лишь чуточку мысли тревожат: а не свалится ли, глупенький, в траву – она высокая под калиной, густая. Из пут травяных уже и не выберется, если упадёт... И тут же его коготки – хваткие, остренькие – вспоминаю, не свалится! Но хищному Рыжику в любом случае томиться теперь в доме взаперти до утра, нечего по ночному подворью шастать!

...А гол забитый я в перерыве между таймами на повторах телевизионных всё равно посмотрел.

Шустрая черепашка

Она выползла на старый битый тротуар из травяных зарослей, что сплелись миниджунглями за арматурной оградой на территории водонапорной башни. Едва ли не под ноги мне. Поднял её, сразу вобравшую в себя голову, лапки и хвост. Так галера вбирает вёсла в гребные проёмы. Мокрый от утренней росы тёмно-зелёный панцирь черепашки был приятно прохладен, а сама она увесиста, как драгоценный слиток или, точнее, как полукруглый малахитовый камень, хоть и невеликий – с мою ладонь.

"Юница-черепашка", – подумал я и стал пристально изучать её. Но, вертя безвёсельную галеру, разглядел лишь глубоко спрятанные внутри кончики лапок и хвоста да смешной двухдырчатый носик. А перевернув навзничь, что, вероятно, очень не нравилось ей, обнаружил жёлтую плоскость костяного днища черепашкой вездеходной конструкции.

"Не галера плоскодонная, а катамаран на современный лад", – оценил я корпус живого вездехода взглядом бывшего водолаза.

Понимая, что приношу существу определённые неудобства, стал осматриваться, где скрыть её на земле: оставлять на открытом пешеходном тротуаре глупышку не хотелось – мало ли, что можно ожидать от прохожих...

Миграционный путь черепашки за оградой был чётко обозначен просекой смятой травы, шириной, соответствующей габаритам путешественницы. Не затягивая время, я возвратил её за решётку на проложенную ею же тропу и, пожелав всего доброго, пошёл дальше, жалея, что под рукой не оказалось фотоаппарата. Но, не пройдя и полтора десятка шагов, вдруг вспомнил, что в кармане у меня лежит телефон, на камеру которого можно крупным планом снять мою новую знакомую – на память. Я достал телефон, выбрал функцию фотосъёмки, и вернулся к ограде. Однако черепашки уже и след простыл. Нет, след, конечно, по-прежнему оставался в траве, но вот черепашки на просеке уже не было.

"Шустрой оказалась, – улыбнулся я, – ведь и двух минут не прошло, а она уже успела улизнуть!"

Над станицей свежо и празднично блистало предпервомайское солнце, цвели и благоухали плодовые деревья, гудели пчёлы, звенели птицы. И мысли о встрече с шустрой черепашкой радовали и согревали мне сердце не меньше чудесной панорамы разгоравшегося дня.

Делиться надо!

Проходил зелёным камышовым берегом ерика, где седовласый рыбак только-только достал из воды бредешок, а в нём – всего-то два карасика. У ног рыбака в ожидании угощения тёрлись два кота – серый и чёрный. Станичник, не глядя, бросил им тёмно-зелёного карасика. Серый первым ухватил его и начал, рыча, уминать. Пока рыбак высвобождал из бредня вторую рыбёшку, Серый слопал половину карася и, как только на землю полетел второй – схватил, прижал его когтистой лапой, взрычав ещё угрожающей. Чёрному собрату его пришлось лишь принюхиваться да облизываться в сторонке: Серый с жадностью доедая первого карася под левой лапой, крепко держал когтями второй лапы трепещущегося другого порционного карасика.

Отведя глаза от сети и увидев это, рыбак, покачал головой, нравоучая едока-узурпатора:

– Ну, ты и наглец! Своего ещё не сожрал, а уж чужое ухватил. Делиться надо! – С этими словами он отобрал у наглеца целую рыбёшку и бросил её чёрному коту. – А то, ишь, и сам гам, и другому – не дам! Так только россий-

ский газ в Киеве захватывают! Делиться с другими надо! Понял?..

Удивительно! Эти слова политизированный рыбак говорил, ещё не видя меня, тихо ведущего велосипед. Поравнявшись, и бесшумно улыбнувшись политологу-рыбаку и рыбобоедам-кота́м, я прошёл мимо, солидарный со словами и действиями справедливого станичника.

Девяносто три

Зашёл в магазин на послеобеденном опустевшем станичном рынке. Прохладно и пусто было в здании в первый летний палящий день, а из посетителей – только я и маленький сгорбленный старичок с тросточкой. Пока он всматривался в ассортимент конфет на стеллаже за прилавком, я попросил продавщицу-девушку взвесить мне зефира и "пряников к чаю" (пряники – по заказу матери).

Увидев на весах белые яблоки зефира, старичок заинтересовался товаром.

– Это конфеты? – обратился он ко мне очень молодым голосом.

"Вероятно, слаб глазами", – подумал я, удивившись несоответствию его звонкой речи преклонному возрасту и плохому зрению. И поспешил ответить:

– Нет, дедуля, это зефир, сладость такая.

– Что? – подался ухом к моему плечу старичок.

– Это не конфеты, – сообразив, что старый человек ещё и плохо слышит, наклонился я к нему.

– А-а... А мне конфеты надо, – проговорил он простодушно.

– Так покупайте, я после вас куплю, – предложил я, отодвигаясь от прилавка и осматривая старичка.

Чистая рубашка с коротким рукавом и простенькие, но поглаженные брючки говорили о его аккуратности и о том, что старичок не одинок. Но сухое лицо с коричневой от многочисленных ионей кожей, и особенно тёмно-багровые кисти рук с высыхающими синими венами показывали очень достойный возраст станичника.

– Сколько же вам лет, – поднёс губы я к уху старичка, поняв, что предложения пропустить его без очереди он не услышал.

Долгожитель посмотрел на меня выцветшими серыми глазами и вдруг весело спросил:

– А сколько дашь, сынок?

– Ну..., года 83, – ответил я с растяжкой, зная, что собеседник старше, может, лет на пять. Ведь моей маме пошёл уже 80-й, и в определении возраста я ошибиться мог ненамного.

го. Сказал так, чтоб просто сделать старому человеку приятное.

– Немножко не угадал, – ответил он с улыбкой.

– Так сколько? – переспросил я громко, и взглянул на продавщицу, которая тоже с любопытством смотрела на престарелого покупателя.

– 93.

– 93! – искренне воскликнул я и панибратски протянул пятерню долгожителю. – Можно, отец, пожать вам руку за это! – а взяв его ладонь, лёгкую по-детски и прохладную по-старчески, пожелал:

– Вам совсем немножко до сотни осталось. А лучше, живите до 103-х, а то и до 113-ти!

– Ну, это как Бог даст, – ответил старичок. И вежливо выразил отказ на вторичное предложение пропустить его отовариться прежде меня.

– Вам, молодым, всё спешить надо. А нам спешить некуда. Покупайте, я – после вас.

... "Вам молодым...", – приятно думал я, шагая 55-м ионом своей жизни и представляя, как приду домой и расскажу маме об этом замечательном старичке с таким молодым голосом и с такой озорной улыбкой. И пошучу, что в сравнении с ним она, мама моя, совсем девчонка...

Куцеухий с автостанции

Пришло извещение о перерасчёте пенсии – маминей, не моей (до моей – эхе-хе, ещё пять лет с хвостиком, да и какой она будет у безработного писателя – и думать страшно: с чего и что начислять и пересчитывать-то станут, не с романов же и стихов моих, трудоёмко и бессонно писанных... "в стол"?)

Собрался в районный центр – "район", как называют его станичники, что в 56 км от нашей "камышовой" станицы Гривенской. Поездка такая в оба конца отнимает полдня, а то и две трети, а по маяте – так и весь день насмарку. Но маме тяжело ехать: возраст под 79, и мне, как сыну её, дозволили – в консультации по телефону – привезти необходимые документы собственноручно.

Утром выехал – после полудня возвращался. Удачно попал до обеденного часа в Пенсионный Фонд, раскошелившись на месте на такси: районный центр разбросан улицами, и здание ПФ стоит далековато от автостанции. Назад к ней, разумеется, тёпал пешочком. А, дотёпав, обнаружил неприятно-приятное нововведение, не актуальное для меня по приезде в район и актуальное по выезду из него: задри-

паный общественный туалет автостанции кто-то "взял в руки", то есть "прихватизировал" доходное отхожее место. А завладев общественным помещением, сделал в нём капремонт под хаус-сортир. И теперь в клозет приятно войти, правда, уже за номинальную таксу в 10 р. Зато цивилизованными удобствами в платном туалете явились, конечно же, рукомойник с роскошной раковиной и розетка для электроприборов. И никакой фекальной мерзости под ногами: везде кафель, освещение, аэрация-ароматизация... И вся эта благодать – за червонец! Да это ж почти в два раза дешевле 18-рублёвого пирожка с капустой!

Съестное сие, после приведения себя в порядок в блистательном сортире, я приобрёл в соседнем тесном и блёклом станционном буфете, безоговорочно проигрывавшем отныне по антуражу и дизайну станционной уборной.

С пирожком в бумажной салфетке – подкусить в свой просроченный обеденный час, ожидая рейсовый автобус – я присел на скамейку у привокзальной площади, сняв ветровую курточку. Ноябрь солнечный, теплый стоит на Кубани, бабьелетний такой ноябрь – декабрём, что будет через пять дней, и не веет.

И едва надкусил горяченький, в микроволновке буфетной прокрученный продукт, услышал у ног громкий требовательный кошачий полурык, полухрип: "Мяу-рр-шшш, мяу-рр-шшш!" – да с таким мощным регистром, будто и не кошачий голос мне подан был, а, по меньшей мере, рысий или того же камышового кота из приазовских плавней!..

Обладателем настойчиво-несносного тона, режущего барабанные перепонки, оказался грязный, чёрный и невеликий кот с оборванным наполовину правым ухом. Антисанитарный вид животного привёл бы в брезгливость любого пассажира, что немедленно и доказала пожилая казачка, открыто поморщившись при появлении кошачьего бомжа, и пересев на соседнюю скамью.

"Да-ай!" – зло и угрюмо, с революционно-матросским упрямством, требовал лакомого куска бродяга у меня, сытомордого буржуина по его пониманию. Только такое мнение можно было прочесть в гипнотически-жёлтых очках котофея. – "Дай мне мя-у-са, фарр-ш-ша!"

Я усмехнулся и отломил надкусанный носик пирожка.

– Ну, на!

Экспроприатор тут же проглотил кусочек. Мне и глазом моргнуть не довелось. Так собаки хватают на лету и моментально проглатывают бескостный кусок мяса.

"Да-ай!" – побирушка снова хищно, сатанински жёлтовзоро и неблагодарно, смотрел на меня.

Я удивился скорости глотания и наглости кота и отломил у пирожка всю нижнюю бескапустную часть. Куцеухий – так уже мысленно я окрестил попрошайку – жадно схватил вторую порцию и в два счёта управился с ней. Честное слово, ел он быстрее и больше меня!

Пожилая станичница, наблюдая вымогательство, не выдержала и разочарованно-гневно бросила:

– Та гонить вы його вид сэбэ, чога вы його кормите, вин же заразный, мабуть!

Я не успел ответить женщине, потому что кот поднялся на задние лапы, упёршись передними в мою коленку.

"Дай ещё!" – прохрипел он безапелляционно, не поведя и куцым ухом на возмущённую реплику станичной тётки. Глаза станционного дьявола ничуть не подобрили от угощений, а острые когти пробили тонкую ткань моих брюк и больно укололи.

– Да ты не кот, дружок, а настоящий людоед! – промолвил я, отведя колено в сторону, и этим движением сбросил когти кота со своей ноги. Куцеухий сел на задние лапы, окольцевав себя собственным хвостом, и продолжил злобно и требовательно смотреть в моё лицо. Пришлось отщипывать у пирожка ещё и бок – не капустную же сердцевину было отдавать проглоту! Да и начинки в сдобе оказалось с гулькинос.

И снова приличная боковина выпечки исчезла в бездонной кошачьей пасти.

"Дай!" – вслед за её исчезновением прохрипел наглец, облизывая блестящие от масла усы. Аппетит у него был просто гангстерский!

Я выкусил серединку пирожка и стал жевать её, а остатки дорожного обеда бросил вымогателю.

– Да на, лопай, ненасытный, только не лопни, смотри!

Куцеухий и на мои слова ни в полтора уха не повёл, а сосредоточенно приступил к поглощению последней части трапезы. Её он проглотил не столь быстро, как предыдущие порции, и я успел спокойно прожевать свою долю. А кот, обливаясь и видя, что требовать с меня уже нечего, преспокойно развалился тут же, на месте, где только что столовался, и лёжа, принялся умывать лапой нос. Его я уже не интересовал абсолютно ничем.

Казачка-станичница покачала головой. Я развёл руками.

Подкатил мой автобус. Перешагнув занятого умыванием кота, напроць равнодушного ко всем ничтожным буржуям на свете, я вошёл

в салон. Водитель обилетил (слово-то какое!) пассажиров, и транспорт тронулся в путь. Комфортно качаясь в мягком автокресле, я стал думать о своих четвероногих усатых домочадцах, Рыжике и Бельчике, и кошечке Жуже – всегда накормленных и обогретых заботами моей мамы, а также размышлять о царящем в мире социальном неравенстве, которому подвержены даже домашние животные...

Раненые пальчики

У моей мамы иногда болят пальчики на правой ноге – полностью отсутствующий большой и половинка соседнего с ним. Обрублены они не топором или каким-либо механизмом в мирное время, а осколком бомбы – *ТОГДА...*

Мама ребёнком пережила всю войну в Сталинграде. Начало её помнит отчётливо, как картинку кино крупным планом: чёрный круглый репродуктор на белой стене и чёткий тревожный голос диктора с сообщением о нападении Германии на СССР. В мае 1941 года маме исполнилось шесть лет и вся последующая частичная оккупация города, все бои в нём, смерть людей, разруха и голод запечатлелись навсегда в её разумных детских глазах.

В семье среди пятерых детей она была единственной девочкой. В 41-м, грудным, умер братик Славик, вслед за ним, распухший от голода, четырёхгодовалый братишка Юлик. Затем старшему брату, одиннадцатилетнему Владу, добывавшему съестное у немецкой кухни, фашист-завоеватель прострелил горло. Владик умер через неделю после прострела зимой 42-го...

А восьмилетний погодок мамы брат Борис получил ранение в голову во время августовских бомбёжек того года, когда в их дом-бараке от ближнего разрыва отвалилась стена. Незнакомую женщину, что перед этим, попросив попить воды, зашла к ним в дом и присела в изнеможении у стены, убило. Девочке Лиле – моей маме, спрятавшейся от грохота и воя под кроватью, осколки угодили в ногу, а Борису, не успевшему укрыться, горячий металл попал в лоб, но касательно. Взрывной волной его ударило о противоположную уцелевшую стену. Боря остался жив и в послевоенном детдоме красовался среди мальчишек настоящим "боевым" ранением – большим шрамом на лбу.

Но родители их не выжили. Отец-музыкант сгинул в фашистском концлагере, а мать – санитарка городской больницы – в 47-м погибла в разрушенном Сталинграде от рук грабителей...

После войны и выпуска из детдома судьба навсегда разлучила Бориса и Лилию. И по всей последующей жизни мама прошла сиротой...

Но обо всём, что рассказала и скупо рассказывает мне она, я ещё напишу в своих новых стихах и рассказах, и только тогда, быть может, исполню сыновний и писательский долг... А теперь, когда пальчики-обрубьши болят у мамы и она трёт их руками, приговаривая: "Пальчики мои раненые болят...", и я представляю моих родных дядечек, погибших детьми, и моих молодых (намного младше меня теперешнего!) деда с бабушкой – у меня начинает щемить и болеть сердце...

Черепашка клюнула

Возвращаюсь на велосипеде из магазина, что в центре станицы, и проезжаю по гремющему подо мной дощатому мостку через местную речку Протоку или ерик, как называют речки здешние жители. Рядом с мостком на берегу сидит рыболов – ругается, выудив из воды... черепаху. Да, да, настоящую живую черепаху величиной с ладонь, а то и более. Она висит на крючке, леса натянута струной, а клюв удилища от тяжести изогнулся в дугу. Представляю, с каким возбуждением тащил рыбачок этот груз, ещё не видя "добычу". Что там черепаха делала в речке – мальков ловила, молодой камыш обглаживала или от жары охлаждалась – одной ей ведомо. Да вот крутится теперь на крючке на вытянутой шее, растопырив во все стороны четыре лапы-ласты, протыкая коротким треугольным хвостиком воздух. Как эмблема шестиконечная на ветке новогодней ёлки висит...

Чтобы удостовериться – а из реки ли улов, не на суше ли случился каким-то образом? – кричу на ходу станичнику:

– На червя вытянул

– На нёго, щоб она... – продолжает ругаться тот, ухватив пятернёй черепаху за панцирь и пытаясь выковырять толстыми пальцами другой руки из её рта крючок... – Да открой пасть, дура! Терпи-и!

Это объяснение – на балачке (диалекте) мне, любопытному, и команду черепахе на чисто русском языке – слышу уже за спиной: остановиться, затормозить никак нельзя – сзади ещё один велосипедист гремит, а мостик узенький – не обгонишь...

Слетев на противоположный бережок, кручу педали дальше, мысленно желая сухопутно-водоплавающей черепашке благополучного освобождения и думаю "по теме".

Много пресмыкающихся и всякой другой живности гибнет здесь с наступлением весен-

не-летнего сезона. Особенно на дорогах. Ездил недавно в районный центр рейсовой маршрутной "ГАЗелью" и видел, сидя рядом с водителем, на старом дорожном асфальте – латанном-перелатанном – несколько раздавленных, расплюснутых колёсами ежей и черепах. Панцирь последних не выдерживает автомобильного веса... Да и сам я недавно на своём безобидном велике чуть не переехал бурозелёную серпантинную ленточку скоростного ужика, переползающего тротуар – тонюсенького, маленького, сантиметров пятнадцать в длину.

Пересекли люди своими дорогами, загромодили строениями и прочими инородными препятствиями, перегородили многие вековые, жизненно необходимые миграционные пути-артерии многочисленным обитателям планеты – от насекомых до животных. Ужик тот на искусственном бетонном покрытии, удобном для людей, был таким беззащитным... А вот мелких ящериц на моём не бетонированном подворье ловят в траве и едят... кошки.

Вспоминается и ёжик, застрявший в огородной сетке-рабице. Обнаружен он был мною в прошлом году. От ёжика, если детальней говорить, осталась одна шкурка – с косточками внутри да с иголками снаружи. Так и висела высохшей в пергамент оболочка ежа, некогда застрявшего в проволочной ячейке, а все внутренности его муравьи выели... Много вреда учиняет человек окружающему миру.

Вот и черепашка-ныряльщица застряла в моих глазах, как крупная соринка: всё висит, крутится на крючке, точно наживка для донного сома-гиганта. Завтра поеду за хлебом – спрошу рыбакка (он ежедневно удит у мостика) о судьбе её. Он, конечно, освободил, отпустил черепашку на волю. Взрослый человек ведь. Лишь бы выжила после такого стрессового происшествия...

Гости вольнокрылые

Как жаль, что я не орнитолог! Да, к тому же, за 20 северных лет изрядно подзабыл, как выглядят птицы юга... Вот по ещё влажноватым от вчерашнего полива огородным грядкам с высаженной неделю назад рассадой помидор и болгарского перца – по прокультивируемой лопатой и тяпкой почве – ходит симпатичная птичка-невеличка. Она преобладающего чёрного окраса. Грач? Галка? Скворец? Нет, не скворец – скворец с крапинками в наряде. Грач? Слишком элегантна и стройна невеличка для грача. Грач крупней будет. Галка? И для

галки слишком мала: галки – они к воронам поближе, посолидней...

Рассматриваю пернатого гостя, не шевелясь, буквально в двух метрах от него... Ну, до чего же великолепный создатель природа! Какая грация! Какие краски! Тонюсенькие крепкие ножки, коричневые, как смородиновые веточки. Стройное тельце с высоко поднятой грудкой и упругим хвостиком – сложенным вне полёта, будто в тугую щёточку веера; чудесная головка с глазками – чёрными жемчужинками, и несколько удлинённый, но гармонично соизмеримый с обликом клюв, приоткрытый от полуденной жары. Им огородный гость ловко выковыривает что-то из грядок, аккуратно обходя зелены. Вот он наткнулся на существенную добычу – выхватил из земли половинку медведки или жужелицы, как её ещё называю на юге, недавно разрубленной моей тяпкой (цапкой – тоже по местному диалекту) при прополке. Проглотил и тут же подхватил вторую часть лакомства. Ай, да санитар! И снова – открытый клюв, и быстрые движения на ножках-веточках, чуть покачивающие тело – вточь как у человека при спортивной ходьбе. Изредка забавный ходок-санитар вспархивает на полуметровую высоту, перелетая на метр-два к новому месту. Тогда я оживаю и делаю осторожные шагки за ним, чтоб вновь замереть и любоваться...

И до чего же щедрый художник природа! Чудесное оперение украшает элегантного птаха! Малахитовый отлив головы и груди переходит на фиолетовые, с едва различимым золотом и серебром тонá спины и крыльев. И всё это волшебство – на чёрном атласном плаще. Загляденье! (Наверное, посетитель моих грядок, всё же, грач: глядя на него, начинаю припоминать, как коллекционировал сорочьи и грачьи перья в раннем крымском детстве). И на солнце изумительное оперение грача играет, переливается и восхищает неопрятного меня, схожего с нелепым огородным чучелом.

Но вот, откуда ни возмись, на грядку садится вторая такая же расчудесная птица – друг, подружка? – и мой гость (гостья), сразу потеряв интерес к подножному корму, подскакивает к сородичу. Делаю неосторожное движение, чтоб подступить поближе и рассмотреть второго, и напрасно: оба, вспорхнув, стремительно улетают...

Милые вы, пернатые чуда! Спасибо за посещение и моего уголка, и моего человеческого одиночества... Прилетайте сюда ещё, дорогие и отныне ожидаемые гости мои вольнокрылые!

ВИКТОРИЯ ХВАЛОВА

Белореченск

Виктория Хвалова выпустила три авторских сборника: "Разнополосье", "На перекрёстке двух ветров", "Волне наперерез", две книги стихов в журнале "Сура" и одиннадцать подборок (книга в книге) в общих поэтических сборниках. Печаталась в "Антологии поэзии закрытых городов", в сборниках "Если имя тебе заводчанин", "Многоцветие "Радуги"", "По волнам классики" (2015), в "Сборнике Ульяновской словесности (начало XXI века)" (2015), "Рождённые Радугой" (2018) и др.

Лауреат фестивалей им. Д.Д. Злобиной и "Гранатовый браслет". Член Союза писателей России с 2012 года.

СЮРПРИЗ

Рассказы

Опять ботинки...

– Вадим, почему ты опять бросил ботинки посреди коридора?

– Я их не бросил, а просто не успел убрать.

– Куда ты не успел? Нужно сразу, как снял, ставить их на место.

– Ну хорошо, я просто боялся тебя разбудить.

– Ага, именно поэтому ты полчаса гремел кастрюлей в два часа ночи? И вообще, что за дурная привычка есть из кастрюли!

– Это не привычка, мам. Это жизненно важная необходимость.

– Замечательно! Ты приходишь из гостей и у тебя вдруг возникает жизненно важная необходимость – извини за выражение – жрать прямо из кастрюли. Тогда вопрос – где же ты был в гостях, если тебя там даже не покормили после работы?!

– Мам, ты меня прости, но не все же ходят в гости, чтобы есть, есть и есть.

– Что?! Ты обвиняешь меня в бестактности?! – глаза Веры Петровны округлились до размера пятирублёвой монеты.

– Да нет же! Просто я хочу сказать, что иногда сытость может повредить общению...

Пауза... Взгляды матери и сына встречаются и долго не могут оторваться друг от друга. В глазах матери – откровенное недоумение, в глазах сына – непонятное ей пока лукавство.

– Т-т-ты хочешь сказать, что был у женщины? – наконец выдавливает она с трудом. – Ты же сказал, что идёшь к Жене?

– Ну, и к Жене тоже.

– Как это – тоже. У вас там что – групповуха!?! – глаза матери наполняются ужасом.

– Ф у-у, что ты такое говоришь.

– Ну, а что же можно делать с Женей и ещё там с кем-то на голодный желудок до двух часов ночи!?! Так же можно докатиться чёрт знает до чего! Не хочешь ли ты сказать, что вообще собираешься жениться? – лицо Веры Петровны покраснелось, волосы растрепались и она предусмотрительно потянулась за валерьянкой.

– Да успокойся ты, наконец! Если бы я в свои тридцать пять надумал жениться, то сказал бы тебе об этом сразу. А я просто хожу в гости... И вообще, я сейчас уберу ботинки на место.

– Ну, слава Богу, – облегчённо вздохнула Вера Петровна и прошествовала на кухню, унося с собой на всякий случай флакон с валерьянкой.

Сюрприз

– Девушка, вы уронили кошелёк!

Я вздрогнула от неожиданности. Потерять кошелёк было бы совсем некстати. Только сегодня я получила премию за сдачу проекта и как раз обдумывала, как бы её с толком потратить. Был канун Нового Года и магазины сверкали рекламами и обещаниями невероятных скидок!..

Я оглянулась. Улыбаясь, на меня смотрел симпатичный парень с выразительными голубыми глазами. Вместо кошелька он протягивал мне розу, упакованную в целлофан. На моём лице, наверное, было такое недоумение, что он смутился:

– Извините, это шутка. Просто не знал, как привлечь ваше внимание. Я за вами давно иду.

– Но я не знакомлюсь на улице.

– Я в вашем городе гость и знакомых у меня здесь вообще нет, а сегодня у меня день рождения... вот я и... – замялся он.

– А... что-то вроде "нофелета"?

– Ну, вроде того...

Предпраздничная толпа обтекала нас со всех сторон. Многие улыбались.

– И дальше что?

– Не знаю, – пожал плечами он. Наверное, приглашу вас в ресторан, и мы отметим мой день рождения.

– Занятно..., – парень мне явно нравился, и мозг услужливо подсказывал, что сегодняшней вечер у меня совершенно свободен!

– Пожалуйста, – заметив мои колебания, сказал он и молитвенно сложил руки на груди. Я здесь на гастролях. Завтра концерт и сразу - на самолёт..., день рождения ведь один раз в году бывает. Или вы мне не верите? Хотите, паспорт покажу!

– Ну уж это было бы слишком. Давайте знакомиться. Я – Валерия, можно просто Лера.

– Да вы что?! А я – Валерий.

Мы расхохотались!

– А говорят, чудес не бывает! Он осторожно взял меня за локоть и вопросительно взглянул, – Пошли?

– А-а, была не была... – во мне проснулся дух авантюризма. Будет что завтра Маринке рассказать. Не поверит! А парень – загляденье! Нужно спросить, что за гастроли. Может, знаменитость какая?

– А что за гастроли? Вы меня и на концерт не пригласите?

– Обязательно! Я музыкант, а об остальном давайте поговорим в более уютной обстановке.

– Хорошо, – согласилась я, – куда идём?

– Это вы должны выбрать. Я – гость!..

Я выбрала ресторан поближе.

– Только платим поровну...

– Обсудим, – не стал препираться он...

В этот ранний час народу в ресторане было немного. Мы выбрали столик рядом с эстрадой. Музыканты играли блюз... Пока ждали заказ, я узнала, что Валера – скрипач. Он показал руки – пальцы были длинные, изящной формы. "Руки, никогда не знавшие тяжёлого физического труда", – подумала я.

Настроение было отличное: оказывается, легко общаться с почти не знакомым человеком. Никаких тебе обязательств, выяснений, обещаний. Очень похоже на общение попутчиков в купе... Сегодня тридцатое декабря, завтра – нерабочий день... Вот это новогодний сюрприз! Давно я не чувствовала себя так хорошо!

Оркестр играл что-то невесомое, романтическое.

– Давайте выпьем за сюрпризы! Люди должны делать сюрпризы друг другу, хотя бы раз в году! – воскликнул он. Мы чокнулись и выпили вина...

– Потанцуем?

– Конечно!.. Ну почему так редко бывает по-настоящему хорошо?!

– Я рад!

Он слегка прижал меня к себе. В голове приятно пошумливалось..., музыка обволакивала... Мы снова выпили...

Очнулась я оттого, что кто-то тряс меня за плечо: "Девушка, что с вами? Вам плохо?". Надо мной склонился официант. Медленно я возвращалась в действительность: Валерий, ресторан... Я вспомнила: "Девушка, вы обронили кошелёк. Я люблю делать сюрпризы!" В сумке кошелька не было!! Кошмар! Я всё поняла.

– Вам здесь записка, – сказал официант. На салфетке был начертан скрипичный ключ, а под ним: "Вы самая прекрасная девушка на свете! С Новым Годом!"

Так что, с новогодним сюрпризом меня!

Кровать

Вот уже и рассвет скоро, а Афанасий ещё не сомкнул глаз. И лежало его когда-то большое, а теперь совсем усохшее тело, распластавшись по всей кровати, словно неживое. Он с трудом пошевелил ногой и попытался встать, но сил совсем не было. Зато голова была ясной, несмотря на бес-

сонную ночь. И воспоминания – яркие, чёткие, теснились в ней, и обгоняли друг друга.

Вот Афанасий с женой Надюшей едут из райцентра и рядом, на телеге, лежит новая кровать, первая их совместная покупка. Они долго выбирали, приценивались, спорили и, наконец-то, купили эту. Кровать была широкой, с мягкой панцирной сеткой и никелированными спинками... Он вспомнил, как прямо в магазине от какой-то счастливой дурашливости улёгся на эту сетку, чем насмешил и жену, и продавщицу...

Ох, и счастливы же они были тогда! И оттого, конечно, что сделали первую большую покупку, но больше всего оттого, что родители отдали им горницу, самую просторную и светлую комнату в доме. Теперь, наконец-то, ночью они смогут побыть наедине. А до этого ютились на каком-то жёстком топчане рядом с бабкой Агафьей, которая будто и не спала вовсе: то кряхтела, то шла в сенцы попить водички...

И хоть не принято было раньше чувства свои выказывать, а на всю жизнь запомнил он первую, проведённую наедине с женой ночь. И Наденька каждой клеточкой на его любовь отвечала, а днём – глаз не поднимала, ходила рядом и будто не замечала... Это нынешняя молодёжь всё напоказ выставляет, а заглянешь в души – холод... Да, любил он свою Наденьку и жизнь они с ней прожили счастливую, хоть и трудную...

Старик незаметно задремал ненадолго, а когда очнулся – за окном уже развиднелось.

"Стадо-то прогнали, или нет?" – подумал он...

Перед глазами опять жена: губы искушены, большой живот вздымается и, кажется, живёт сам по себе, отдельно от тела, а руки крепко впилась в спинку кровати. Рядом бабка-повитуха: "Кричи, кричи, красавица, сына рожаешь". Ох, и напереживался он тогда, когда Надя рожала их первенца Андрея. Казалось – никогда не кончится эта мука. Да и потом, когда остальных – тоже не сладко пришлось. А всего их сыновей-то четверо. Надя очень дочку хотела, помощницу, но, видно, Бог не дал... Всех дома рожала, на этой вот самой кровати, хотя многие стали возить жён в райцентр, в новый родильный дом...

Вот и получается, что кровать-то счастливой оказалась: в любви куплена, в любви жила...

Сыновья не раз собирались заменить её на новую, современную, а эту старую железку (так они её называют) выбросить на свалку, но он не дал...

И вдруг такая тоска сдавила ему сердце от осознания, что жизнь подошла к концу, и никто не сможет изменить этого. Несколько минут он лежал, погрузившись в какое-то оцепенение. Затем с трудом дотянулся до табуретки, где стояла кружка с водой, заботливо оставленная соседкой Олей, глотнул немного. Ольга-то на покосе, наверное. Хорошая бабёнка, только невезучая. Сколько уж лет одна с двумя детьми пластается, после того, как пьяница муж умер. Спасибо, не бросает старика по-соседски... Вон как вчера испугалась, когда увидела его серое лицо, а всего чуть-чуть и повозился-то по хозяйству. "Прогнала со двора и в постель уложила, – подумал он с теплотой. – Сыновья-то в городе живут, некогда отца родного проведать. Когда мать живая была – почаще приезжали... О-хо-хо, кому старик нужен..."

Снова нахлынуло прошлое: и вспомнился тот чёрный день, когда он вернулся с поля – уставший, голодный, а жена, вместо того, чтобы встретить его, как всегда у порога, лежала на кровати бледная, с посиневшими губами и прижатыми к груди руками... А через неделю померла... – сердце. Ох, как тяжело было ему тогда, даже сейчас не так тяжело... По щеке скатилась слеза и будто обожгла её, и вдруг он почувствовал, что в доме холодно и неуютно, хотя на дворе стоял жаркий июль...

Как же он тогда ненавидел кровать эту после смерти жены. Выкинуть хотел, но не выкинул и потом уже бесчисленное количество раз благодарил Бога за это. Ведь вся жизнь его связана с ней. Вот, поди ж ты, железка, а тоже душу греет... Он ещё раз попытался встать и даже спустил ногу с кровати, но какая-то неведомая сила держала его, не отпуская и, вконец ослабев, он провалился в вязкую душливую темноту...

Когда Ольга прибежала, чтобы покормить Афанасия обедом, он лежал лицом вверх, напряжённо вытянувшись, как будто хотел последним усилием раздвинуть крышу и в последний раз увидеть небо.

ЭЛИНА САВЧЕНКО

Краснодар

Член Международного Союза писателей и мастеров искусств, член Союза писателей России (2018), руководитель Совета молодых литераторов Кубани при Краснодарском региональном отделении Союза писателей России.

ВЕТОЧКА МИМОЗЫ

Рассказ

Помню угрюмую девочку из интерната, Галчонка, как мы её звали. Вытаращит чёрные глаза, носом уткнётся в оконное стекло и скулит.

– Чего скулишь, неугомонная? – спрашиваю. – Чего ты там всё выглядываешь?

– Мамку, – виновато отвечает Галчонок.

Я только вздыхала и отводила глаза от её детской тоски-кручины.

Так сложилось, что после уроков я проводила много времени в Сусуманском районном интернате, где сестрой-хозяйкой работала моя мама. Когда у неё была ночная смена, я часто оставалась там ночевать. В школе меня так и называли: "интернатовская"...

А за Галчонок мамка так и не пришла. Ни тогда, ни на следующий день, ни на следующий год. А она всё подвывала, как потерявшийся щенок, перебирая долговязыми, затёкшими от долгого сидения ногами. От неё отказались почти сразу, как она родилась в этом грешном мире на свою же беду... Посчитать она, конечно, могла сколько семей поменяла за свои десять лет, но толку-то что? Галчонок была такой податливой, послушной, безропотной, что невольно хотелось схватить её и встряхнуть как следует, чтобы она училась иногда "показывать зубы". Наверное, она из всех сил старалась угождать любому, кто забирал её к себе, но истинной причины своего возвращения в родные стены она не знала. Потом мама сказала мне, что у Галчонка аутизм... Одна из "благополучных" мамаш вернула нашу тихоню обратно уже на третий день. Сказала,

что девочка не так пахнет, как ей хотелось бы. Няни в детдоме называли это запахом одиночества и тоски.

Галчонок, как символ обречённого на одиночество... Нет, я лгу сама себе. Не так! Мне кажется, она – символ веры и прощения... Надо же так твёрдо было верить в собственную любовь к бросившей её матери! Тогда я не понимала, что девочка эта вернее всех нас думает и вернее нас живёт, не понимала, что почва под ногами у неё твёрже алмаза...

Мы называли таких возвращенцев "неваляшками". Только за глаза, никогда не жалили их словами, просто молча сочувствовали. Мама рассказывала мне, что Галчонка нашли одним майским утром возле пункта приёма стеклотары. Ей было несколько месяцев от роду. Она и тогда не кричала, терпеливо ожидая спасения. Когда бледно-лиловый кант только появился на горизонте и обвязал небо, сторож местного магазина, бывший фронтовик, обнаружил свёрток, приняв его сперва за что угодно, но уж точно не за крохотную жизнь... Это благодаря ему Галчонок выжила!

Как-то мы прочли в энциклопедии, что если птицу галку приютить ещё птенцом и вырастить в неволе, то она считает человека родственником, привыкает к нему и разговаривает с хозяином на своём птичьем языке. А ещё эта птица умеет улетать из хозяйского дома и возвращаться в него... Мы невольно смотрели на тихого, угрюмого Галчонка и проводили горькие параллели.

В один из сентябрьских дней, скучных и промозглых, когда первый грязный снег, бурый, ноздреватый покрывает дремлющую скудную землю, к нам поступила новенькая. Её

звали Катя. Эта пятилетняя, рослая не по годам девочка оказалась угрюмее Галчонка. Она тебила густые короткие косички с вплетёнными голубыми лентами; скручивала трубочкой тонкие губки, глядя исподлобья на нашу ватагу. Казалось, зелёные глаза её не моргали. Она была замкнута и непроницаема, словно тяжёлый булыжник. Первые несколько часов мы глядели на неё косо, презирая её нелюдимость и молчание, но потом кто-то проболтался, что Катя – немая... Она могла только мычать, когда выражала свои эмоции. Девочка поступила к нам с небольшим узелком, куда вместились её тряпки, кукла и одна книжица большого формата, которую она пыталась по-своему читать кукле, воображая, что та – её дочка. А в книжке Катя что-то всё время прятала...

Те, для кого интернат стал вынужденным пристанищем, пережившие первые трудные месяцы адаптации и попривыкшие к нему, как привыкают к суровым глазам мачехи, смотрели на новичков непродолжительное время сочувствующе. В нас не могло быть постоянного сопереживания, потому что мы знали, что уже завтра новички не будут новичками, а позже вырастут из штанишек, и так же свыкнутся с уставами мачехи, и им будет не страшно смотреть в её тоскливые пустые глаза.

Я говорю "мы", "нас" потому, что за долгие годы пребывания в интернате, успела породниться с его юными и совсем маленькими обитателями. Не знаю, как так вышло, само собой что ли, но Катя выбрала меня своей "мамой"... Сначала мне пришлось подыграть ей. Было необычно и забавно. Мне даже понравилось играть роль настоящей маленькой мамы...

С карликовых берёз, глядевших в занавешенные окна первого этажа, давно облетела последняя листва. Шёл снег – мелкая ледяная крупа барабанила по карнизам. Мы сидели кругом на полу и читали по очереди книгу. Помоему, это были маленькие рассказы Куприна. Катя прильнула ко мне и ласково гладила мои руки, волосы, лицо. Девчонки постарше хихикали по-доброму, без злобы и издёвок... Похоже, все, кроме Галчонка, привыкали к этому до такой степени, что ни у кого не вызывало удивления, если Катя отказывалась от обеда или дневного сна, не окажись я с ней рядом.

– Эта каша только для принцесс... Нужно поесть, солнышко, – доверительно уговаривала я её. – Мы с тобой ведь одинаковые... Я такая же как ты, а ты такая же как я. Разве не чувствуешь? Я свою кашу уже съела. Даже добавки попросила, – соврала я.

Катя верила моим словам наивно и беспрекословно. Это тогда мне казалось, что я часто врала, чтобы ей было легче, а на самом деле я всегда говорила правду. Это особенная детская правда, которую не всегда понимают взрослые. А мы вдали во спасение и не стыдились этого. Я и сейчас бы солгала ей сотню раз, чтобы она улыбалась. Осудите меня? Это не грязная, подлая, предательская ложь, а самая чистая ложь! Именно тогда я заметила, как остро стала нуждаться во мне Галчонок. До появления новенькой у неё наверняка и мысли об этом не было, но неожиданно её подтолкнуло что-то, и в этом она видела второе спасение. Галчонок повторяла всё, что делала Катя, словно была её отражением в зеркале. У неё получалось это не очень умело, но не видеть её искреннего старания я не могла. Не знаю отчего, но эта её покорность, граничащая с невольным унижением, о котором она и не подозревала, поначалу раздражала меня, и я назло игнорировала несчастного тихого нашего Галчонка... А потом я возненавидела себя за эту подлость, низость, это скотство, наконец! Мне стало стыдно до невозможности, до крайности!

Где-то в далёкой стране живёт добрый дракон, охраняющий в человеческом сердце добродетели. Если их не беречь, придёт злой король и растащит всё из сердца, раскидает, разрубит на части и равнодушный ветер разнесёт по свету части добра... Так начиналась наша сказка, которую я иногда читала Кате и Галчонку перед сном. Кровати девочек стояли спинка к спинке. Я усаживалась на стул посредине, и обе "дочки" прижимали к себе мои ладони крепко-крепко... Сон одолевал их детские существа и хватка маленьких рук ослабевала. Я сидела на стуле рядом с их кроватями ещё какое-то время, а потом тихо выходила из спальни...

Весной, ещё холодной и снежной, летели из заспанных форточек бумажные самолётики. Разноцветные, в клеточку, в линейку... планировали в воздухе, не желая пикировать вниз. Катя хлопала в ладоши и восторженно повизгивала. Её жёлтый самолётик, ещё не до конца просохший от краски, приземлился на берёзку. Она удивлённо поглядела на него, потом перевела вопрошающий взгляд на меня.

– Вечного полёта не бывает, Катюшка...

И тут я снова солгала, только уже не специально, а по незнанию.

Любопытно было смотреть, как Галчонок осторожно, чтобы не обидеть Катю, но в то же время казаться в моих глазах лучше, запустила самолётик чуть сильнее и дальше. Тонкая ру-

чонка вытянулась и напряглась, словно тетива, и самолётик в величии взлетел насколько мог высоко, и как мог долго оставался в воздухе. О, святая простота... в молчаливом ликованием наблюдающих галчонкиных глаз, застывшей позе, всё ещё провожающей самолётик. Он приземлился плавно, гордо и с благодарностью своему юному конструктору.

Катя поджала губы и задумалась, потом убежала в конец комнаты и села в угол. Я долго смотрела на неё, сидя на широком подоконнике и ничего больше не говорила. Галчонок сидела рядом, но уже не посмела провоцировать подругу и сдержала желание прильнуть ко мне. Катя тоже не сводила с нас огорчённых светлых глаз. Мы тогда разговаривали молча... Надолго запомнился мне тот безмолвный разговор. Но только став взрослой, я поняла, что умеющий молчать, скажет гораздо больше того, кто блещет красноречием...

Когда я задерживалась в школе и не приходила в положенное время в интернат, Катя залезала на подоконник рядом с Галчонок и упиралась мордашкой в оконное стекло. Теперь две полные веры и терпения мордочки тарасили самые светлые и чистые глазки в ожидании мамы. От тёплого детского дыхания на стекле появлялись мутные кружочки и быстро исчезали. Галчонок и Катя подолгу молчали, угрюмые, но твёрдо верившие в чудо. Они уже не обращали внимания на глаза мачехи-интерната, ведь где-то была мама... Мечта о ней, доброй и единственной, согревала их обеих.

Мы любили рисовать. Просто обожали это занятие. Для Галчонка оно было целым отдельным миром с его героями, сюжетами, судьбами... У неё всё всегда заканчивалось хорошо, не так, как часто бывает в действительности. Она просто об этом не знала – рисовала, как чувствовала, сохраняя детскую любовь. Однажды я застала своих художниц за спором. Не простую задачу они себе поставили: нарисовать мне открытку на память. Но так как Катюша словами оспорить своё мнение не могла, она мычала и трясла перед Галчонок своей книгой, с которой поступила в интернат.

– Что за спор? – деловито поинтересовалась я.

Обе девочки подбежали ко мне.

– Катя мне показала какую-то сухую ветку и кивает, мол, давай срисуем для мамы, – наспех, боясь, что Катя начнёт перебивать, протараторила Галчонок.

Но Катя подтвердила её слова энергичным кивком.

– Хорошо! – потянула я. – И что же это за ветка? Взглянуть можно?

Катя, не желая раскрывать сюрприз, прижала книгу к груди.

– М ммм, – отрицательно помотала головой Катюша.

– Нет, значит?! – переспросила я, думая, как мне разрешить спор.

Мой взгляд перешёл на Галчонка, и Катя, словно испугавшись, что я начну допытывать её подругу, умоляюще посмотрела на нее.

– Ну, а ты, Галчонок? – обратилась я к той.

– А я своё хочу рисовать! – уверенно ответила девочка. – Что это за ветка? Не растут у нас такие.

Катя вспыхнула румянцем, но скоро остыла.

– Тоже верно, – ответила я ободряюще. – Знаете что? Берите чистые листы, краски и айда на подоконник – рисовать вместе! Вы для меня, я – для вас. Главное, что каждый нарисует то, что он хочет подарить другому.

Девочки ринулись за красками и бумагой. Мне не терпелось узнать, что же прятала Катя в своей книге, но посмотреть сейчас я не могла. Я расположилась отдельно от Кати с Галчонок, чтобы не смущать их, и принялась за работу. Было видно, как Катюша заглядывает в книгу, что-то срисовывает и снова закрывает её. Я изо всех сил старалась делать вид, что ничего не замечаю, и мне это удалось. К тому же процесс живописи увлёк меня окончательно. Галчонок теснее примкнула к сосредоточенной Кате, и творческая мастерская запестрела и запахла красками. Изредка девочки тихонько хихикали и мазали друг дружке кисточками аккуратные носики. В тот день мы решили, что сбережём наши открытки до поры...

Я пробыла "мамой" для Кати ровно полтора года, пока её не забрали в новую семью. Не думала, что прощаться будет так непросто. Чужие когда-то люди становятся родными, привязываются друг к другу крепко-накрепко невидимыми нитями судьбы, разрывать которые невыносимо страшно... Я тогда не вполне понимала, какие чувства испытываю. Мне было тоскливо и тяжело отпускать Катю.

В последний наш день она стояла растерянная посреди игровой комнаты, плакала, раскрасневшись от слёз, и мычала... Рядом с ней молча, в ожидании, стояла Галчонок. Я различила в смешении звуков слово "мама". В отчаянии я кинулась к ней и крепко обхватив, наспех целовала её зарёванное личико. Она вцепилась руками в мои плечи, но тут Галчонок заметалась, переводя испуганный взгляд от меня к Кате и обратно, и принялась разнимать

нас. Катя превосходила в силе. Она оттолкнула Галчонку, и та упала. Ни звука не проронила, задрожала и выбежала прочь.

– Галчонок! – крикнула я вдогонку и хотела было ринуться за ней, но Катя схватила меня за руку.

Обессилив, я села на пол. Девочка опустилась рядом. Я не знала, что мне говорить и предпринимать. Я не знала, как прощаются в этих случаях. За окном на карнизе шныряли голодные воробьи. Один, драчун, летал над остальными и бил их крыльями. Он был крупнее и пронырливее других. Те, что поменьше, отбивались, пытаясь уцепиться лапками...

"Пожалуй, – думала я, – было бы лучше вообще никогда не встречаться и не привязываться. Не было бы так больно... Или хотя бы сегодня... не видеть её... убежать прямо сейчас!"

– Ты чего удумала? – вдруг заговорила я. – Семья – это хорошо. Мамка настоящая у тебя будет! Чего тут пропадать? Слышишь?

Она слышала. И мычала:

– А-а...

Мама значит...

– Беги к ним! – отцепила я её руки. – Живо!

Катя сидела неподвижно. Я поднялась и сама убежала прочь из игровой.

– Лидия Михайловна! – окликнула я со спины идущую по коридору воспитательницу. – Куда Катюху отдаёте?

– Да на Мянунджу девчонку забирают. Хорошая семья. Не переживай. Там ещё двое детей есть. Уживутся... Это же нашей Катюхи родственники! Двоюродная тётка по матери.

– Не хочет она! – возразила я. – Почему они только сейчас за ней приехали?.. Не хочет она... – повторила я уже как-то несмело.

– А ты почём знаешь? Хочет – не хочет... Тебе что? Завтра школу окончишь и уедешь поступать, а ей тут каково? Что так разлука, что так...

– А на родителей этих посмотреть можно? – не унималась я.

– Да у заведующей они, вроде... А ты чего? Чего делать собираешься? – крикнула мне Лидия Михайловна, когда я побежала дальше по коридору.

Мы сидели с Галчонком на подоконнике и, уткнувшись носами в стекло, глядели, как увядает нашу Катю. Она держала в руках узелок, с которым поступила к нам; шла нехотя, иногда

упираясь и оглядываясь. В комнату вошла няня.

– Чего трагедию устроили, глупые? Радуйтесь за Катюху! – бодро сказала она.

Галчонок громко слотнула накопившиеся слёзы и глянула на меня. Я горько улыбнулась, и мне стало противно от всего этого. А Галчонок тоже улыбнулась.

– У тебя ведь осталась я, – с надеждой сказала она.

– Ну конечно! Милый Галчонок! А у тебя – я!

– Лена, – обратилась ко мне няня, – тут Катюха впопыхах книжицу свою оставила. Вот возьми! – протянула она мне книгу. – Затеряется ещё... А так-то – вы ж родные люди друг дружке. Пусть у тебя остаётся. Авось, встретишься ещё...

Я молча взяла дорогую моему сердцу вещь. Почему-то долго не решалась книгу открыть, словно боялась узнать Катин секрет, который раньше меня особо волновал. О, как билось сердце моё! Только Галчонок смело, решительно глядела мне в глаза, подталкивая к важному шагу.

– погоди, – остановила я её. – Не обижайся только, Галчонок... но... можно я одна это сделаю?

– А ты меня любить не перестанешь?

– Нет! Нет! Что ты, глупенькая! Ты тут подожди меня. Я вернусь скоро.

Галчонок послушно села на наш подоконник и принялась ждать. Я вышла за дверь, осмотрелась и медленно открыла потрёпанную Катину книгу. На семнадцатой странице была вложена открытка, та самая, которую мне рисовала Катя тогда вместе с Галчонком... Внутри – маленькая сухая, почти опавшая веточка мимозы и написано одно только слово: "МАМА". И всё.

Я вернулась в комнату. Галчонок прятала что-то за спиной.

– Вот! – сходу протянула она мне листок бумаги. – Там же у Кати открытка была, правда?

Я кивнула.

– И у меня открытка...

О, святая простота! Белый альбомный лист, сложенный вдвое..., внутри одно только слово: "МАМА" и юная акварельная веточка мимозы...

ЛЮДМИЛА ШАРОВА

Краснодарский край

Людмила Николаевна Шарова живёт в станице Украинская Павловского района Краснодарского края – на своей малой родине.

Член Международного Союза писателей и мастеров искусств.

САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ...

(Рассказ удостоен специального диплома
Всероссийского фестиваля-конкурса
"Поэзия русского слова", Анапа)

Прозвенел звонок с последнего урока. Пашка быстро положил книги с тетрадками в портфель и вышел из класса. Шёл он домой не спеша, размышляя над домашним заданием учительницы Надежды Михайловны – написать сочинение в пять предложений на тему "Самый счастливый день в моей жизни".

Цвели вишни. В палисадниках краснели тюльпаны, жёлтые нарциссы источали тонкий аромат, трава набирала свою изумрудно-зелёную силу. Дул тёплый порывистый ветер, путая русые волосы на Пашкиной голове.

"Да, вот это задание – "Самый счастливый день"! – думал он, а в памяти, как кадры увлекательного кинофильма, уже прокручивались события, которые делали его жизнь счастливой.

Решающий гол, забитый им в ворота соперника.

Велосипед, подаренный дедом в день рождения.

Да, а щенок, который сам пришёл к ним на подворье – такой хорошенький? За считанные минуты Пашка научил его давать лапу, а чуть позже – выполнять все команды.

А вот ещё в прошлом году он с другом пошёл на рыбалку и с моста поймал огромного леща. Он вспомнил, с каким трудом тащил рыбку и как кричал от радости, всё ещё не веря в такую удачу.

Но это всё мелочи... Что же ещё-то? И тут Пашка вспомнил, что неделю назад с ним случилось то, о чём он мечтал всю свою сознательную жизнь. И сразу сердечко ёкнуло – вот это и есть то самое!

С мамой они поехали в райцентр за летней обувкой для Пашки. Обувь купили сразу как приехали, в первом же промтоварном магазине. Больше им в районной станице делать было нечего, поэтому мама сразу поспешила на автостанцию за билетом на обратную дорогу. Очередь в единственную кассу казалась бесконечной, поэтому пока мама пристроилась в её хвосте, Паша уселся на ближайшей скамейке, коротая тягучее время в рассматривании проезжающих автобусов и машин, с наслаждением вдыхая запах зажатых под мышкой новеньких кед и сандалий и радуясь обновкам. Пока мама стояла в очереди и покупала билеты, Пашка совсем заскучал и начал было уже клевать носом, когда, наконец, услышал:

– Паша, у нас остались деньги на пирожное и целых три часа времени, – показывая билеты, мама объявила: – Мы идём в кафе.

Пашка в кафе никогда не был – только слышал это чудное название, поэтому встрепнулся:

– Правда, мама? Идём в кафе?

Они направились к находившемуся напротив автостанции зданию с огромными светлыми окнами. Заходя в кафе, Пашка поправил вихрастую шевелюру и, смущаясь, прошёл следом за мамой в зал. Сели они за столик у окна. Девушка с шикарной косой, мило улыба-

ясь, принесла пирожные и чай с лимоном. Пока они вот так чаёвничали, сын смотрел на маму и совсем не узнавал её. Она была другая, намного моложе той, которая там, дома, крутилась в ежедневной обыденной станичной суете. У неё, вон, даже морщинки разгладились.

Ему захотелось остановить время – такой маму он не видел никогда. Когда Пашка ложился спать, она ещё была занята делами – всегда в заботах, всегда выглядевшая усталой, и ни разу ему не удавалось проснуться раньше неё. А вот сейчас мама сидит напротив, улыбается, слушает его, Пашку, смотрит в его глаза, не скрывая радости. Только сейчас он осознал, как она устаёт.

"Вырасту, заработаю деньги, куплю маме пирожное. Не-не, торт, и мы весь день просидим с ней кафе, а привезу я её сюда на машине. Она отдохнёт от этих утей, курей, от коровы. Куплю ей самое красивое платье. С сегодняшнего дня, стану помогать ей во всём, что бы она оставалась такой, как сейчас – радостной и красивой", – мечтал Пашка, разглядывая любимое лицо

Вдруг Пашка ощутил какое-то беспокойство. Он повернул голову – из глубины зала, словно с фотографии, которая стоит у них в рамке на комод в маминой комнате, на него смотрел мужчина в серой кепке. Их взгляды встретились. Мужчина поманил мальчишку к себе рукой. И Пашка, хоть и никогда не видел его, сразу узнал – папка! Втайне, наедине с собой, он и мечтал об этой встрече, и боялся

её. Пашка глянул на маму, ресницы его вздрогнули, мимолётный страх растворился, и больше ни в чём уже не сомневаясь, он решительно поднялся и пошёл на встречу с отцом.

– Ты куда, сынок, кто там? – взволновано проговорила мама.

– Ну, здравствуй! Ты Тонькин сын? – мужчина пошарил в карманах широких брюк и, достав смятую трёхрублёвку, вложил в ладонь подошедшему Пашке.

–Здравствуй, папка!

– Наша порода! Узнаю! – проговорил отец, повернулся и пошёл к выходу.

Пашка стоял в полном недоумении – он хотел обнять отца, прижаться всем своим существом к сильному родному человеку, едва сдерживая себя, чтобы не обронить слезу от мгновенно нахлынувшего счастья. А тут...

– Пашенька, у нас автобус, – как сквозь вату услышал он ставший вдруг каким-то надтреснутым мамин голос.

Уже дома, не раздеваясь, Пашка достал тетрадь и написал те самые пять предложений о своём самом счастливом дне:

"Самый счастливый день в моей жизни – это день, когда я увидел своего отца и он дал мне три рубля. Я теперь знаю его и никого не боюсь. У меня самая красивая мама на свете. Я всегда ей помогаю во всём. У меня есть дедушка, он очень добрый, есть друг Сашка, велосипед и собака".

Краснодар литературный

Литературно-художественный и общественно-публицистический журнал

№ 2, декабрь 2020 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Краснодарское региональное отделение Союза писателей России

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350000, Краснодар, ул. Коммунаров, 58

Электронная (цифровая) версия журнала публикуется
на сайтах библиотек и на литературных интернет-ресурсах